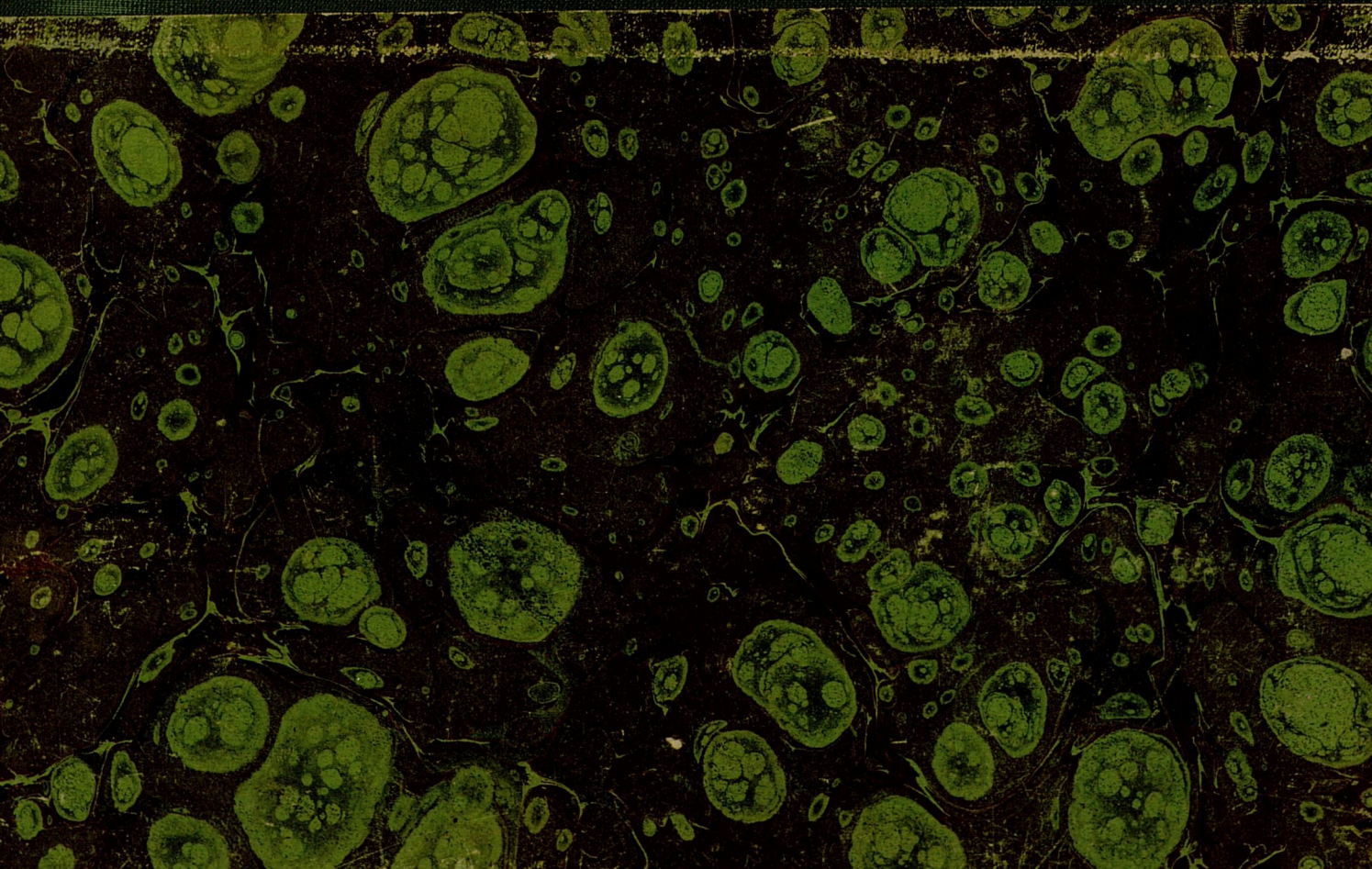


зала 37
шкафъ 28
полка 7
№ 4.

Л. А. Чарская.

СОЛНЫШКО.

СБОРНИКЪ РАЗКАЗОВЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

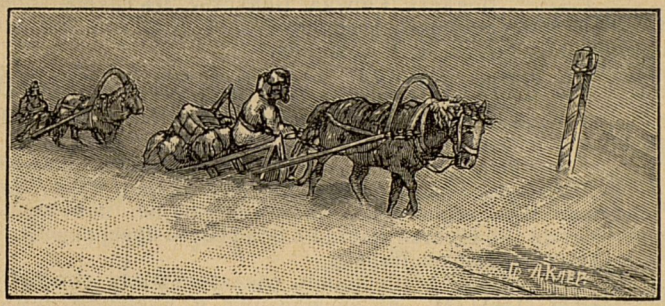
Съ рисунками художника М. А. Андреева.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

Л. А. Чарская.

СОЛНЫШКО.

СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.



Съ рисунками художника **М. А. Андреева.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

Сочиненія Л. А. ЧАРСКОЙ.

„СѢВЕРНЫЙ БОГАТЫРЬ“

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СУВОРОВЪ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ.

Дивный предметъ изученія представляетъ Суворовъ, какъ лицо историческое, какъ полководецъ, какъ Русскій самобытный геній, создавшій свою „науку побѣждать“. Суворовъ, покоритель Праги и Варшавы, побѣдитель на Рымникѣ, рѣшитель судьбы Польши,—онъ ходилъ „спасать Царей“ и народы, бился на берегахъ Требіи и льдахъ Сенъ-Готарда, въ улусѣ Нагайскомъ, на степяхъ Заволжскихъ и Закубанскихъ, засѣдалъ въ совѣтахъ Царей и кабинетѣ дипломатовъ, жилъ на бивакѣ солдатскомъ, въ своемъ сельскомъ уединеніи—пѣлъ на клиросѣ своей деревенской церкви, игралъ съ ребятишками въ бабки.

Свѣтлый воинъ. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Историческая повѣсть временъ царствованія Бориса Годунова, Лжедмитрія и Василія Шуйскаго. Соч. **Л. Чарской**; съ рисун. художника Андреева и др., 365 стран. Спб. ц. 2 руб.

Яркія звѣздочки. Разсказы для дѣтей младшаго возраста Л. А. Чарской; съ 60 рисунками и заставками художника И. Зубрилова и др., въ папкѣ ц. 1 р. 20 к.

Синія тучки. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста Л. А. Чарской съ 49 рисунками и заставками художника А. Шлипера и др. Красивый томъ, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

Солнышко. Сборникъ разсказовъ для дѣтей Л. А. Чарской. Раз. съ рисунками въ папкѣ. Спб., цѣна 1 р. 35 к.

Гимназисты. Повѣсть. Сирена. Повѣсть. **Въ глуши.** Повѣсть для старшаго возраста *Л. А Чарской*, съ рисунк. художн. Андреева. въ папкѣ, ц. 1 р. 20 коп.

Струйка за струйкой. Волна за волной. Сборникъ-пересказовъ, по нѣмецкимъ дѣтскимъ писателямъ Л. А. Чарской. Съ рис. Спб., цѣна 1 р. 35 к. Оглавленіе. Живая игрушка. Мальчикъ съ обезьянкой. Какъ маша—мышка рождество справляла. Урокъ на всю жизнь. Фея работы. У синяго моря. Господа Косоглазкины. Я могу самъ. Заблудшая. овечка. Чернушка. Горе перепелокъ. Слезами горю не поможешь. Злючка Мими. Происшествіе. Рождество настало. Волшебное превращеніе. Полезная затѣя. Въ Манчжуріи. Плохо. Нянька.

Въ добрый часъ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Составлен. по англійскимъ и американскимъ писателямъ Е. Чистяковой-Вэръ, съ 72 рисунк., ц. 1 р.

Итальянскія сказки собранныя и обработанныя Е. Чистяковой-Вэръ. Съ 62 рисунками. 318 стр. въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к. У итальянскихъ писателей богатая фантазія бьетъ бурнымъ ключемъ, живость разсказа, разнообразіе и богатство сказочныхъ образовъ невольно увлекаютъ юнаго читателя въ страну чудеснаго.

Чтеніе—лучшее ученіе. Сборникъ разсказовъ составленный по американскимъ и англійскимъ дѣтскимъ писателямъ Е. Чистяковой-Вэръ, въ папкѣ. Спб. съ 90 рисунк. ц. 1 р. 35 к.

Англійскія сказки. Собранныя и обработанныя Е. Чистяковой-Вэръ съ 108 рис., въ папкѣ. ц. 1 р. 50 к.

Тип. Ясногородского, Спб., Гороховая, 17.

Солнышко.

Моему ясному солнышку—дорогому мальчику эту повѣсть посвящаетъ мама.

I.

ще въ гимназіи на урокѣ исторіи Юрикъ себя чувствовалъ не важно. Голова болѣла, въ ушахъ стоялъ звонъ. Ему все казалось, что это отъ шума. Ужасно шумѣли мальчики въ это утро. Приходилъ инспекторъ въ классъ и дѣлалъ выговоръ. Пятлевскаго даже къ стѣнкѣ поставилъ за то, что тотъ захихикалъ на весь классъ. Послѣ ухода инспектора у Юрика голова заболѣла еще сильнѣе.

Съ трудомъ поднялся онъ послѣ роспуска изъ гимназіи въ 5-ый этажъ гдѣ они съ мамой снимали маленькую квартирку.

Лѣниво стащилъ съ себя Юрикъ пальто и фуражку въ передней, бросилъ то и другое на корзину, замѣняющую имъ столъ въ прихожей и черезъ залитую солнцемъ гостиную (она же и столовая) и черезъ его Юрикину «собственную» комнату прошелъ къ мамѣ.

Мама лежала на отоманкѣ. У нее было усталое, измученное лицо. Вотъ уже полъ года, Юрикъ

видитъ такое лицо у мамы. Мама больна. Она сильно простудилась, играя въ театрѣ, (Юрикина мама—актриса) еще осенью и съ тѣхъ поръ Юрикъ иначе не можетъ представить себѣ маму, какъ лежащей на оттоманкѣ съ перомъ и бѣлой тетрадкой бумаги въ рукахъ. Мама не лежитъ просто, какъ всѣ больныя. Мама пишетъ. Пишетъ разсказы, повѣсти для дѣтей, пишетъ большіе романы для взрослыхъ, историческіе романы и стихи.

Юрикъ очень любилъ читать мамины произведенія. Любятъ ихъ читать и другіе дѣти.

Цѣлый большой нижній ящикъ изъ подъ вина въ буфетѣ полонъ дѣтскими письмами къ мамѣ. Въ этихъ письмахъ дѣти, мальчики и дѣвочки пишутъ Юрикиной мамѣ о томъ какъ интересны ея повѣсти и разсказы, называютъ самыми нѣжными, ласковыми именами маму, шлютъ ей тысячу поцѣлуевъ и привѣтствій.

Мама дорожитъ этими письмами и хранитъ ихъ. Дѣтямъ мама отвѣчаетъ постоянно и въ свои письма подписываетъ такъ: «другъ дѣтей Нарская».

Юрикина мама—писательница. Писательница и актриса въ большомъ Петербургскомъ театрѣ. Утромъ мама, когда здорова, бываетъ на репетиціяхъ, вечеромъ играетъ въ спектакляхъ, а днемъ и ночью мама пишетъ въ ея спальнѣ гдѣ лампа иногда горитъ у нея до разсвѣта. Иногда, проснувшись ночью, Юрикъ видитъ изъ своей комнатки (его комната рядомъ съ маминой) какъ тоненькая мамина фигура и темная головка закрученными небрежно волосами склоняется надъ пись-

меннымъ столомъ, а худенькая рука мамы съ поразительною быстротою бѣжитъ по бѣлымъ страницамъ тетрадки. Мама все пишетъ, пишетъ...

Юрику часто, при видѣ маминой работы, ночной, особенно, становится очень жаль мамочку.

— Вотъ выросту большой, думаетъ Юрикъ, сдѣлаюсь инженеромъ, буду получать жалованіе и стану все отдавать мамочкѣ. Тогда ей не придется такъ надсаживаться въ работѣ, бѣдняжкѣ. Она разцвѣтетъ, поправится и пополнѣетъ.

И Юрикъ уже видитъ въ мечтахъ себя инженеромъ, а милую мамочку здоровой, розовой и цвѣтущей.

Но ему, Юрику, такъ долго еще учиться, такъ убійственно долго, пока онъ выростетъ и станетъ помогать мамѣ.

Мама и Юрикъ одни на свѣтѣ. Папы у Юрика нѣтъ. Юрикъ его даже не помнитъ. Папа умеръ давно. Мама совсѣмъ молоденькой дѣвочкой вышла замужъ за офицера и очень скоро овдовѣла, оставшись съ полугодовымъ Юрикомъ на рукахъ.

Мамѣ долгое время помогалъ дѣдушка. Но у дѣдушки была своя большая семья на плечахъ и, чтобы облегчить жизнь дѣдушки, мама рѣшила сама зарабатывать деньги своему Юрику и какъ нибудь скорѣе освободить дѣдушку отъ его помощи.

Дѣдушку Юрикина мама всегда горячо любила. Она часто говорила Юрику: какъ я бы хотѣла, мальчикъ, чтобы ты меня любилъ также, какъ я люблю дѣдушку! Но Юрику казалось, что такъ любить маму какъ онъ

никто никого не можетъ. Съ мамой и Юрикомъ жила еще фрейлейнъ Мари, Юрикина бонна. Юрикъ не особенно любилъ фрейлейнъ. У Юрика съ фрейлейнъ часто происходятъ схватки. Мама называетъ эти схватки «конфликтами» и очень огорчается, когда они бываютъ между ея мальчикомъ и бонной Часто мама говоритъ Юрику:

— Если ты такъ не любишь фрейлейнъ, скажи. Я дамъ ей хорошую рекомендацію, аттестатъ и устрою ее на другомъ мѣстѣ. А то такія ссоры и непріятности только изводятъ васъ обоихъ.

Но Юрикъ отлично понимаетъ, что фрейлейнъ крайне исполнительный, хорошій, честный и трудолюбивый человѣкъ и рѣшаетъ „ладить“ съ фрейлейнъ ради спокойствія мамы. Недавно съ фрейлейнъ случилось несчастіе. Она заболѣла тифомъ и ее отвезли въ больницу. Теперь вмѣсто фрейлейнъ съ Юрикомъ гуляетъ Маша—кухарка, а вмѣсто Маши на кухнѣ орудуетъ Машина мать Аграфена, выписанная изъ деревни.

— Я бы низачто не взяла второй прислуги—говоритъ мама, если бы только была здорова, но мнѣ не справиться больной съ помощью одной Маши. И мама вздыхала при этихъ словахъ.

Юрикъ очень хорошо понималъ отчего вздыхала мама. Новая прислуга—новые расходы. А у мамы они и такъ за этотъ годъ разрослись въ огромную сумму. Доктора и лекарства стоили такъ дорого и изъ за этой противной болѣзни приходилось мало писать, или вовсе не писать мамѣ, а жить на то не-

большое жалованье, которое мама получала изъ театра было трудно.

Еще въ прошломъ году мама была такая веселая, здоровая, живая какъ ртуть. Она бѣгала съ Юрикомъ по комнатамъ, играя въ пятнашки, прыгала, какъ дѣвочка и танцовала... А теперь худенькая и блѣдная, она лежитъ цѣлыми днями на отоманкѣ и если не пишетъ своихъ повѣстей и не видитъ около себя Юрика, то глаза у нея становятся такіе печальные, грустные и иногда на изнуренномъ отъ болѣзни лицѣ мамы Юрикъ видитъ слѣды предательскихъ слезинокъ.

Въ тѣ дни, когда бываютъ репетиціи и спектакли, мама черезъ силу поднимается со своей отоманки, одѣвается при помощи Маши и, вся укутанная платками, ѣдетъ въ театръ. Должно быть, въ эти дни она играетъ черезъ силу, потому что на слѣдующее утро Юрикъ видитъ что лицо мамы осунулось еще больше, глаза стали еще глубже, и окруженные синими кругами горятъ лихорадочнымъ огнемъ.

И еще дороже и жальче становилась въ такія минуты Юрику его мама. Юрикъ лучше всякаго другого знаетъ, что и работаетъ и трудится и служитъ мама только для него, для одного Юрика. И ночи не спитъ, и черезъ силу на службу ѣздитъ все для милаго своего единственнаго мальчика, какъ часто, часто называетъ Юрика мама.

Разъ, какъ то, Юрикъ слышалъ, какъ мама говорила кому то изъ знакомыхъ, пришедшихъ навѣстить ее:

— Меня не болѣзнь, ни муки пугаютъ, а смерть. Одна смерть. И не за себя, а за Юрика моего... Кому я его оставлю, сиротку мою? Повѣрите-ли, въ отчаяніе прихожу при одной мысли о томъ, что онъ останется круглымъ сиротою... О, Господи! Нѣтъ, съ собой его возьму на тотъ свѣтъ... Возьму непремѣнно!

И Юрикъ слышалъ изъ другой комнаты, какъ горько и жалобно заплакала мама.

Въ другой разъ больную маму посѣтилъ редакторъ того дѣтскаго журнала, гдѣ мама работала уже восемь лѣтъ.

Не подозрѣвая о присутствіи въ сосѣдней комнатѣ сынишки, мама схватила руку редактора и горячо взволнованно проговорила:

— Я сдѣлала столько... столько для вашего журнала... Я силъ своихъ не щадила... И за это... за это... поклянитесь мнѣ, что когда я умру, вы напишите воззваніе къ моимъ друзьямъ дѣтямъ... Пусть кто сколько можетъ изъ нихъ, пожертвуетъ на моего ребенка... Вѣдь поймите... Онъ нищимъ послѣ смерти моей останется. Нищимъ... сиротою...

И опять не выдержала, заплакала мама.

И Юрикъ заплакалъ, притулившись въ своемъ уголку.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Мама будетъ жить! Ты, Господи, сохрани ее для меня. Пожалуйста сохрани, Господи, для Юрика его маму!.. пролепеталъ, онъ поднимая полные мольбы и слезъ глазенки на висѣвшій въ его комнатѣ образъ нерукотворнаго Спаса.

II.

Когда Юрикъ вошелъ, мама лежала на своей отоманкѣ съ теплымъ ватнымъ одѣяломъ на ногахъ. Укутанную такимъ одѣяломъ, хотя въ комнатѣ было тепло, почти жарко, какъ въ банѣ, маму трясла и била лихорадка. Вокругъ мамы на отоманкѣ и на придвинутыхъ къ ней столикѣ и табуретѣ лежали исписанные крупнымъ маминымъ почеркомъ большіе листы. Юрикъ зналъ, что это новая недавно лишь начатая мамина повѣсть. Когда мамѣ становилась лучше, она читала эту повѣсть въ рукописи вернувшемуся изъ гимназіи Юрику. Еще чаще читала мама сынишкѣ Гоголя, Пушкина, Записки охотника Тургенева, Фрегатъ Паллада Гончарова.

Ахъ, какъ любилъ эти часы маминаго чтенія Юрикъ, какъ дорожилъ ими! Когда мама уставала, они говорили о прочитанномъ. Было весело и пріятно. Лампа подъ зеленымъ абажуромъ бросала ласковый мягкій свѣтъ на склоненную голову мамы, на ея длинную косу, на милую кудрявую головку Юрика, на его блѣдное личико, какъ двѣ капли воды похожее на лицо мамы.

И мамѣ казалось въ такія минуты, что она поправится скоро, очень скоро, и что Господь не захочетъ лишить ея сына его единственной поддержки.

И тогда въ сердцѣ мамы снова разцвѣтала надежда . . . . . .

. . . . . .

— Ты вернулся уже, маленькій? Отчего ты такой красный? Здоровъ-ли ты?

— Здоровъ, только головка болитъ, мамочка.

— Сильно болитъ?

— Нѣтъ немножко! Ты не безпокойся, пройдетъ мамочка. Право же очень, очень скоро пройдетъ! поспѣшилъ успокоить маму Юрикъ и... сказалъ не правду.

Голова у него болѣла очень сильно и въ ушахъ стоялъ такой звонъ, точно гдѣ-то очень близко отъ него гулко ударяли большіе церковные колокола. Но у бѣдной мамы было такое встревоженное и испуганное лицо, что Юрикъ, побоявшись еще болѣе напугать маму, скрылъ про свой недугъ. Ему смертельно было жаль маму. Она лежала передъ нимъ на своей широкой отоманкѣ такая худенькая, блѣдненькая, такая слабенькая больнуша, что мучить ее еще больше своей болѣзнью Юрикъ считалъ грѣхомъ. Къ тому же онъ отлично слышалъ вчера, засыпая, какъ мама говорила Машѣ:

— Только-бы ребенокъ былъ здоровъ, а мои собственныя страданія мнѣ ни по чемъ... Жаль только, что денегъ мало... Скоро нечѣмъ будетъ платить доктору и за лекарство. Совсѣмъ я запуталась съ моей болѣзнью, Маша.

Юрикъ слышалъ и отвѣтъ Маши:

— Богъ милостивъ, барыня, будетъ здоровъ нашъ Юрочка. Только вы то поправляйтесь поскорѣе.

Послѣ всего этого, какъ же ему, Юрику, сказать мамѣ, что онъ боленъ? Положительно, это убьетъ его дорогую. И храбро рѣшившись скрыть свое недомоганіе, Юрикъ крѣпко поцѣловалъ худенькую мамину

руку, потомъ обнялъ маму, прикурнулъ рядомъ съ нею на отоманкѣ и пока мама, нѣжно разглаживала его мягкіе какъ ленъ кудрявые волосы своими слабыми пальцами, Юрикъ разсказывалъ мамѣ, что было у нихъ въ гимназіи сегодня, какъ шумѣли мальчики, какъ приходилъ инспекторъ, какъ досталось Пятлевскому, словомъ про все, про все.

Потомъ мама читала Юрику продолженіе ея повѣсти, написанной сегодня. Но Юрикъ мало понималъ что изъ прочитаннаго. Голова у него кружилась и болѣла все сильнѣе и сильнѣе. Звонъ въ ушахъ перешелъ въ какіе то стуки. Онъ сѣлъ нарочно спиною къ свѣту, чтобы мама не замѣтила его пылающихъ щекъ. Вскорѣ, подъ удобнымъ предлогомъ онъ выскользнулъ изъ маминой комнаты, взялъ изъ книжнаго шкапа „Охотниковъ за скальпами“ и умостившись въ углу гостиной на диванѣ у окошка, принялся читать.

Но любимый Майнъ-Ридъ съ его интереснымъ повѣствованіемъ о страшныхъ индѣйцахъ и ихъ битвахъ съ бѣлыми не развлекъ сегодня Юрика. Его больная голова поминутно напоминала о себѣ.

Тогда онъ съ досадой отбросилъ книгу и сталъ думать о сегодняшней задачѣ, заданной имъ въ классѣ учителемъ ариѳметики. Собственно задачъ было задано три. Двѣ изъ нихъ Юрикъ рѣшилъ, третью не успѣлъ сдѣлать. Вотъ именно объ этой-то третьей онъ и думалъ сейчасъ съ какимъ то ему самому непонятнымъ упорствомъ. Задача точно огненными цифрами впивалась въ его мозгъ. Онъ снова началъ рѣ-

шать ее мысленно и никакъ не могъ понять. Пуды, фунты, лоты, все это смѣшивалось въ какой то хаосъ въ больной головѣ мальчика. Задача не удавалась. Смутное, непонятное раздраженіе охватывало Юрика.

— Это ангина — рѣшилъ Юрикъ. — Ужасно непріятно. Опять придется звать доктора, ложиться въ постель и пропускать уроки. И мамочку разстроитъ.

Кровь бросилась въ голову мальчика. Ему вспомнилась мамина фраза, сказанная недавно такимъ взволнованнымъ, такимъ печальнымъ голосомъ.

— Только береги себя, голубчикъ... Ужъ и не знаю, что буду дѣлать, если заболѣешь ты. Фрейлейнъ въ тифу, я сама чуть передвигаю ноги, кто за тобой ухаживать будетъ? Пожалуйста, побереги себя.

И вотъ онъ, Юрикъ, боленъ, какъ нарочно!

Ахъ, какъ это тяжело и несносно. Противная ангина!

Юрикъ знаетъ, что это ангина. Онъ болѣетъ ею ежегодно, по нѣсколько разъ въ годъ. И привыкъ къ этой болѣзни. Сейчасъ онъ тоже узналъ всѣ ея знакомые признаки. Эту нестерпимую боль въ головѣ, стукъ и звонъ въ ушахъ, боль въ горлѣ при глотаніи и зябкую дрожь во всемъ тѣлѣ. Ангина и есть...

Противная ангина!

И углубленный въ свою досаду, Юрикъ не видитъ, какъ мама оставила работу и около десяти минутъ уже смотритъ на него изъ своей комнаты пристально и серьезно.

Она видитъ, какъ неестественно красенъ ея мальчикъ, какъ лихорадочно вздрагиваетъ онъ, какъ пылаетъ его лицо.

И вдругъ блѣднѣетъ мама. Быстро, какъ дѣвочка, забывъ про собственный недугъ вскакиваетъ съ отоманки, пошатываясь идетъ въ гостиную, къ дивану, на которомъ сидитъ Юрикъ.

— Мальчикъ, ты боленъ! Родной мой боленъ?— срывающимся голосомъ лепечетъ она. И обхватываетъ ребенка своими тонкими, худенькими руками.

Юрикъ хочетъ успокоить маму, хочетъ сказать ей, что все это пустое, что онъ здоровъ, совершенно здоровъ... что вотъ голова только немножко и горло... Но онъ не можетъ говорить... совсѣмъ не можетъ. Языкъ не повинуется. Какая то лѣнь сковываетъ все тѣло. Мама трогаетъ его больную голову и блѣднѣетъ еще больше.

— Жаръ! Боленъ! Этого еще не доставало! О, Господи! За что наказываешь меня!—лепечетъ она дрожащими губами и схватывается за голову.

Потомъ разомъ выпрямляетъ свою высокую, тонкую фигуру и кричитъ Машѣ:

— Ради Бога за Тарноу, скорѣе... дворника пошлите... Или по телефону лучше. Спуститесь внизъ къ телефону и по телефону доктора просите Торнау вызвать и пусть сейчасъ же, сейчасъ пріѣдетъ...Сейчасъ!

— Не надо... не надо доктора,—слабымъ голосомъ протестуетъ Юрикъ, у тебя и такъ денегъ мало, мамочка! Не надо доктора, право.

— Милый мой! Милый мой!—хватаясь за голову лепечетъ мама. И Юрикъ видитъ какъ изъ ея глазъ одна за другой выползаютъ слезинки и медленно, медленно скатываются по блѣдному, разомъ осунувше-

муся лицу. И у Юрика начинаютъ дрожать губы и ему хочется заплакать. Ему такъ жаль его больную, худенькую маму, которая ночи сидитъ у стола за работой ради него.

Да, ради него одного!

Но онъ сдерживается Юрикъ. Надо быть твердымъ, надо быть мужчиной. Вѣдь ему уже минуло одинадцать лѣтъ.

— Мамочка, милая, это ангина!—лепечитъ онъ въ какомъ то забытьѣ,—не безпокойся, пожалуйста... Это ангина!.. мамочка.

III.

— Это ангина!—говоритъ и мама входящему въ гостиную доктору Торнау, высокому, молодому симпатичному блондину. Но глаза у мамы такіе испуганные и сама она держится за притолку двери, чтобы не упасть.

Докторъ Торнау вотъ уже лѣтъ шесть лечитъ у Нарскихъ. Онъ отлично знаетъ натуру Юрика, его подверженность простудамъ, его постоянныя ангины. Онъ только молча улыбается и киваетъ головою.

Юрикъ уже лежитъ въ постели. Сейчасъ мама успѣла смѣрить ему температуру и поставить компрессъ на горло. Градусникъ показалъ 39,2 и это новое обстоятельство еще больнѣе заставило биться испуганное сердце мамы.

Торнау вошелъ. Юрикъ издали протянулъ ему ручонку. Теперь онъ былъ весь красный какъ кумачъ.

Губки у больного запеклись и ссохлись. Глаза, красные и воспаленные поминутно закрывались отъ слабости и жара. Молотки въ головѣ ударяли все сильнѣе и сильнѣе, а въ горлѣ слышалось какое то непріятное не то клокотаніе, не то хрипъ.

Докторъ Торнау отвернулъ одѣяло, раскрылъ рубашку на груди Юрика, отстегнулъ тонкую шелковую фуфайку и склонился надъ грудкой больного.

Склонилась и мама, стоявшая рядомъ со свѣчей въ рукѣ. Склонилась на мгновенье и тотчасъ же снова отпрянула назадъ. Вся грудь Юрика, животъ и плечи, все было сплошь покрыто какою то мелкою темнокрасною и густою сыпью.

— Скарлатина. У вашего Юрика скарлатина! проговорилъ докторъ Торнау, обращаясь къ поблѣднѣвшей, какъ смерть, испуганной мамѣ.

— О, Господи!—могла прошептать только мама и свѣча въ ея рукѣ задрожала такъ, что пришлось ее поставить на столикъ.

— Ничего! ничего,—продолжалъ докторъ,—рѣдкій ребенокъ выростетъ, не проболѣвъ скарлатиной, только надо беречься. Покажи-ка мнѣ горло, Юрикъ. Мальчикъ послушно открылъ ротъ. Клокотаніе усилилось и докторъ увидѣлъ вспухшую, красную,всю въ багровой сыпи гортань ребенка.

— Вотъ что,—проговорилъ Торнау, обращаясь къ мамѣ,— вы не волнуйтесь, пожалуйста... Скарлатина обѣщаетъ быть въ довольно тяжелой формѣ. Завтра вечеромъ придется сдѣлать прививку...

Мама киваетъ головою. Ея лихорадочно блестящіе глаза такъ и впиваются въ доктора.

— Да вы сами больны!—внимательно взглянувъ на маму, проговорилъ послѣдній.

— Вы вотъ что: есть у васъ кто-нибудь, кто бы могъ вамъ помочь въ уходѣ за ребенкомъ?

— Мама тупо посмотрѣла на доктора тѣми же страшно блестящими глазами и покачала головой.

— Нѣтъ! Никого нѣтъ!

Потомъ подумала немного и проговорила: Есть, да... Лелечка.

— Такъ вотъ, телеграфируйте этой Лелечкѣ. Пусть пріѣзжаетъ. А то вы сами чуть живы. Къ тому же она вѣдь опытная въ дѣлѣ ухода за больными... Всеже лучше. Сестра милосердія своя будетъ. Прекрасно! Прекрасно!—потиралъ руки Торнау.

Потомъ снова взялъ горячую рученку Юрика и произнесъ:

— Вы не тревожьтеесь напрасно. Температура будетъ очень высока. Можетъ быть и 40 градусовъ, можеть быть и больше. Я пропишу порошки и полосканіе. Главное—уходъ тщательный нуженъ. Если что нибудь, понадобится, дайте знать по телефону. И тщательно вымывъ руки карболовымъ мыломъ и опрыскавъ лицо, волосы, бороду и костюмъ оде-колономъ, Торнау уѣхалъ, обѣщавъ навѣстить Юрика на слѣдующее утро.

IV.

Въ девять вечера мама снова смѣрила температуру. Градусникъ показывалъ 40°.

Бѣдное сердце мамы трепетало въ груди какъ раненая птица. Рыданія душили горло. Но она твердо помнила одно: волновать больного нельзя. Надо скрыть отъ него свои слезы. И она съ трудомъ подавляла ихъ, не отрывая взгляда отъ дорогого личика ея ребенка. Юрикъ не то дремалъ, не то былъ въ забытьи. Онъ дышалъ такъ громко и съ такимъ ужаснымъ хрипомъ, что кухарка Маша, до которой долеталъ этотъ ужасный хрипъ въ ея кухню, говорила своей матери:

— Никакъ задыхается нашъ барченокъ. Слышь, помираетъ словно... Ой, и барыню-то жалко! Вѣдь одинъ онъ у нее... Словно красное солнышко, не надышется она на сынка-то! На что флегматичная Аграфена отвѣчала спокойно:

— Ништо. Помретъ—ему-же лучше. По крайности, нагрѣшить не успѣетъ. Въ одинадцать-то лѣтъ грѣхи еще небольшіе, простятся у Господа въ раю.

Да барыня-то, барыня! — не унималась Маша и вдругъ прикусила губы. Въ дверяхъ кухни стояла Юрикина мама и говорила что-то. Маша съ трудомъ разобрала ея лепетъ.

— Льду пожалуйста, поскорѣе... На голову и на горло. Оба пузыря набейте. Пожалуйста, поскорѣе, Маша...

Дѣвушка опрометью кинулась за льдомъ. Мама прошла въ спальню. Тамъ у образа горѣла лампада. Мама опустилась на колѣни передъ образомъ, съ котораго

кротко сіяли всепрощающіе очи Великаго Страдальца, увѣнчаннаго терніями и прошептала замирая отъ горя и тоски:

— Если... такъ суждено... ему Господи... Если онъ Тебѣ нуженъ, мой мальчикъ... мой ребенокъ... возьми насъ обоихъ... возьми въ одинъ часъ, въ одинъ день... въ одну минуту... Чтобы ни одного мгновенья не оставаться мнѣ послѣ его смерти на землѣ. Молю Тебя. Господи! Молю Тебя!

И низко, низко склонилась до полу покорная голова мамы. И долго лежала она такъ, распростертая передъ иконой, безъ слезъ, безъ молитвы, безъ думъ.

Поздно вечеромъ пріѣхала Лелечка. Увидѣла блѣдное, измученное лицо мамы, вышедшей навстрѣчу въ переднюю и сама поблѣднѣла.

— Развѣ такъ худо? чуть слышно спросила она маму. Но та только схватилась за голову, не отвѣчая ничего, ничего не слыша. Лелечка худенькая (еще худѣе мамы), блѣдная, съ большими изъ сине сѣрыми глазами въ косынкѣ и платьѣ сестры милосердія съ краснымъ крестомъ на груди казалась воплощеніемъ кротости и добра. Она жила, эта Лелечка, только ради людей и для людей, казалось. У нее было тяжелое горе въ душѣ, печальныя утраты, непоправимыя потери, ради которыхъ и накрылась она этой бѣлой скромной косынкой сестры милосердія и покорная, богобоязненная и кроткая каждую минуту была готова ко всему.

— Богъ милостивъ! проговорила она чуть слышно, пожалуйста, не томи себя, Лида! Все обойдется, все минуетъ. Добръ и милостивъ Господь!

Обѣ онѣ, и мама, и Лелечка, стояли теперь передъ постелькой Юрика. Онъ попрежнему хрипѣлъ и лицо его становилось все краснѣе съ каждой минутой. Лелечка внимательно и зорко смотрѣла на больного, мама на Лелечку. Ей хотѣлось во что бы то ни стало угадать по выраженію Лелинаго лица, видавшей ни одного такого больного, что ждетъ ея мальчика, и въ какомъ состояніи находится ея драгоцѣнный больной.

Но лицо Лелечки было непроницаемо, какъ маска. Оно умѣло скрывать каждое малѣйшее движеніе души. Лелечка много тяжелого перенесла въ своей жизни, такъ много тяжелаго, что въ сравненіи болѣзнь Юрика не казалась ей такимъ ужаснымъ ударомъ, какимъ она была для мамы.

— Вотъ что! проговорила Лелечка дѣловито,—надо надѣть ситцевыя платья и бѣлые докторскіе халаты, я привезла изъ общины. Переодѣнька Лида! Потомъ переодѣнусь я — и еще вотъ что... Ты ложись... На тебѣ лица нѣтъ!... Того и гляди свалишся... А я посижу... Мнѣ не привыкать стать... Ночи на пролетъ у моихъ больныхъ дежурю. Ложись, милая. Разбужу, тебя, если не приведи Господи что!

— Нѣтъ! Низачто! Мнѣ лечь? Побойся Бога, Леля!— прошептала мама—ни на шагъ я отъ птички моей не отойду.

— И она такъ крѣпко схватилась за желѣзный переплетъ Юрикиной постели, точно ее насильно хотѣли оторвать отъ него.

— Ну какъ знаешь! Какъ знаешь! — поспѣшила согласиться Лелечка и обѣ остались дежурить у кроватки больного.

V.

Потянулась долгая мучительная ночь... Рядомъ, въ гостинной горѣла лампа подъ зеленымъ обажуромъ, бросавшая въ комнату больного мягкій и нѣжный, какъ лунное освѣщеніе, свѣтъ.

Юрикъ оставался все въ томъ же забытьи. Тѣло и лицо, покрывшіеся теперь сплошь бурою сыпью, горѣли нестерпимо, но онъ не чувствовалъ этого. Ему только не хватало дыханія и онъ безсознательно и жадно глоталъ воздухъ ссохшимися губами. Молоточки, стучавшіе въ головѣ, умолкли. Холодный ледяной пузырь сдѣлалъ свое дѣло и освѣжилъ бѣдную маленькую пылающую головку.

Какой то гутаперчевый предметъ въ родѣ ошейника, тоже набитый ледомъ, плотно обхватывалъ больное горло ребенка.

Но онъ ничего этого не чувствовалъ вовсе. Юрикъ точно уже не существовалъ и если-бы ни его спертое дыханіе ни этотъ хрипъ, вырывающійся изъ горла, ни это точно раскаленое тѣльце и лицо, можно было принять его за мертваго.

Мама и Лелечка сидѣли, не шевелясь, въ двухъ мягкихъ креслахъ, взятыхъ изъ гостиной у его постели. Кресла обтянули бѣлыми, чистыми простынями и сами мама и Леличка надѣли поверхъ ситцевыхъ платьевъ чистые, бѣлые, какъ снѣгъ докторскіе халаты. Сидѣли молча, не двигаясь, не обмѣниваясь ни единымъ словомъ другъ съ другомъ. Каждая думала свою думу. Тяжелую, безпросвѣтную думу у постели

больного мальчика.

О своемъ недавнемъ горѣ думала Лелечка. Два года тому назадъ точно также сидѣла она у постели такого больного. Только еще болѣе маленькаго, совсѣмъ дитяти.

Былъ боленъ скарлатиной ея Коля. Маленькій шестилѣтній Коля, котораго взяла она на воспитаніе годовалымъ ребенкомъ къ себѣ въ домъ. Тогда еще Лелечка не была сестрою милосердія, а жила вмѣстѣ съ тетей, замѣнявшей сиротѣ Лелечкѣ мать, въ собственномъ домикѣ-особнякѣ на одной изъ петербургскихъ окраинъ. Маленькаго Колю и тетя и Лелечка любили безъ ума. Онъ былъ совсѣмъ особенный этотъ Коля, кроткій, ласковый, «не отъ міра сего», какъ про него говорили ихъ жильцы и сосѣди.

Колю взяли изъ дѣтскаго пріюта тетя и Лелечка на «вѣчныя времена». Рѣшили воспитывать, учить его, поднять на ноги, сдѣлать человѣкомъ. И обѣ какъ къ родному, привязались къ Колѣ. Особенно сирота-Лелечка полюбила своего пріемыша. День и ночь не оставляли они его ни на минуту. Гуляли, играли съ Колей, учили его. Въ шесть лѣтъ ребенокъ умѣлъ читать чисто и правильно, какъ взрослый. И ласковый какой онъ былъ, послушный, услужливый и кроткій! Души въ немъ не чаяла Лелечка. Любила его и престарѣлая тетка. Обѣ уже мечтали видѣть своего Колю въ гимназической курткѣ... въ студенческой тужуркѣ... съ кокардой чиновника... Мечтали и ждали и радовались на своего маленькаго любимца. Но Богъ судилъ иначе. Заболѣлъ Коля. Неизвѣстно, гдѣ и какъ схватилъ екарлатину и умеръ. Умеръ Коля.

Что было тогда съ Лелечкой, одинъ Богъ знаетъ. Не плакала она, не рыдала. Ходила точно потерянная... смотрѣла на все странными, мутными, остановившимися глазами и спрашивала Бога:

— За что взялъ, Господи, Колю? За что наказалъ меня? И сжимала тонкія, блѣдныя руки и хрустѣла тонкими, блѣдными пальчиками.

Но еще горшее, еще сильнѣйшее горе подкараулило Лелечку. Схоронили Колю. Обложили дерномъ и вѣнками его могилку, а черезъ мѣсяцъ свалилась съ ногъ тетя.

Тетя, замѣнившая родную маму Лелечки, тетя, съ которой душа въ душу прожила Лелечка цѣлые долгіе двадцать лѣтъ. Тетю разбилъ параличъ. Снова заметалась въ дѣятельномъ уходѣ за больною Лелечка, забыла и про покойнаго Колю, только объ одномъ думала, какъ-бы тетю спасти, какъ-бы вылечить ее... Не могли, не вылечили. Умерла и тетя. Близко, близко къ Колѣ положили ее.

Отдѣлали и ея могилку... Вѣнками и цвѣтами засыпали всю. И опять не плакала Лелечка. Только замерла какъ-то... да еще плотнѣе сжимала губы и пальцы и обращая глаза къ небу, безмолвно спрашивала ими, казалось: „За что? За что?“

Долгое время не ѣла, не пила Лелечка. А черезъ два мѣсяца отправилась къ настоятельницѣ общины сестеръ милосердія и упросила ее принять ее, Лилечку, въ составъ сестеръ.

Бѣлую косынку, бѣлый передникъ съ краснымъ крестомъ надѣли на новую „сестрицу“ и въ уходѣ за

больными и умирающими искала силы Лелечка потушить, погасить хоть отчасти свое тяжелое, непоправимое горе.

Но это не удалось ей. Всюду и вездѣ преслѣдовали ее образы дорогихъ усопшихъ и дума о нихъ никогда не покидала ее. Не покидала она ее и сейчасъ, пока она сидѣла у постели больного Юрика, котораго любила всѣмъ своимъ настрадавшимся одинокимъ сердцемъ.

VI.

Думала и мама у постели своего любимца.

Страшныя мысли вереницей скользили въ ея усталой головѣ. Страшныя картины поднимались передъ нею, дрожа отъ ужаса, прижималась мама лицомъ къ подушкѣ, на которой лежала горячая головка ея сына и тихо стонала, до боли сжимая хрустѣвшіе пальцы.

— Господи помоги! Не допусти Господи! безвучно молила она.

Жуткая тишина стояла въ комнатѣ. Тихо и не-

ровно мерцала лампада... Тихо, мѣрно постукивалъ маятникъ стѣнныхъ часовъ. Но мамѣ казалось, что не маятникъ стучитъ это вовсе, а молотокъ гробовщика, ударяющаго по маленькому глазетовому гробу.

И не темная Юрикина спальня, а ярко освѣщенная гостиная чудилась мамѣ. Какіе то люди собрались въ ней... Родные, близкіе и далекіе, чужіе всѣ въ перемежку. Шепчутъ что-то... И пѣвчіе здѣсь, и священникъ.. А тамъ по среди комнаты маленькій гробъ на катафалкѣ и онъ въ немъ, ея сокровище, ея солнышко, ея мальчикъ...

Дико вскрикиваетъ мама. Хватается за голову... потомъ снова склоняется надъ сыномъ. Хрипъ.., Свистъ... тяжелое дыханіе.

— Живъ! Живъ! Слава Богу! Милый, милый единственный — шепчетъ она и жгучія слезы градомъ катятся изъ ея глазъ по ея исхудалому, измученному лицу.

Юрикъ проснулся въ эту минуту или пришелъ въ себя впервые. Дико озирается кругомъ... Увидѣлъ маму, слабо улыбнулся. Силенокъ нѣтъ, а все же тянется ссохшимися губками къ ея рукѣ.

— Сокровище мое! шепчетъ мама и осыпаетъ поцѣлуями и горячее личико и горячія ручки и толстое красное одѣяло на его колѣняхъ.

— Пить, мамочка! Пить! проситъ Юринька слабымъ голоскомъ.

— Сейчасъ, радость моя, сейчасъ мое солнышко, птенчикъ мой ненаглядный! лепечетъ мама и подноситъ питье къ его ссохшемуся ротику...

Солнышко.

Больно глотать Юрику, не можетъ онъ даже съ ложечки глотнуть ни капли.

Смотритъ печально, жалобно. Смотритъ прямо въ глаза мамѣ.

— Горлышку больно... головкѣ! шепчетъ онъ чуть слышно.

Опять цѣлуетъ и утѣшаетъ его мама. Потомъ вмѣстѣ съ Лелечкой прочищаютъ ему горло отъ налетовъ, дѣлаютъ вдуваніе въ гортань и въ носъ. Ахъ, какая это боль, какое мученье! Юрикъ плачетъ отъ боли, но терпитъ все. Онъ знаетъ, что надо это, что докторъ это велѣлъ дѣлать. А у мамы сердце больше прежняго трепещетъ и дрожитъ въ груди. Такъ-бы, кажется, всю болѣзнь Юрикину взяла она на свои плечи.

А ночь идетъ, все идетъ и, Богъ знаетъ, когда кончится эта ужасная, угрюмая, зловѣще притихшая ночь.

— Это ни на что не похоже! волнуется Лелечка— зачѣмъ же я тутъ, скажи пожалуйста? Зачѣмъ было мнѣ пріѣзжать изъ общины, когда ты все равно спать не ложишься! На себя взгляни только — живой мертвецъ. Вѣдь смотрѣть на тебя жутко, Лида! Хотя-бы для Юрика пожалѣла себя... Вѣдь сама чуть на ногахъ держишься, сама больная!

Лелечка говоритъ внятно, ясно, а мама и не понимаетъ. Смотритъ во всѣ глаза на своего друга и не понимаетъ совсѣмъ, чего хочетъ отъ нея въ концѣ-концовъ Лелечка...

А когда поняла, замотала только головой, и снова вцѣпилась худенькими пальцами за переплетъ Юрикиной постели...

Ни за что... Не могу! Не гони меня Леля! жалобно, жалобно запросила она такимъ печальнымъ голосомъ, что и не хватило силъ у Лелечки отправить спать маму.

— Оставайся ужъ! шепчетъ Лелечка—оставайся! Что-же мнѣ подѣлать съ тобою!

А ночь все идетъ и идетъ, такая угрюмая, зловѣщая и нѣтъ кажется конца и края этой ночи...

VII.

Прошла, минула ночь. Улыбнулось утро. Хрипитъ попрежнему Юрикъ. Каждый часъ мѣняютъ ледъ на его горлѣ и головѣ. Смѣрили температуру. Опять градусникъ показалъ 40.

Когда мама увидѣла это, отчаяніе съ новой силой охватило ее. Она заглянула въ глаза Лелечки и тихимъ, глухимъ голосомъ спросила ее:

— У Коли твоего покойнаго также было?

Сестра милосердія только тихо, отрицательно покачала головою.

— Хуже было у Коли... Онъ весь синій былъ. У него не простая была скарлатина—злокачественная. Отъ злокачественной же не выживаютъ дѣти.

И поникла, бѣдняжка, головою на грудь А мама, едва дослушавъ ее, смотритъ уже на сына. Не живое какое то лицо у Юрика сегодня... Ротъ совсѣмъ сузился и почернѣлъ. Зубы оскалились. Зрачки глазъ точно пленкой подернулись, а на бѣлкахъ кровавыя жилки. Много ихъ, много. Кровью налитыми кажутся глаза.

— Хоть бы докторъ пріѣхалъ по скорѣе! мечется душа мамы. Боже мой! Господь милосердный! Сохрани мнѣ его!

Ровно въ десять утра пріѣхалъ докторъ. Пріѣхалъ и привезъ свой собственный бѣлый халатъ съ собою. И опять выслушивалъ, выстукивалъ грудь и спину Юрика, его сердце, слушалъ легкія, дыханіе. Смотрѣлъ горло, глаза... Считалъ пульсъ.

— Вечеромъ прививку надо дѣлать. А пока поѣзжайте за всѣмъ необходимымъ. Надо сыворотку достать, эфиру, спирту, колодіумъ! пересчитывалъ докторъ и записывалъ все это на бумажкѣ.

Лелечка поѣхала закупать все необходимое для прививки. Уѣзжая, онѣ съ мамой видя, что глаза Юрика закрыты, тихо шептались:

— Ты, Лелечка, не стѣсняясь, деньги расходуй, шептала мама. Все, что надо купи... Все что надо. Сыворотка одна рублей 20 будетъ стоить... Вотъ здѣсь 40... на, все остальное.

— Лида, какъ дорого милая! проронила почти съ ужасомъ Лелечка, зная всѣ трудныя обстоятельства своего друга.

Вдругъ оттуда съ кроватки прозвучалъ тихій слабый голосокъ.

— Мамочка! Мамочка! Не надо прививки. Я и такъ поправлюсь. Тебѣ работать сколько на прививку потомъ надо будетъ! Какъ мамочка дорога прививка-то.

— Радость моя!

Мама кинулась къ Юрикиной кроваткѣ, упала около нея на колѣни, обвила руками Юрика.

— Солнышко мое ты! Солнышко! Здоровье прежде всего, здоровье, а деньги... заработаю деньги. Богъ поможетъ, пролепетала она, да такъ и застыла на колѣняхъ подлѣ сына. Такъ и замерла надъ нимъ.

VIII.

Странный это былъ вечеръ.

Докторъ Торнау пріѣхалъ ровно въ 8 и прошелъ прямо въ комнату Юрика. У Юрика еще больше повысилась температура за этотъ день и такъ замѣтно распухло горло, что онъ совсѣмъ ужъ не можетъ говорить. И молоточки въ головѣ усилились. Даже ледъ не помогаетъ отъ боли и шумъ въ ушахъ дѣлается все сильнѣе и сильнѣе съ каждой минутой. Задыхается Юрикъ. Глаза совсѣмъ стеклянные, неподвижные стали... У покойной тети были такіе глаза, когда она умирала, это хорошо помнитъ Юрикина мама и оттого-то дрожь ежеминутно охватывала ея тѣло, хотя въ комнатѣ жарко натоплена печка.

Юрикъ плохо сознаетъ дѣйствительность. Онъ видитъ мелькающіе мимо него бѣлые халаты, доктора, Лелечки, мамы, видитъ расширенные отъ ужаса глаза мамы, но ничего не понимаетъ, не соображаетъ теперь.

Только когда докторъ откинулъ одѣяльце съ его горячей, какъ огонь ноги и сталъ терѣть ее чѣмъ то холоднымъ, какъ ледъ, острымъ и колючимъ, Юрикъ застоналъ, ему стало очень холодно и непріятно.

— Это для того, чтобы онъ не почувствовалъ

укола. Это эфиръ. Онъ замораживаетъ и дѣлаетъ нечувствительнымъ къ боли тѣло.

Говоритъ докторъ мамѣ, которая стоитъ въ изголовіяхъ Юрикиной постели, одной рукой крѣпко держитъ горячую ручонку Юрика, другой гладитъ его по его кудрявой головѣ.

— Вотъ мы кудри обстрижемъ, ему легче и будетъ, говоритъ докторъ... — Обстрижемъ, не правда ли, малышъ?

Но вмѣсто отвѣта Юрикъ неожиданно дико кричитъ.

Острая длинная игла вошла ему въ ногу и въ тотъ же мигъ онъ чувствуетъ, какъ что-то холодное стало разливаться по тѣлу, по всѣмъ жиламъ и суставчикамъ его.

Кто-то наклонился къ нему, цѣлуетъ его.

— Милый, мой милый, потерпи, ангелочекъ мой, птичка моя. Потерпи немного.

Юрикъ окончательно приходитъ въ себя отъ боли и узнаетъ маму... Передъ нимъ ея глаза наполненныя такою любовью и лаской, что подъ этимъ ласковымъ, любящимъ взглядомъ Юрику становится какъ будто легче перенести боль прокола шприцемъ, при посредствѣ котораго дѣлалъ прививку врачъ.

— Не волнуся, мамочка, мнѣ легче, легче! — лепечетъ онъ тихо и, закинувъ головку на подушку, смотритъ, смотритъ, не отрываясь, въ ея глаза.

И тянется снова къ ея рукѣ ссохшимися отъ жара губенками.

А на столѣ стоитъ какой то странный сосудъ съ гутаперчевой кишкою и съ такими же двумя шарами,

словно мячи. Докторъ Торнау съ усиліемъ нажимаетъ то одинъ шаръ, то тругой шаръ и Юрикъ чувствуетъ какъ быстрѣе расходится холодная жидкость подъ его воспаленной кожей.

Долго длилась эта процедура. Снова впалъ въ безсознательное состояніе Юрикъ и не помнилъ уже, когда вынули изъ его ноги шприцъ.

Ранку залѣпили ватой съ какимъ то пахучимъ лекарствомъ. Влили микстуру въ ротикъ больного и убравъ наскоро инструменты со стола, завернули лампу, что бы свѣтъ ея не мѣшалъ Юрику.

Прощаясь съ мамой и Лелечкой, докторъ наказывалъ мѣрить каждые три часа температуру больному и кромѣ желтой микстуры не давать никакихъ лекарствъ.

Уже въ передней докторъ сказалъ: если прививка подѣйствуетъ—ребенокъ спасенъ.—

Пошатывающаяся отъ слабости мама снова заняла мѣсто у постели Юрика. Лелечка устроилась на диванѣ въ гостиной, найдя, что чѣмъ меньше будетъ народу подлѣ Юрика, тѣмъ это лучше для него.

Снова потянулась ночь. Тоскливая, черная, жуткая...

Мама сидѣла у кроватки сына и, не отрываясь, смотрѣла на его лицо. Юрикъ былъ попрежнему горячій пригорячій, попрежнему дыханіе вырывалось съ хрипомъ изъ его груди... Губки казались черными, какъ у мертвеца, а глаза странно смотрѣли, ничего не видя передъ собою.

Мама тихо сползла съ кресла, на которомъ си-

дѣла и стоя на колѣняхъ передъ постелькой, шептала чуть слышно, вся холодѣя и замирая при малѣйшемъ новомъ усиленномъ хрипѣ ея мальчика.

— Господи! шептала мама обращая глаза на образъ Ты видишь! Ты понимаешь! Не отнимай, не бери его отъ меня. Если я такъ грѣшна Господи, что заслуживаю казни — отними здоровье, силы, заработокъ, дарованіе. А его сынка моего оставь мнѣ, только оставь ненагляднаго, маленькаго солнышко мое. И плакала, безвучно, тихо плакала мама...

Потомъ снова молилась и просила. Просила и молилась...

Такимъ образомъ прошло три часа... Точно отъ забытья опомнилась мама, взяла градусникъ со стола, встряхнула и поставила подъ мышку Юрику... А сама придерживая его рукою, тутъ же прикурнула головою къ подушкѣ. Считала минуты... Смотрѣла близко и на исхудалое страдальческое личико. Смотрѣла и повторяла одно и тоже, одно и тоже...

— Господи — спаси! Возьми силы, здоровье, дарованіе. Все возьми у меня — а его спаси! Не отнимай, Господи! Не отнимай!

Еще прошло не мало времени. Снова опомнилась мама, положила руку на горячій лобикъ Юрика.

Что это?

Или она ошиблась?

Потъ мелкими капельками проступилъ на лобикѣ больного. И не такимъ уже горячимъ, какъ раньше, кажется лобикъ.

Ужели, Господи?

Чиркнула спичку мама... Зажгла свѣчу.

Взглянула на градусникъ, а у самой руки трясутся... Такъ и есть! О, Боже мой! Благодарю! Благодарю! Тебя!

Градусникъ указываетъ на цифру 39 и сверхъ нее еще восемь дѣленій. На три градуса спалъ жаръ у больного, на три градуса. О, счастье! Счастье! И этотъ потъ... Испарина... Въ немъ спасенье! Спасенъ ея Юрикъ! Спасенъ! Подѣйствовала прививка.

Что-то огромное разрослось въ груди мамы. Что-то бьется и плачетъ тамъ. Не то сердце плачетъ, не то душа. Спасенъ! Спасенъ! шепчетъ кто-то внутри нея такъ ясно, такъ понятно... Хотѣла разбудить Лелечку, мама, но отдумала. Пусть спитъ. Намучилась она со своими больными въ общинѣ за эту недѣлю! Пусть спитъ, бѣдняжка. Только сняла мама пузырь со льдомъ съ головы Юрика... Укутала его еще больше одѣялами, платками и снова смотритъ и ждетъ. Ждетъ и смотритъ...

Въ четыре часа утра снова поставила мама градусникъ своему больному. Еще на два градуса спала температура. Сталъ ровнѣе дышать Юрикъ и хрипъ исчезъ. Смазала горло мальчику мама и горло, какъ будто лучше. Опухоль спала, не давится какъ прежде, бѣдняжка. Подъ утро больной крѣпко уснулъ. Проснулась Лелечка, пришла смѣнить маму. Но мама осталась у постельки больного. Мамѣ хотѣлось еще разъ убѣдиться, что легче ему, легче ея дорогому, единственному.

И правда, легче. Утромъ уже 39,5 показывалъ градусникъ. Прививка сдѣлала свое дѣло.

Юрикъ былъ спасенъ.

IX.

Юрикъ былъ спасенъ.

Самъ больной чувствовалъ замѣтное облегченіе. Въ горлѣ еще что-то давило, мѣшало глотать, было мучительно больно; все тѣло ныло и горѣло, но все-таки было лучше. Можно различать лица, предметы, видѣть милую маму, Лелечку, всѣхъ.

Весь день Юрика прошелъ въ какойто полудремотѣ...

Жаръ мучилъ, но не такой уже сильный, какъ раньше. Даже улыбнулся на шутку доктора больной. А въ восемь часовъ уже спалъ тревожно и плохо, но все же спалъ. Спалъ и видѣлъ, что они съ Петей Прасовымъ сидятъ на «ариѳметикѣ». Заданы три задачи. Двѣ изъ нихъ сдѣланы, а третью онъ, Юрикъ, никакъ не можетъ кончить. Ну, никакъ не можетъ, не можетъ совсѣмъ. Напрягаетъ всѣ силы, всѣ мысли и ничего, ничего не выходитъ... Даже злость беретъ, такъ-бы, вотъ, кажется и треснулъ противную задачу! А Петька какъ на зло, еще мѣшаетъ. То за руку его схватитъ, то на голову ему свою руку положитъ, то пальцами по лицу махнетъ.

— Отстань, не дразнись! кричитъ Юрикъ и, грозитъ кулакомъ Петѣ.

А Петя еще больше лезетъ къ нему, трогаетъ его, щекочетъ.

— Фу, ты какой, не дразнись, я Иванъ Николаевичу скажу, выходитъ изъ себя Юрикъ и, поднявъ лѣвую рученку, отчетливо говоритъ на весь классъ:

— Иванъ Николаевичъ, Прасовъ мнѣ задачу мѣшаетъ дѣлать. А самъ въ тоже время записываетъ правой быстро, быстро цифры на воображаемомъ листкѣ. Бѣдный мальчикъ!

— Бѣдный больной, дорогой мальчикъ! Очнись, не безпокойся, не волнуйся. Не надо дѣлать никакой задачи... Не въ классѣ ты, а дома, у себя въ кроваткѣ... И не Просовъ съ тобою, а мама, твоя мама, понимаешь-ли дорогой! слышится надъ Юрикомъ тревожный, взволнованный голосъ.

Но нѣтъ, не понимаетъ его, не слышитъ Юрикъ. Горячечный бредъ, смутныя больныя грезы сковали усталый, нездоровый мозгъ ребенка. Онъ открываетъ глаза, но не узнаетъ мамы. Ему чудится вмѣсто ея бѣлой въ больничномъ халатѣ тоненькой фигурки коренастая, приземистая фигура Пети, который попрежнему дразнитъ, изводитъ, мучаетъ его. И задачу, чудится Юрику, надо окончить во что-бы то ни стало, кончить, и онъ спѣшно, одною рукой водитъ по простынѣ, выписывая пальчикомъ цифры, другою же отбивается отъ преслѣдовавшаго его воображаемаго Пети.

— Дѣтка мой, опомнись ненаглядный, здѣсь я твоя мама! — слышится ему словно сквозь сонъ знакомый дорогой голосъ.

— Охъ ужъ этотъ Петька! маминымъ голосомъ начинаетъ дразниться,—устало работаетъ больной мозгъ ребенка.

Будто ужъ и не узнаетъ онъ Юрикъ Петьку. Какъ же, жди!

— Хороша мама! Въ черной курткѣ сидитъ! сердито кричитъ уже въ голосъ Юрикъ.

— Вотъ постой ты у меня я тебѣ задамъ!—И онъ бросается въ погоню за воображаемымъ Петей.

Нестерпимая боль въ ногѣ заставляетъ застонать Юрика. Онъ приходитъ въ себя... Открываетъ глаза. Хочетъ поднять ногу и не можетъ. Нога какъ свинцомъ налитая, не движется ни однимъ мускуломъ точно колода. И такая боль нестерпимая, мучительная боль при малѣйшемъ намекѣ на движеніе. Холодный потъ выступалъ на горячемъ лобикѣ мальчика отъ тщетныхъ усилій поднять больную ногу.

Слезы брызнули изъ глазъ.

— Больно, мамочка, больно!

А она уже стоитъ надъ нимъ трепещущая, взволнованная... Зажженная свѣча ходуномъ ходитъ въ ея рукѣ.

— Что, дѣточка, что?

— Ножка, мама... Нога моя, нога!...

На его крикъ прибѣжала Лелечка. Осторожно отвернула одѣяльце и обѣ мама и Лелечка едва нашли силы не закрикнуть отъ испуга.

Правая нога Юрика страшно вспухла и лежала багрово-красная тяжелая и неподвижная по среди кровати, какъ полѣно.

X.

Потянулись тяжелыг дни...

Неподвижный лежалъ на спинѣ день и ночь Юрикъ. Нога по прежнему оставалась огромною, вздутою, тяжелою, какъ свинецъ. При малѣйшемъ

движеніи страшныя нестерпимыя боли заставляли содрагаться все тѣло маленькаго страдальца.

Мама и Лелечка встревоженныя и блѣдныя не отходили отъ его постели. И о снѣ и объ ѣдѣ вовсе забыли.

День смѣнялся ночью, ночь утромъ. Пріѣзжалъ докторъ Торнау. Смотрѣлъ сосредоточенно и угрюмо на ногу Юрика и качалъ головою.

Пріѣхалъ и другой докторъ... Военный и сѣдой, сказалъ мамѣ, что необходимо сдѣлать операцію и велѣлъ, пока что, ставить припарки.

Припарки были горячія, какъ огонь жгли ногу и Юрикъ плакалъ и стоналъ на всю квартиру.

Еще къ большему горю отозвали Лелечку домой въ общину. Сестеръ милосердія было мало, на лицо, всѣхъ разослали по госпиталямъ и больницамъ въ командировку. Ни съ чѣмъ остались сами. Вспомнили Лелечку, Вызвали ее. Мама при Юрикѣ одна осталась.

Юрикъ попрежнему плакалъ и стоналъ отъ боли. Узналъ отъ мамы, что операцію ему хотятъ дѣлать и еще больше расплакался и разволновался.

— Не хочу операцію! Не хочу!

— Дѣтка моя, молила мама, милый мой голубчикъ, какая же операція? Что ты! просто маленькій проколъ на ногѣ... Гной выпустить изъ ноги надо, милый!

— Не хочу прокола! Не хочу! Лучше на костыляхъ ходить буду! Лучше калѣкой останусь! А проколы и операцію не дамъ дѣлать,—заливался слезами Юрикъ.

Плакала мама. Ночи не спала. Длинные часы просиживала въ креслѣ у Юрикиной постели. Или молилась.

Пріѣхалъ дѣдушка. Высокій, сѣдой, красивый въ генеральскомъ пальто и добрый, добрый. Дѣдушка не входилъ въ квартиру, боялся перенести заразу своимъ дочкамъ дѣвочкамъ Нинѣ и Наташѣ маменымъ сестрицамъ. Посылалъ дворника узнать о Юрикиномъ здоровьѣ.

Потомъ письма писалъ. Добрыя, ласковыя, длинныя письма. Совѣтывалъ какъ лечить Юрика, что дѣлать, къ кому обращаться. И ванну прислалъ Юрику на, колесикахъ, съ грѣлкою печкой внутри. Хорошую ванну, дорогую:

Такую, что къ самой постели больного подкатывать можно. Но нельзя и думать теперь купать Юрика. Нога не позволяетъ. Ни двинуться бѣдняжкѣ, не повернуться на бокъ.

Какое ужъ тутъ купанье!

И температура повысилась снова бредъ усилился по ночамъ. Терялъ сознаніе Юрикъ. Чудилось ему, что мальчики ему досаждаютъ, дразнятъ его, мучаютъ, изводятъ

Хочется Юрику броситься за ними, отдѣлать ихъ „по свойски“... Кинется онъ впередъ, съ подушекъ, всѣмъ тѣломъ метнется и тутъ же, какъ подкошенный, валится назадъ.

— Нога, ахъ, нога! Больно! Больно!

Несется его тоскующій, болѣзненный вопль по всей квартирѣ.

И заливается, бѣдняжка, горькими, отчаянными слезами.

X.

Операція назначена въ воскресенье.

Кое какъ удалось уговорить Юрика.

Господи, чего не сулили ему за это!

И любимаго Майнъ-Рида всего, и Фенимора Купера и скорую отправку на дачу въ милый Юрикинъ Сестрорѣцкъ, гдѣ они проводятъ съ мамой каждое лѣто.

Обѣщали, что не больно ему будетъ... Ну, вотъ, нисколько не больно... Что онъ, Юрикъ, уснетъ подъ дѣйствіемъ хлороформа и ему въ это время вскроютъ больную ногу и выпустятъ изъ нея гной.

Вечеромъ, наканунѣ операціи, отъ дѣдушки пришелъ денщикъ и принесъ мамѣ письмо и пакетикъ.

Въ пакетикѣ былъ образокъ Цѣлителя Пантелеймона. Серебряный образокъ съ красивымъ бархатнымъ низомъ. Изображенный на немъ святой кажется такимъ свѣтлымъ, юнымъ и прекраснымъ. У самого такое юное, дѣтское лицо...

Когда всѣ уснули въ домѣ и Юрикъ, намученный за день больною ногою, забылся немного, мама тихо благословила его присланнымъ образкомъ. Потомъ повѣсила образокъ надъ постелью и стала думать о святомъ Цѣлителѣ и молиться:

— Свѣтлый отрокъ, исцѣли моего Юру!

И часто, часто въ продолженіи ночи повторяла это мама съ глубокой вѣрой и мольбою, какая только нашлась у нее въ сердцѣ...

— Свѣтлый отрокъ, исцѣли его!

Незамѣтно уснула въ эту ночь мама, свернувшись комочкомъ подлѣ Юрикиной кровати.

Подъ утро проснулся Юрикъ. Солнышко уже заливало комнату яркими лучами. Мама спала. Юрику хорошо было видно ея худенькое осунувшееся лицо, ея скорчившуюся въ неудобной позѣ фигуру и тонкую, блѣдную руку, свѣсившуюся съ кресла...

— Бѣдная мамочка! Бѣдная мамочка! прошепталъ Юрикъ и его обожгло острое мучительное и сладкое въ тоже время чувство жалости къ мамѣ.

Хотѣлось прижаться къ ней и выплакаться на ея груди. Хотѣлось гладить слабыми пальчиками ея исхудалыя щеки и голову съ разсыпавшимися во время сна волосами, крѣпко обнять ее и сказать:

— Я такъ люблю тебя, такъ люблю тебя, бѣдная ты моя мамочка!

Юрикъ запрокинулъ голову, чтобы удобнѣе ему было смотрѣть на мамино лицо и увидѣлъ новый красивый образокъ надъ своей постелью.

— Откуда онъ? такого еще не было у насъ — недоумѣвалъ Юрикъ и широко раскрылъ глаза, чтобы увидѣть надпись на образочкѣ.

— Цѣлитель—Пантелеймонъ! — прочли съ большимъ трудомъ усталые глаза Юрика и тутъ же внезапная мысль толкнулась въ его головку.

— Что если этотъ образокъ здѣсь для того, чтобы напомнить ему, Юрику о благости Божіей. Для того, чтобы онъ Юрикъ помолился ему отъ всего чистаго, дѣтскаго сердца...

Можетъ быть Господь черезъ этого красиваго

отрока—святого поможетъ ему Юрику перенести легко и безболѣзненно страшную операцію?

И перебивая самого себя, ребенокъ уже молился. Стиснувъ рученки, сцѣпивъ слабые худенькіе пальцы, не отрывая отъ образа широко раскрытыхъ глазъ, молился Юрикъ... сбивчиво, неумѣло, но съ такой горячей, такой свѣжей вѣрой, какъ никогда еще не молился до сихъ поръ.

И, казалось, ясные, непорочные глаза отрока смотрѣли на него ласково и кротко. Казалось, они говорили:

— Хорошо, бѣдный Юрикъ! Хорошо! Поправишься скоро... Не будешь мучиться больше, я такъ устрою... Я устрою все...

XII.

Пріѣхалъ докторъ. Не Торнау, а тотъ другой сѣдой и высокій. Посмотрѣлъ на ногу Юрика... Покачалъ головой, пожалъ плечами... Потомъ сказалъ Юрику:

— А ну-ка, попробуй пошевели пальцемъ!—Юрикъ попробовалъ.

Пошевелилъ и пальцемъ и пяткой.

Вчера еще онѣ были не подвижны, теперъ проявляли слабую жизнь.

— Ну, поздравляю тебя, молодецъ, если такъ пойдетъ дальше—жидкость въ ногѣ—разсосется и никакихъ операцій не надо!—объявилъ во всеуслышаніе докторъ.

— Не надо! — эхомъ отозвалась мама и лицо ея разомъ прояснилось и засіяло.

Солнышко.

И Юрикъ просіялъ, оба взглянули на докора потомъ другъ на друга.

— Не надо операцій! Не надо!

И перевели, точно сговорившись, глаза на образокъ.

Солнышко ударило какъ разъ въ эту минуту въ серебряную позолоченную ризу и она вся засіяла въ его яркихъ лучахъ. Кротко и свѣтло смотрѣли окруженные этимъ сіяніемъ ясные очи Цѣлителя.

Сердце мамы забилось сильно, сильно . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Прошелъ еще день, еще и еще...

Уже ни только пальцы и ступня, а и самая больная нога начала по немногу проявлять жизнь и шевелиться. Жаръ спалъ. Унялась лихорадка. Начала спадать и опухоль по немногу. Юрикъ поправлялся. Началъ разговаривать, просить кушать.

Снова пріѣхала Лелечка.

Она вошла въ залитую солнцемъ комнату Юрика, когда больной сидѣлъ на постели среди подушекъ, блѣдненькій, но улыбающійся и спокойный и пилъ какао.

Подлѣ сидѣла сіяющая мама и большими радостными глазами смотрѣла на Юрика.

А щедрое солнышко такъ и заливало ихъ своими лучами, и маму и сына.

Лелечка вошла и зажмурилась даже.

— Какъ свѣтитъ солнышко! — произнесла она.

— И мое солнышко снова мнѣ засвѣтило! проговорила мама тѣми же сіяющими глазами глядя на Лелечку и Юрика.

— Слава Богу! Слава Богу! — весело отозвалась Лелечка присаживаясь тутъ-же, у постели и стала участливо распрашивать о ходѣ Юрикиной болѣзни.

Они говорили тихо, чуть слышно. Слишкомъ свѣтлое и благоговѣйное настроеніе было на душѣ мамы, чтобы можно было нарушить его рѣзкимъ, громкимъ словомъ.

Подъ шопотъ ихъ забылся Юрикъ.

Онъ спалъ теперь много и крѣпко. Онъ выздоравливалъ.

Солнышко все ярче и ярче заливало комнату.

Подъ его живительной лаской замолкли и мама съ Лелечкой. Обѣ задумались, но каждая думала о своемъ.

Мама о томъ, какъ поправится Юрикъ и она перевезетъ его на дачу, гдѣ такъ славно пахнетъ соснами и цѣлые дни лепечетъ волнами неугомонное море, а Лелечка...

Лелечка мечтала о давно минувшемъ...

Мечтала о миломъ маленькомъ мальчикѣ съ карими глазами, о доброй, любящей, ласковой тетѣ и думала какъ хорошо было-бы, еслибы они жили оба и ласковая тетя и крошка Коля ей на радость, чтобы она могла всегда съ любовью и печалью заботиться о нихъ...

А солнышко ласкало дѣвушку играя на бѣлой косынкѣ и на красномъ крестѣ и чудилось Лелечкѣ, что это солнышко посылаютъ ей на утѣшенье ея ненаглядныя тетя и Коля...

Роза.

I.

Когда и при какихъ условіяхъ поселились бабушка съ Розой въ глухой улицѣ города Н-ска въ старомъ, покосившемся особнячкѣ-домѣ, никто такъ не зналъ изъ сосѣдей. До пріѣзда новыхъ обитателей сѣрый домикъ стоялъ плотно заколоченный съ закрытыми ставнями и перекрещенною досками дверью И вдругъ въ одно свѣжее Апрѣльское утро сосѣди увидѣли, что дверь домика широко раскрыта, ставни тоже, а въ окнѣ мелькаютъ силуэты двухъ женскихъ фигуръ: маленькой худенькой старушки и дѣвочки-подростка съ огромнымъ горбомъ на спинѣ.

Домикъ ожилъ. Онъ стоялъ на самой окраинѣ города, въ концѣ самой глухой и пустынной его улицы, и наблюдать за всѣмъ происходившемъ въ домикѣ любопытнымъ сосѣдямъ было довольно трудно, а между тѣмъ узнать хотѣлось черезмѣрно, что за старушка съ горбатой дѣвочкой сняли убогое жилище.

Стали наводить справки сосѣди.

Оказалось, что домикъ не снятъ новыми жильцами, а просто купленъ ими. И купила его бывшая булочница-нѣмка изъ большого города, дѣла которой пошли такъ плохо, что пришлось закрыть булочную и перебраться сюда въ захолустный городишко, гдѣ

жизнь была втрое дешевле, нежели чѣмъ большихъ городахъ.

— А деньги, должно, водятся у нѣмцевъ то,—рѣшили сосѣди,—даромъ что одѣваются какъ нищія! И скряга же, должно быть, старушенція эта,—тутъ же рѣшили они.

Дѣйствительно, старушка и ея внучка одѣвались болѣе чѣмъ скромно, въ ветхія ситцевыя платья и старомодныя тальмы, давно выцвѣтшіяся отъ времени. Но и тальмы и платья были такъ чисты, такъ аккуратно выглажены и починены что ни мало не напоминали собою убогія лохмотья и рубища нищихъ.

Почему-то сосѣди сразу не взлюбили «булочницу и горбунью», какъ прозвали они старушку и ея внучку. Не возлюбили за то, что Амалія Карловна Шмидтъ не пожелала ни съ кѣмъ знакомиться изъ сосѣдей, не заискивать въ нихъ. И она и внучка держали себя въ сторонѣ ото всѣхъ, выходили изъ дома только въ лавку или въ православную церковь, такъ какъ лютеранской церкви не имѣлось въ городкѣ.

— Ишь нѣмчура важничаетъ!—шипѣли вслѣдъ старушкѣ Шмидтъ, досужія кумушки-сосѣдки, и чего спрашивается носъ то задираетъ. Что, она лучше насъ штоли?.. Думаетъ домишка убогій купила, такъ и самому чорту братъ?

И часто злыя насмѣшливыя замѣчанія летѣли въ слѣдъ за торопливо пробирающейся къ своему домику старушкой...

Но, если кумушки-сосѣдки допекали бабушку, то ихъ дѣти едва ли не сильнѣе и безсердечнѣе своихъ

матерей мучили ея внучку горбунью Розу. Стоило лишь Розѣ появиться на улицѣ, какъ вся ватага спокойно игравшихъ до сихъ поръ ребятишекъ, устремлялась за нею, съ крикомъ, визгомъ и бранью.

— Эй, ты горбунья? Что въ горбу зашила? Много-ли золота-серебра въ немъ схоронила? Вотъ-бы накостылять тебя по горбу-то... небось зазвенѣли бы тамъ серебряные рублевики!—кричали они и съ дикимъ хохотомъ окружали горбунью. Бѣдная дѣвочка металась какъ подстрѣленная птичка, всѣми силами стараясь убѣжать отъ безсердечныхъ шалуновъ. Иногда въ догонку за нею летѣли комки грязи и каменья. Иногда они достигали своей цѣли, попадали въ горбъ и тогда бѣдняжка Роза ощущала нестерпимую боль въ спинѣ. Вся въ слезахъ бросалась она домой къ бабушкѣ, обвивала худенькими рученками шею старушки и, пряча на груди ея свое некрасивое слишкомъ длинное для тринадцатилѣтняго ребенка личико, съ великолѣпными печальными глазами, шептала, обливаясь горькими слезами:

— Ахъ, бабушка, милая, зачѣмъ они меня такъ мучаютъ и обижаютъ! Что я имъ сдѣлала, бабушка!— И она разражалась горькимъ судорожнымъ рыданіемъ.

Какъ хорошо умѣла бабушка успокаивать внучку въ такія минуты! Она ласкала ея бѣлокурую съ цѣлымъ богатствомъ золотистыхъ волосъ головку, цѣловала ея блѣднос худенькое личико и шептала на ухо по нѣмецки своей любимицѣ:

— Полно Розочка, полно! Не надо, не надо плакать, сердечко мое! Господь все видитъ и за наши

страданія любитъ насъ. Да Господь любитъ насъ, какъ любитъ всѣхъ сиротъ и убогихъ. Ахъ, ты моя Розочка! Моя бѣдная, маленькая Розочка! Дорогая птичка моя.

И подъ вліяніемъ бабушкиной ласки утихала и успокаивалась горбунья.

— Господь сиротъ любитъ!—мысленно повторяла она и большіе печальные глаза ея начинали тихо сіять съ невысохшими еще въ нихъ свѣтлыми слезинками.

II.

— Господь сиротъ любитъ!—говорила бабушка.

И Розочка твердо вѣрила въ это. Розочка была лютеринка, но какъ уже сказано выше, за неимѣніемъ лютеранской церкви въ уѣздномъ городишкѣ она ходила въ православный храмъ.

Каждое воскресеніе бѣдная маленькая горбунья, тщательно принаряживалась въ единственное крѣпкое и не заплатанное еще ситцевое платьице, тщательно причесывала свои роскошныя золотистыя косы, заплетала ихъ и отправлялась въ церковь помолиться за бабушку, у которой болѣли ноги и которая не могла стоять въ продолженіи долгой церковной службы. Она пробиралась въ самый дальній уголокъ храма, складывала рученки и уносилась далеко, далеко въ чистой и свѣтлой дѣтской молитвѣ.

Прямо противъ того мѣста, гдѣ помѣщалась Розочка, находился образъ, изображающій Спасителя, окруженнаго дѣтьми. Христосъ благословлялъ малютокъ и съ кроткой нѣжной ласкою смотрѣлъ на нихъ.

Лютеранское вѣроисповѣданіе не признаетъ поклоненія иконамъ, но, тѣмъ не менѣе, Розочка не могла не молиться этому кроткому ласковому Христу, допустившему къ себѣ бѣдныхъ, рваныхъ еврейскихъ ребятишекъ.

Въ русской церкви хорошо пѣли. Пѣли пансіонерки въ коричневыхъ платьяхъ съ бѣлыми пелеринками. У пансіонерокъ, какъ и у Розочки были спущены вдоль спины косы и голоса у нихъ звучали какъ серебряные колокольчики въ степи.

Розочка знала пансіонерокъ. Пансіонъ находился неподалеку отъ нихъ, отъ ихъ убогаго домика и, много разъ проходя мимо пансіонскаго сада, Розочка видѣла гуляющихъ въ немъ пансіонерокъ. Когда толпа уличныхъ ребятишекъ гналась за нею, осыпая ее Розочку насмѣшками и комьями грязи, пансіонерки тоже приближались къ садовой оградѣ, привлеченныя шумомъ, и дѣлали свои замѣчанія.

— Бѣдная дѣвочка! Зачѣмъ они мучаютъ горбунью?—говорила одна.

— Ахъ, какое тамъ мучаютъ!.. Она сама кусаться готова! Посмотри только, какіе у нея злющіе глаза— протестовала другая.

— Эти горбуньи всегда такія вѣдьмы!— вставляла свое замѣчаніе третья.

— А всетаки жаль! Вѣдь ничѣмъ она не виновата бѣдная!—слышался первый голосъ.

— Оставь пожалуйста, она — просто противный уродъ!

— И не стыдно тебѣ, Махрушина?

Махрушиной было дѣйствительно стыдно, потому что она ворча что-то нелестное по адресу высокой бѣлокурой дѣвочки, Розиной защитницы, юркнала за спины толпившихся за заборомъ подругъ.

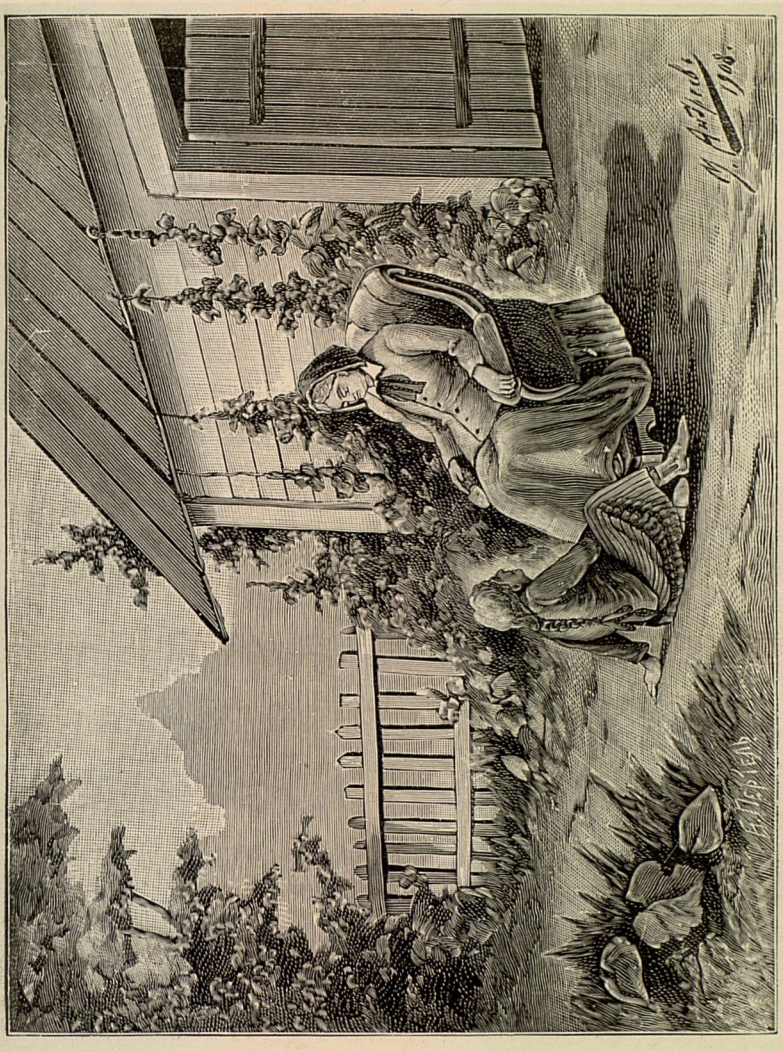
Эту Махрушину, небольшую, худенькую, со злыми глазами дѣвочку, Роза знала лучше остальныхъ. Когда толпа ребятишекъ гналась за ней, Шура Махрушина стояла у садовой калитки и, кричала со смѣхомъ.

— Ату ее! Ату! Такъ! Такъ ей надо, хорошенько. ее, хорошенько!

И хохотала такъ, что ее слышно было далеко на улицѣ. Строгая дама въ синемъ платкѣ, съ которой гуляютъ пансіонерки, подходила къ Шурѣ и наклонившись къ дѣвочкѣ выговаривала ей за ея невозможное поведеніе и смѣхъ. Иногда-же, когда уговоры не дѣйствовали и Шура продолжала изподтишка смѣяться, строгая дама брала ее за руку и уводила въ домъ. Это было большое наказаніе для Щуры. Живая и подвижная дѣвочка не терпѣла мрачныхъ и тоскливыхъ пансіонскихъ комнатъ и часы прогулокъ считала лучшими за все время своего пребыванія въ школѣ. И разумѣется, все свое недовольство Шура переносила на ни въ чемъ неповинную Розу.

— Противная горбунья! Уродъ отвратительный, изъ за тебя опять наказали меня!—шептала она всякій разъ при встрѣчи съ горбатой дѣвочкой.

Но если Шура Махрушина не взлюбила Розу, то высокая бѣлокурая дѣвочка Лизанька Шустова совсѣмъ иначе относилась къ ней. Лизанька, тихое крот-



Роза.

кое созданіе, не разъ останавливала злыхъ ребятишекъ, преслѣдовавшихъ бѣдную Розу, стыдила своихъ подругъ пансіонерокъ, подтрунивавшихъ надъ горбуньей и нѣсколько разъ ссорилась даже съ Шурой Махрушиной изъ за нее.

— Что она тебѣ, сестра, другъ, пріятельница, что ты готова за нее лезть и въ огонь и въ воду?—насмѣшливо спрашивала Шура Лизаньку.

— И не сестра и не пріятельница,—вспыхивала Шустова,—а просто жалко ее!.. За что она терпитъ бѣдняжка.

— Да кого ты жалѣешь то? Смотри, глаза у нее какъ у волка, того и гляди на кого нибудь бросится. Уродъ противный, видѣть ее не могу!—съ откровенною ненавистью заключала свою рѣчь Шура.

Лизанька только плечами пожимала и отходила отъ своей сердитой подруги.

И Лизу Шустову и Шуру Мохрушину и другихъ пансіонерокъ чаще всего Роза видѣла на клирусѣ церкви. Чинно стояли дѣвочки въ своихъ коричневыхъ платьяхъ и бѣлыхъ перелинкахъ съ туго заплетенными косичками, спускавшимися вдоль спины и выводили псалмы и молитвы тоненькими дѣтскими голосами. Роза очень любила это пѣніе. Среди клубившагося синеватаго дыма, фиміама, тонкой струйкой поднимавшагося изъ кадильницы, подъ это дивное торжественное пѣніе, дѣвочка забывала всѣ пережитыя его невзгоды и печали и не помнила уже причиненнаго ей зла. И даже Шура Махрушина не казалась ей врагомъ больше въ такія минуты; даже когда, послѣдняя чинно пѣла на клиру-

сѣ и ея звонкій голосокъ такой хрустальный и чистый покрывалъ казалось всѣ остальные голоса, Розочка думала съ восторгомъ и печалью:

— Какъ хорошо поетъ эта Шура! Ахъ какъ хорошо поетъ!—И зачѣмъ только она такая злая!.. Зачѣмъ? Зачѣмъ?

III.

Стоялъ Май. Солнце все жарче и жарче припекало маленькій городишко.

Все зеленѣе и пышнѣе расцвѣтали деревья. Весна встала ласковая и необыкновенно нѣжная въ этомъ году.

Даже больныя ноги бабушки поправлялись по немногу подъ удивительной лаской чудодѣйственныхъ солнечныхъ лучей. Роза вынесла въ крошечный полисадникъ старое потертое бабушкино кресло, усадила въ него бабушку и, подставивъ ей подъ ноги маленькую скамеечку, присѣла тутъ-же у бабушкиныхъ ногъ.

Сегодня она могла позволить себѣ эту роскошь. Сегодня былъ праздникъ, а по праздникамъ они съ бабушкой не готовили обѣда, а довольствовались тѣмъ, что осталось отъ вчерашняго дня.

И свою крошечную квартирку, состоявшую изъ одной комнаты и кухни Розочки успѣла убрать еще утромъ до церкви, а потомъ и въ церкви побывала, по своему обыкновенію ходить туда каждое воскресеніе.

Теперь она могла сладко отдохнуть въ уютномъ маленькомъ полисадникѣ, у ногъ милой, дорогой бабушки...

Розочка очень любила такіе часы отдыха со своей старушкой.

Вокругъ нихъ благоухаетъ жаркая ранняя южная весна. Ихъ захолустный городишка лежалъ на югѣ Россіи, гдѣ все расцвѣтаетъ пышнѣе и значительно раньше нежели въ другихъ мѣстахъ. Розочка съумѣла воспользоваться добротою южной весны и еще въ серединѣ Апрѣля убрала и отдѣлала свой маленькій садикъ. Разбила клумбы посреди желтой ей самой отлично утрамбованной дорожки, посадила на нихъ небольшіе отростки тюльпановъ піоновъ и розъ Она цѣлый мѣсяцъ уже ухаживаетъ за ними, поливаетъ ихъ, полетъ сорную траву на куртинахъ, обноситъ клумбы свѣжимъ, зеленымъ дерномъ. Ея труды не пропали даромъ, цвѣты принялись отлично и къ концу Мая нѣсколько пышныхъ розовыхъ бутоновъ раскрылись на встрѣчу счастливымъ Розочкинымъ глазамъ.

Розочка любила цвѣты съ самаго ранняго дѣтства. Обиженная судьбой душа маленькой горбуньи тянулась къ нимъ, какъ къ солнцу. Они казались ей живыми существами, она и разговаривала съ цвѣтами какъ съ живыми людьми.

И сейчасъ, сидя съ бабушкой въ ихъ маленькомъ палисадникѣ, Роза не можетъ оторвать взгляда отъ своихъ любимцевъ.

Какъ они пышно и роскошно распустились! Особенно розы! Какъ изящны, свѣжи и прекрасны онѣ,

Маленькая душа убогой дѣвочки замираетъ отъ восторга. Судьба никогда еще не баловала маленькую горбунью и вдругъ... Эта прелесть... эти цвѣты! Развѣ не поднялись они на радость и утѣшеніе ее—Розочки?

— Бабушка, милая, не знаешь-ли ты кому мнѣ подарить эти цвѣточки,—преисполненная восторга говоритъ дѣвочка и лукаво улыбается, заранѣе довольная своей шуткой.

Ну, разумѣется, эти цвѣты, эти розы она подаритъ бабушкѣ, своей единственной и любимой. Кому же ихъ подарить еще? Вѣдь одну бабушку она и знаетъ и любитъ въ цѣломъ мірѣ, бѣдная маленькая горбунья...

И, какъ-бы боясь, что бабушка не пойметъ ея шутки, Роза обвиваетъ руками колѣни старушки, приникаетъ къ нимъ своей бѣлокурой головкой и говоритъ быстро, быстро:

— Тебѣ ихъ я подарю, бабушка, милая, одной тебѣ! Для тебя я ихъ и ростила.

Но бабушка отвѣчая на ласку внучки, только тихо покачиваетъ головою.

— Розочка, либхенъ *) сердечко мое, — говоритъ она ласково, — у меня, у твоей старой бабушки всегда цвѣты передъ глазами на клумбѣ... Я всегда могу любоваться ими, какъ они цвѣтутъ... Будетъ гораздо лучше, если ты подаришь тому свои розы, у кого ихъ нѣтъ, кто лишенъ возможности любоваться

*) Милочка, по-нѣмецки.

какъ мы съ тобою, этими прелестными цвѣтами. Нѣтъ-ли у тебя кого-нибудь такого на примѣтѣ Розочка?— задала бабушка вопросъ своей внучкѣ. Задумалась Роза надъ словами старушки.

— Пожалуй, что и права бабушка! Она каждую минуту можетъ подойти къ клумбѣ, полюбоваться цвѣтами, понюхать ихъ, сорвать какой только ей приглянется цвѣточекъ, а есть люди на свѣтѣ, у которыхъ никогда вовсе не бываетъ въ рукахъ такихъ прелестныхъ цвѣтовъ. Но гдѣ ихъ она увидитъ и узнаетъ такихъ людей, Розочка? Вѣдь она никуда не выходитъ съ бабушкой изъ своего особнячка, изъ цвѣтущаго, ароматнаго палисадника, никуда кромѣ церкви и лавки. Вѣдь не толстой же старой лавочницѣ дарить эти прелестныя розы! Она такъ груба и неласкова, эта толстая лавочница.

Каждый разъ, что Розочка приходитъ къ ней за мукой, хлѣбомъ и картофелемъ, толстая лавочница насмѣшливо обращается къ ней съ обычными словами:

— Не скупитесь, не скупитесь, барышня, чтоже вы покупаете такъ мало? Небось, булочную свою держали, нажили деньжонки, домишко пріобрѣли... небось, а себя во всякой малости урѣзываете. Покупайте, покупайте побольше, — такъ говорила толстая лавочница и подмигивала на Розочку всѣмъ присутствующимъ въ это время у нея въ лавкѣ. Тѣ тихонько смѣялись надъ дѣвочкой, смѣялась и лавочница, и ея толстое тѣло вздрагивало и тряслось отъ смѣха.

Въ эти минуты Розѣ хотѣлось крикнуть злой лавочницѣ что она гадкая лгунья, что у бабушки и у нее Розочки почти ничего не осталось послѣ закрытія булочной и покупки домика и что проживаютъ они теперь послѣдніе гроши, вырученные отъ продажи обстановки и передачи булочной новому хозяину. Но, помня наставленіе бабушки отвѣчать молчаніемъ на грубость, Розочка только низко потупила бѣлокурую головку и торопилась какъ можно скорѣе выбраться изъ негостепріимной лавки, кстати сказать, единственной здѣсь по близости.

Такъ неужели-же ей, этой злой насмѣшливой лавочницѣ, поднести ея любимыя Розочкины цвѣточки? Нѣтъ, никогда! ни за что!...

Но тутъ неожиданно Роза вспомнила еще о комъ то. Какъ на яву, живо и четко, представился въ ея мозгахъ образъ высокой, тоненькой бѣлокурой дѣвочки, съ кроткимъ личикомъ и задумчивыми глазками. Эту дѣвочку часто видѣла Роза, стоявшею у изгороди пансіонскаго сада и поглядывающую на улицу задумчивыми всегда грустными глазками. Эта дѣвочка не разъ вступалась за нее Розу (Роза слышала собственными ушами), когда злые ребятишки травили ее на улицѣ и не разъ вступала изъ за нее въ споръ съ черненькой Шурой.

Пансіонскій домъ такъ близко отстоялъ отъ сѣраго особнячка, бабушки и Розы, что каждое громко произнесенное слово въ саду у пансіонерокъ долетало до благоухающаго полисадника маленькой горбуньи.

Роза видѣла отлично и знала, что бѣленькая, задумчивая Лиза очень добра и участливо относится къ

ней. Не разъ глаза Лизы, пѣвшей на клирусѣ, встрѣчались съ печальнымъ взоромъ маленькой горбуньи и между обѣими дѣвочками устанавливались новыя молчаливыя дружескія отношенія, которыя такъ цѣнились неизбалованною людскимъ участіемъ Розой.

— Я придумала кому отдать мои розы, бабушка,— рѣшительно объявила она старушкѣ; эта милая незнакомая Лизанька такъ хорошо и ласково относится ко мнѣ. Непремѣнно отнесу ей розы, бабушка.

— Отнеси, либхенъ, отнеси Розочка, вѣдь у бѣдной дѣвочки нѣтъ кажется ни одного цвѣточка въ пансіонскомъ саду и она, навѣрное, обрадуется твоему подарку, соглашалась Амалія Карловна и ласково гладила прильнувшую къ ней головку маленькой горбуньи.

IV.

Въ то свѣтлое Майское утро пансіонерки чуть ли не съ восходомъ солнца гуляли по саду. Черезъ два дня должны были окончиться занятія въ пансіонѣ и дѣвочекъ съ первыми числами Іюня распускали на лѣтнія вакаціи по домамъ. Предвидя скорый отдыхъ, веселое лѣтнее время и продолжительное пребываніе въ родной семьѣ, дѣвочки чувствовали себя особенно весело и по праздничному настроенными въ это чудное весеннее утро. Они собирались группами, подъ тѣнью стройнаго серебристаго тополя или подъ зеленой развѣсистой ивой и строили веселые планы на близкое, теперь уже давно желанное, лѣто...

Новость, дѣвицы, новость. Сегодня послѣ обѣда насъ въ лѣсъ поведутъ—объявила Шура, самымъ неожиданнымъ образомъ появляясь на порогѣ бесѣдки изъ акаціи, гдѣ сидѣли, мирно разговаривая, нѣсколько дѣвочекъ-пансіонерокъ—сама слышала какъ вѣдьма наша Полина Васильевна говорила сегодня начальницѣ: хорошо-бы, говоритъ, дѣтей за городъ сегодня свести.

— Ну, да! Сказала тоже! Все сочиняетъ эта Шура, дѣвицы, посыпались недовѣрчивые возгласы со всѣхъ сторонъ.

— Стану я врать, тоже! Самой, я думаю, не сладко сидѣть взаперти... На волю не меньше твоего хочется. Такъ неужто же даромъ дразнить себя стану! волнуясь старалась убѣдить Шура подругъ.

Въ ней было что-то мальчишеское въ этой Шурѣ. Черные, бойкіе глазенки такъ и искрились, такъ и сверкали. Черные же непокорно вьющіеся волосы, предметъ искренняго негодованія Полины Васильевны, классной дамы N-скаго пансіона, пышными прядями разсыпались по плечамъ, никакъ не желая улечься «по формѣ» въ двѣ тщательно заплетенныя косички.

Шура Махрушина была единственною дочерью богатаго купца, у котораго въ городѣ было нѣсколько магазиновъ и лавокъ.

Шуру не любили въ пансіонѣ. Не проходило дня, что-бы Махрушина не раздразнила кого нибудь изъ сверстницъ пансіонерокъ, не извела-бы и безъ того раздражительную нервную и болѣзненную наставницу Полину Васильевну, которую неугомонная, необузданная дѣвочка называла въ глаза «вѣдьмой». Но все

прощалось Шурѣ и ея дерзости и грубости и непростительныя шалости, прощалось по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, отецъ Шуры, купецъ Махрушинъ, слишкомъ много сдѣлалъ для процвѣтанія пансіона, жертвуя большими суммами деньги на улучшеніе его, а во-вторыхъ дивный голосокъ Шуры, пѣвшей на клирусѣ, выдѣлялся по своей красотѣ и звучности изъ всего хора и особенно приходился по душѣ всѣмъ важнымъ посѣтителямъ городского храма.

За этотъ именно ангельскій голосъ и спускались многіе далеко не ангельскія выходки сорванцу-Шурѣ.

Лукавая дѣвочка очень хорошо понимала всю необходимость ея пребыванія въ пансіонѣ и позволяла себѣ такія шалости, какія врядъ-ли-бы сошли съ рукъ другой.

Несмотря на то, что подруги не долюбливали Шуру, многія изъ нихъ заискивали въ ней, старались подладиться подъ вкусы дѣвочки, льстили и угодничали передъ нею. И теперь, нѣсколько дѣвочекъ, окружившихъ Шуру въ бесѣдкѣ, вмѣсто того, чтобы остановить подругу за ея слишкомъ рѣзкія возраженія, напротивъ одобряли ее.

— Молодецъ—Шура! Все съумѣетъ узнать!—говорила Соня Лицина, ближайшая пріятельница Шуры.

— А только врядъ-ли насъ поведутъ сегодня на прогулку,—выразила сомнѣніе хорошенькая Даня Смолина. Лизанька Шустова на головную боль съ утра жаловалась. Чего добраго „Полинка“ не возьметъ насъ, если не пойдетъ на прогулку ея любимица „тихоня“.

— Ну вотъ еще!—рѣзко захохотала Шура,—пусть попробуетъ только, я тогда въ ея комнату проберусь и всѣ ея банки—склянки съ лекарствами перебью! Вотъ что! черные глаза Шуры уже зажглись недобрыми огоньками. Она какъ говорится попала на своего любимаго конька.

— Ну, положимъ, ты не посмѣешь сдѣлать этого!—подзадоривала Шуру Даня, очень желавшая втайнѣ, чтобы Шура рѣшилась на свой отчаянный поступокъ и насолила-бы хорошенько „вѣдьмѣ Полинкѣ“, которую никто изъ дѣвочекъ не любилъ.

— Не смѣю, я не смѣю!—уже заволновалась Шура...— а вотъ я покажу какъ не смѣю, а вотъ....

И прежде чѣмъ кто-либо изъ пансіонерокъ успѣлъ произнести хоть слово, Шура, точно дикая лошадка, сломя голову вылетѣла изъ бесѣдки и опрометью кинулась къ дому.

V.

Собственно говоря, Шура Махрушина не отдавала себѣ отчета куда и зачѣмъ она такъ несется. Первымъ стремленіемъ ея было бѣжать къ Лизѣ Шустовой и «отдѣлать» ее хорошенко за то, что ради ея Лизиной больной головы весь пансіонъ останется безъ загородной прогулки, которыя и такъ не часто выпадали на долю пансіонерскихъ затворницъ. Потомъ, хотѣлось во что-бы то ни стало насолить ненавистной „Полинкѣ“....

За что?

Шура и въ этомъ не отдавала себѣ отчета. Просто

за то, что Полинка не рѣшится, по всей вѣроятности, повести ихъ всѣхъ за городъ изъ за головной боли Лизы... Вѣдь Полинка обожаетъ Лизу и всѣмъ и каждому ставитъ ее въ примѣръ.

Шура терпѣть не могла ни Полинки, ни Лизы. Первую она ненавидѣла за то, что она поминутно дѣлала ей замѣчанія Шурѣ, и что отъ нее пахло лекарствами, и что цѣлая батарея ихъ была выставлена на комодѣ въ комнатѣ классной дамы. Полина Васильевна лечилась всю свою жизнь, и никто изъ пансіонерокъ не могъ себѣ представить ее иначе, какъ съ подвязанною отъ флюса щекою, или съ обмотанною отъ мигреня головой. Отъ нее постоянно пахло гофманскими или валеріяновыми каплями, а на лицѣ ея какъ-бы засыпало выраженіе рѣзкаго раздраженія и недовольства на свою судьбу.

Вслѣдствіе этой болѣзненности, она часто бывало раздражительна и нетерпѣливая съ маленькимъ пансіонскимъ стадомъ, ввѣреннымъ ея попеченіямъ.

— У-у, противная! мысленно негодовала на не въ чемъ неповинную наставницу Шура, несясь какъ вихрь по дорожкѣ къ крыльцу.

— Вотъ постой у меня. Если не отправишься сегодня съ нами на прогулку изъ за несносной Лизки, я тебя угощу! Будешь долго меня помнить... Вся твоя аптека, всѣ твои гофманскія и валеріяновыя капли, все это полетитъ въ окошко!... Ха ха ха! Да и весело же это будетъ! Вотъ то потѣха! неожиданно расхохоталась дѣвочка. И вдругъ вся, недоумѣвающая, разомъ остановилась посреди алеи.

Прямо отъ входной калитки по дорожкѣ сада, подвигалась нерѣшительнымн шагами уродливая маленькая фигурка горбатой дѣвочки съ великолѣпнымъ душистымъ букетомъ въ рукѣ. Она прижимала этотъ букетъ къ своей груди обѣими руками и робко поглядывала растерянным взглядомъ по сторонамъ.

— Что тебѣ надо? Куда ты лѣзешь? грубо окликнула ее Шура, неожиданно выростая передъ горбуньей какъ изъ подъ земли.

Розочка (это была она) смутилась еще больше, увидя своего врага передъ собой. Она не знала, что встрѣтитъ здѣсь эту недобрую, черноглазую дѣвочку, она думала, что незамѣтно проскользнеть къ той «бѣлокуренькой» которую зовутъ Лизанькой и отдастъ ей свои цвѣты. Эти цвѣты она вмѣстѣ съ бабушкой рѣшила передать Шустовой сегодня. Она не знала Лизаньки, но кроткое милое личико послѣдней, мелькавшее въ саду и у забора, такъ и манило къ себѣ бѣдную маленькую горбатую Розу.

И Роза съ особенной нѣжностью, срѣзая сегодня пышно расцвѣтшіе бутоны, мечтала уже, какое огромное удовольствіе доставитъ она своимъ неожиданнымъ подаркомъ задумчивой бѣлокурой Лизѣ.

И вдругъ эта Шура...

Сердце Розочки забилось усиленнымъ темпомъ. Недоброе предчувствіе запало въ ея душу. Но она сумѣла побѣдить свой страхъ и проговорила смущенно:

— Не знаете-ли... какъ мнѣ пройти къ той бѣлокурой дѣвочкѣ, которую зовутъ Лизанькой?

— Зачѣмъ тебѣ ее? Развѣ ты съ ней знакома?— тѣмъ же грубымъ и рѣзкимъ тономъ спросила въ свою очередь горбунью Шура.

— Да... нѣтъ...—путалась Роза,—да... нѣтъ... незнакома... а только... я принесла той дѣвочкѣ цвѣты... Я сама ихъ выростила! — не безъ гордости проговорила она.

— Цвѣты? Въ подарокъ? Сама выростила? Но почему Лизѣ Шустовой въ подарокъ, а не другимъ кому?—роняла Шура впиваясь въ горбатенькую Розу своими черезчуръ бойкими, разомъ загорѣвшимися глазами... Ей уже становилось досадно, что цвѣты предназначались Лизѣ, а не ей. И, не долго думая, она неожиданно произнесла:

— Дай-ка мнѣ твои розы — я передамъ ихъ Лизанькѣ.—И она протянула руку за прелестнымъ букетомъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — совсѣмъ уже растерялась горбунья... — Я сама ихъ ростила, выхаживала, сама сдѣлала букетъ и сама передамъ той милой, незнакомой дѣвочкѣ...

— Дура! — разсердилась Махрушина и, вся вспыхнувъ, топнула ногою. — Никто не отниметъ отъ тебя твоего глупаго букета. Я же говорю тебѣ, что передамъ его по назначенію.

И она неожиданно выхватила цвѣты изъ рукъ Розы и высоко подняла ихъ надъ головою.

— Что испугалась? Украду я что-ли твой букетъ?— дразнила она маленькую горбунью, размахивая цвѣтами надъ головой.— Или ты не вѣришь, что я пере-

дамъ его этой притворщицѣ Шустовой, изъ-за которой мы всѣ останемся безъ прогулки сегодня? Что я воровка что-ли? Что я твоихъ глупыхъ розъ не видала?.. Да я захочу, и папа мнѣ завтра тридцать такихъ букетовъ привезетъ! — съ увѣренностью заключила она.

Ее раздражало это худенькое, робкое, некрасивое личико, этотъ уродливо торчавшій горбъ за плечами Розы, ея убитый, грустный видъ, вся ея неказистая фигурка. Къ тому же Шура Махрушина была очень завистлива по натурѣ. Ей было досадно сознавать, что эти цвѣты принесены для Лизаньки, которую она терпѣть не могла, и въ глаза и за глаза насмѣшливо называла „святошей“ и „тихоней“.

Шура забыла, что не разъ дразнила эту блѣдную горбатую дѣвочку, не разъ подзадоривала уличныхъ ребятишекъ преслѣдовать ее. Все сильнѣе и сильнѣе охватывало ее непреодолимое желаніе во что бы то ни стало получить этотъ роскошный букетъ вмѣсто кроткой святоши Лизаньки.

Съ минуту она простояла въ нерѣшительности, переминаясь съ ноги на ногу. Ей не хотѣлось просить о чемъ бы то ни было горбатую дѣвочку, а между тѣмъ... эти розы, которыя она все еще высоко держала надъ своей головою, чтобы горбунья не могла взять ихъ у нее обратно, эти розы были такъ прекрасны, душисты и свѣжи.

Наконецъ, не выдержавъ, Шура отвела глаза въ сторону, и не глядя на Розу, проговорила:

— Слушай ты... Сколько ты хочешь за эти цвѣты?.. У

меня есть карманныя деньги... Много денегъ... Я тебѣ хорошо заплачу, продай мнѣ только твой букетъ!

Что-то неуловимое промелькнуло въ лицѣ горбуньи. Не то негодованіе, не то гнѣвъ. Но умѣвшая сдерживать свои порывы, Роза поборола свое волненіе и проговорила тихо:

— Этотъ букетъ не продается... Я принесла его въ подарокъ той бѣлокурой дѣвочкѣ, которую зовутъ Лизанькой...

— Той бѣлокурой дѣвочкѣ, которую зовутъ Лизанькой — передразнила ее съ гримасой Шура... И тутъ уже окончательно вышла изъ себя.

— Глупая ты дѣвченка, вотъ что! — крикнула она запальчиво.— Не даромъ же берутъ у тебя твои цвѣты... Чтоже продашь ты мнѣ ихъ, или нѣтъ? Говори скорѣе!

— Не продамъ!—тихо чуть слышно проронила Роза, и протянула руку за букетомъ.

— Не продашь? Не продашь? — почти задыхаясь отъ гнѣва прокричала Шура,—не продашь, такъ вотъ же тебѣ! Вотъ!

И прежде чѣмъ Роза могла опомниться, она изо всей силы швырнула цвѣты на дорожку, наступила на нихъ обѣими ногами и стала дрожа отъ злобы и гнѣва топтать прелестный букетъ.

Съ крикомъ отчаянія Роза бросилась было спасать свое сокровище, но Шура, уже не помнившая себя отъ злости, грубо оттолкнула ее, съ силою отшвырнувъ отъ себя горбунью.

Роза потеряла равновѣсіе и упала въ траву, больно

стукнувшись о древесный пень своей искалѣченной горбомъ спиною. Она горько заплакала отъ боли и обиды.

— Ну вотъ теперь получай свой букетъ... — грубо расхохоталась Шура и, бросивъ ей жалкіе остатки растерзанныхъ и растоптанныхъ цвѣтовъ, опрометью кинулась къ дому.

Роза плакала, закрывъ лицо руками. Она даже не чувствовала теперь боли въ ушибленномъ горбу... Душевная боль заполнила все существо маленькой горбуньи.

— Бабушка! Бабушка! Милая! Дорогая! Еслибъ ты знала только какъ поступаютъ съ твоей Роззенъ! — шептали блѣдныя губки дѣвочки.

Вдругъ она вздрогиула отъ неожиданности.

Чья-то маленькая ручка опустилась на ея плечо.

— О чемъ вы плачете, милочка? Кто васъ обидѣлъ?—услышала она ласковый нѣжный голосъ надъ своей склоненной головою...

Роза подняла залитое слезами лицо и увидѣла Лизаньку Шустову передъ собою. Ея кроткое личико съ заботливымъ выраженіемъ наклонилось надъ нею. Милые глаза дѣвочки ласково смотрѣли на маленькую горбунью.

Въ мигъ слезы Розы изсякли. Радость встрѣчи съ этой чуткой дѣвочкой захватила ее.

Она наскоро вытерла заплаканное лицо, вскочила на ноги и, взявъ за руку молоденькую пансіонерку, стала горячо и сбивчиво разсказывать ей обо всемъ случившемся.

Роза говорила очень быстро, едва успѣвая произносить слова. Ея глаза такъ и сверкали.

Повѣдавъ Лизанькѣ о своемъ горѣ, маленькая горбунья стала разсказывать ей, какъ она давно знаетъ ее, не будучи съ ней знакомой, какъ успѣла полюбить ее издали, какъ хотѣла порадовать ее чѣмъ нибудь и понесла ей въ подарокъ эти розы и какъ разомъ наскочила эта злая черненькая дѣвочка и испортила все... все испортила и цвѣты и радость.

Мою радость!—заключила убитымъ голосомъ Розочка и слезы снова хлынули у нее изъ глазъ.

— Не плачьте пожалуйста, милочка,—снова зазвучалъ надъ нею милый голосъ Лизаньки, всѣ значитъ, что Шура—злая, гадкая дѣвочка... Сама Полина Васильевна, наша наставница, плакала изъ за нее не разъ. Но наше дѣло, право, не такъ ужъ плохо, какъ это кажется. Ваши цвѣты мы подберемъ сейчасъ, я расправлю ихъ, вспрысну водою и унесу въ мою комнату. Они оправятся и будутъ долго еще украшать мой столикъ. А вы, не плачьте только, милочка. Мнѣ такъ пріятно познакомиться и подружиться съ вами. Я васъ очень жалѣю и, кажется, уже полюбила васъ... Какъ ваше имя, милочка?—освѣдомилась Лиза своимъ ласковымъ голоскомъ.

— Роза!—пролепетала горбунья.

— Очень хорошенькое имя!—похвалила Лизанька и добавила тотчасъ: вотъ что, Розочка милая, слушайте что я вамъ скажу. Здѣсь вамъ нельзя оставаться больше. Увидитъ кто нибудь изъ начальства и выйдетъ непріятность. Постороннимъ сюда къ намъ входъ строго

воспрещенъ... А мы вотъ что сдѣлаемъ съ вами... Сегодня, послѣ обѣда, насъ, кажется, поведутъ за городъ на прогулку. Знаете въ лѣсъ, что за зеленымъ болотомъ. Приходите и вы туда же. Я постараюсь уйти отъ нашихъ поцальше, мы встрѣтимся съ вами и до сыта наговоримся обо всемъ. А теперь дайте мнѣ васъ крѣпко расцѣловать за цвѣты. Спасибо вамъ за нихъ, моя родная!

И Лизанька крѣпко и нѣжно поцѣловала Розу. Отъ этой неожиданной ласки слезы снова было навернулись на глаза горбуньи. Никто еще кромѣ бабушки не ласкалъ такъ бѣдняжку Розу. И не мудрено поэтому, что бѣлокурая задумчивая Лизанька стала ей еще вдвое дороже и милѣе съ этой минуты.

Повинуясь горячему порыву, маленькая горбунья крѣпко обвила шею ея новой подруги и шепнувъ ей о томъ, что она придетъ въ лѣсъ непремѣнно, успокоенная, обласканная и счасливая, бросилась чуть не бѣгомъ домой разсказать бабушкѣ обо всемъ случившемся.

VI.

Въ ветхомъ, но чистенькомъ, праздничномъ платьѣ, гладко причесанная и сіяющая шла Розочка по дорогѣ къ лѣсу.

Отъ ихъ дома онъ отстоялъ совсѣмъ недалеко и чтобы достигнуть Зеленаго болота, куда отправились получасомъ раньше подъ присмотромъ Полины Васильевны пансіонерки, требовалось не болѣе двадцати минутъ ходьбы.

Бабушка не хотѣла было отпускать въ лѣсъ свою Розхенъ, но бѣдная горбунья такъ горячо молила старушку позволить ей побыть въ лѣсу хоть недолго съ ея новой подругой, такъ увѣренно говорила, что сънею ничего не случится, что старушка только рукою махнула.

— Иди, что ужъ тутъ, благо не далеко. Иди либхенъ моя, только далеко не углубляйся въ чащу и назадъ возвращайся вмѣстѣ съ пансіонерками, то есть сряду за ними,—наказывала старушка.

Ей-ли было подъ силу помѣшать единственному удовольствію ея бѣдняжки внучкѣ!..

Передъ уходомъ Розочки она еще разъ попросила дѣвочку не углубляться въ лѣсъ, а главное, не садиться тамъ на траву. Въ лѣсу водились ядовитыя змѣи, укусъ которыхъ былъ смертеленъ и бабушка сочла необходимымъ нѣсколько разъ предупредить объ этомъ Розочку.

Сіяющая и довольная вышла дѣвочка изъ дому. Впереди нее не вдалекѣ по дорогѣ двигалась правильная шеренга по парно шедшихъ пансіонерокъ.

Сердечко Розы замирало отъ радости при одной мысли о томъ, что она скоро увидится съ Лизанькой и вдоволь наговорится съ нею въ лѣсу. Теплое участіе и сердечная ласка доброй дѣвочки сдѣлали совсѣмъ счастливой бѣдную горбунью. Правда, воспоминаніе о злой выходкѣ Шуры, о испорченномъ букетѣ не остыло еще въ душѣ Розы, но свѣтлая минутка встрѣчи съ Лизой уже покрыли горечь обиды и Розочка отгоняла отъ себя тяжелое воспоминаніе о перенесенномъ ею маленькомъ горѣ.

Вотъ и лѣсъ скоро...

Шеренга шедшихъ попарно пансіонерокъ разбилась. Дѣвочки разорвали пары и бѣгомъ бросились на опушку. И Розочка поспѣшила за ними. Прячась за деревьями и кустами, она достигла лѣса, и отойдя немного отъ расположившихся на лѣсной полянкѣ, не вдалекѣ отъ Зеленаго болота, пансіонерокъ, усѣлась на пень срубленнаго дерева и стала ждать Лизаньку.

Кругомъ было такъ хорошо и привѣтливо. Пѣли кузнечики въ кустахъ, мелькали въ воздухѣ пестрыя бабочки. Трава зеленѣла, и всюду слышался веселый птичій гомонъ. Деревья, бросая на землю легкую тѣнь, стояли неподвижные и стройные, какъ молчаливые сторожа лѣсного царства.

— Ахъ, вотъ вы гдѣ!.. — послышался за плечами Розочки знакомый говоръ и изъ-за кусовъ вынырнула Лизанька Шустова.

— Тссс!—прошептала она, прикладывая пальчикъ къ губамъ,—не говорите слишкомъ громко, а то Полина Васильевна какъ разъ нагрянетъ и уведетъ меня отсюда. Вѣдь у насъ строго запрещаютъ разговаривать, не только что играть съ посторонними дѣтьми. Мы лучше подальше въ лѣсъ заберемся, хотите?

Хотѣла-ли Розочка?

И какъ она могла еще спрашивать объ этомъ, бѣлокуренькая, милая Лизанька!

Вѣроятно, глаза маленькой горбуньи очень краснорѣчиво выражали желаніе не только пойти туда, куда звала Лиза, но и самую душу отдать за свою новую подругу.

— Ну, вотъ видишь, какъ хорошо!—обрадовалась Шустова, внезапно переходя на «ты» и схвативъ, за руку Розу, бѣгомъ пустилась съ нею по лѣсной тропинкѣ.

Дѣвочки добѣжали до слѣдующей поляны и усѣлись на стволъ поваленаго грозою дерева.

— Здѣсь насъ никто не найдетъ по крайней мѣрѣ! — засмѣялась Лизанька. — Ну, разсказывай о твоемъ житьѣ-бытьѣ Розочка. Ты учишься гдѣ-нибудь? да?— участливо распрашивала она горбунью. Съ печальнымъ выраженіемъ на худенькомъ личикѣ Роза призналась, что она нигдѣ не учится и не училась еще до сихъ поръ.

Правда, сама бабушка выучила ее читать и писать по-русски и по-нѣмецки, но этимъ и закончилось образованіе дѣвочки. А ей, Розѣ, такъ бы хотѣлось учиться!— Маленькая горбунья тяжело вздохнула, говоря объ этомъ.

— Вотъ бы тебѣ побыть у насъ въ пансіонѣ,— живо подхватила Лизанька,—ахъ какъ это было бы хорошо. Ты бы была моей самой любимой подругой, мы бы учились, читали, гуляли вмѣстѣ! Вотъ бы славно было! Правда Розочка?

— Но это невозможно, — съ грустью прошептала горбунья.

— Отчего невозможно?—удивилась Шустова.

— Мы бѣдны... Очень бѣдны, и моя бабушка не въ состояніи платить за мое ученье даже въ школу, не только, что въ пансіонъ...

Тихо и печально проговорила маленькая горбунья. Лизанька стала утѣшать ее, говоря, что и дома можно

выучиться всему тому, чему учатъ въ пансіонѣ.

— Хочешь, я тебѣ книжекъ доставать буду? Ты мнѣ цвѣтовъ принесла, такую обиду изъ за меня отъ злой Махрушиной вынесла, а я тебѣ за это учиться помогу, хочешь? — неожиданно предложила разомъ оживившаяся Лизанька. Насъ скоро по домамъ распустятъ, съ увлеченіемъ продолжала она,—у меня здѣсь семья живетъ, мама, братья. Ты приходи къ намъ почаще! Мы такъ рады тебѣ будемъ. Я учить тебя буду исторіи, географіи, всему, что сама знаю. Хорошо?! Хочешь?!

Розочка даже руками всплеснула отъ радости. Хотѣла на шею кинуться Лизѣ, расцѣловать ее, и... вдругъ неожиданно замерла на мѣстѣ съ вытаращенными глазами и поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Помогите, спасите! — отчаяннымъ крикомъ пронеслось въ эту минуту по лѣсу и замерло вдали.

— Что это?—сорвалось съ поблѣднѣвшихъ губокъ Лизаньки.— Господи помилуй, бѣда какая то стряслась! Бѣжимъ скорѣе туда, Роза! Узнать надо, что тамъ случилось и, если можно, помочь.

И схвативъ за руку ошеломленную отъ неожиданности горбунью, она бросилась назадъ къ Зеленому болоту, увлекая Розу за собой.

VII.

Въ нѣсколько минутъ дѣвочки очутились на мѣстѣ. На полянѣ среди лѣса, съ испуганными лицами, толпились пансіонерки, окруживъ кого-то, лежащаго на травѣ. Лиза и Роза протискались впередъ и увидѣли

Шуру Махрушину, блѣдную, дрожащую, съ дико вытаращенными глазами, съ перекошеннымъ отъ ужаса и смертельно блѣднымъ лицомъ.

Она лепетала что то, дико озираясь вокругъ. Полина Васильевна металась по полянѣ, едва-ли менѣе испуганная, чѣмъ дѣвочки, и рыдая кричала въ голосъ:

— Помогите, спасите! Ребенка ужалила змѣя! Змѣя ужалила... Кто-нибудь помогите! Спасите!

Кто-то изъ пансіонерокъ упавшимъ отъ волненія и страха голосомъ разсказывалъ сбивчиво и невнятно:

— Мы съ Шурой... у болота играли... Вдругъ увидѣли „ее“... „Она“ спала... Я говорю Шурѣ уйдемъ поскорѣе... „Она“ ядовитая... А Шура смѣется... Потомъ взяла прутикъ и хлестнула „ее“... А она какъ проснется, какъ кинется на Шуру... и прямо въ ногу ее. Укусила и уползла... А Шура упала... Ахъ, Господи! Что дѣлать! Что дѣлать теперь.

И разсказчица залилась истерическими слезами. Заплакали слѣдомъ за нею и всѣ остальныя.

А Шура стонала и корчилась, между тѣмъ на землѣ. Эти стоны и слезы какъ бы отрезвили Полину Васильевну. Она поняла, что помощи искать неоткуда и бросилась къ дѣвочкѣ.

— Вотъ что надо сдѣлать!—проговорила она обрывисто и глухо, точно думая вслухъ, — надо высосать ядъ изъ ранки... Сейчасъ же надо высосать ядъ... А то поздно будетъ... и онъ разольется по всему тѣлу... Только это можетъ сдѣлать тотъ, у кого ни одной царапинки во рту нѣтъ... ни одной царапинки... А то и Шуру не спасти будетъ и самой погибнуть придется...—продол-

жала сама съ собою разговаривать Полина Васильевна, потомъ неожиданно и быстро наклонилась надъ лежавшей теперь безъ признака жизни блѣдной, какъ мертвецъ Шурой.

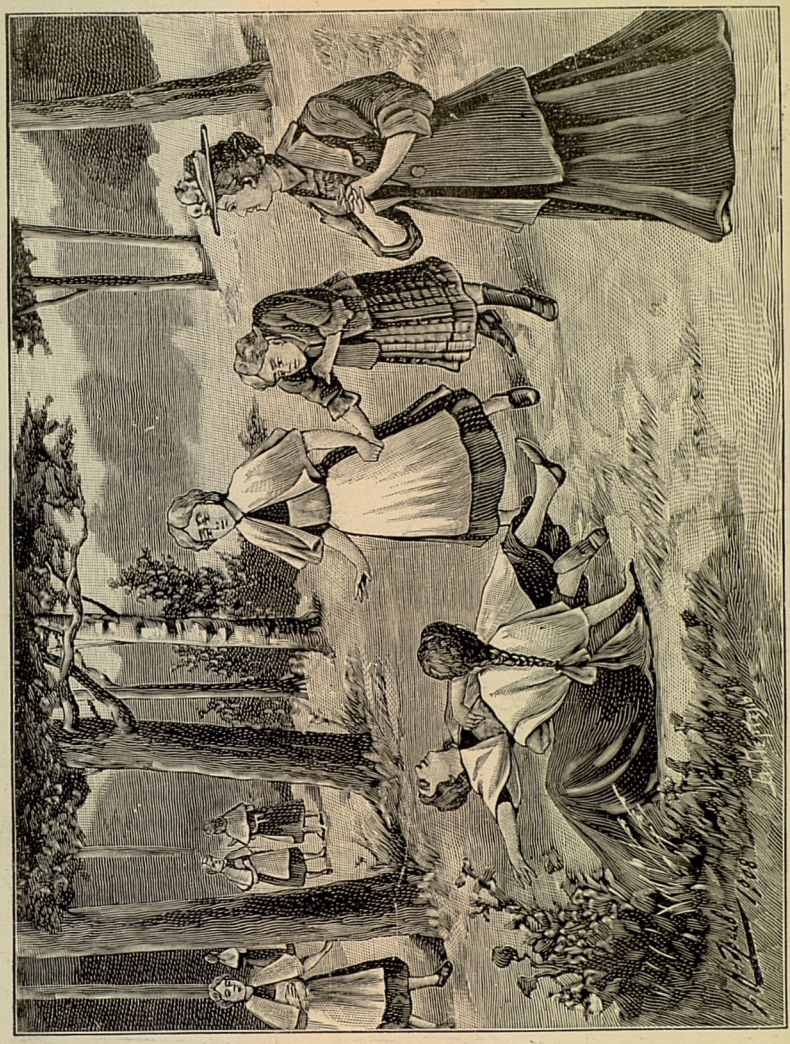
— Я попытаюсь спасти ее и высосать ядъ изъ ранки!—проговорила она, обращаясь ко всѣмъ окружающимъ и окидывая притихшихъ дѣвочекъ блуждающими глазками.

— Что вы дѣлаете! Что вы дѣлаете! Нельзя вамъ дѣлать этого... нельзя... Вамъ на дняхъ только зубъ вырвали! У васъ, значитъ, есть ранка во рту!—вспомнила Лизанька и въ забывчивости оттолкнувъ Полину Васильевну, сама низко наклонилась надъ укушенною ногою Шуры.

Проворными руками она сняла съ этой ноги обувь и глазамъ испуганныхъ пансіонерокъ представилась багрово-красная нога Шуры, на которой зіяла небольшая ранка, почернѣвшая по краямъ.

Розочкѣ, пробравшейся слѣдомъ за Шустовой впередъ, хорошо была видна и эта ранка и безпомощная распростертая на травѣ сама Шура и склонившаяся надъ нею Лизанька. Роза видѣла и сознавала ту смертельную опасность, въ которой находились теперь обѣ дѣвочки.

Не дай Богъ, найдется какая-нибудь незначительная царапинка во рту Лизаньки и если попадетъ въ нее высосанный ею ядъ изъ ноги Шуры — Лиза погибла. И Лиза и Шура, обѣ вмѣстѣ. Но кто же кромѣ доброй, кроткой, великодушной Лизаньки пойдетъ на спасеніе Шуры? Шура злая, дерзкая—никто не захочетъ рискнуть жизнью для нея...



Роза.

И Шура умретъ... А между тѣмъ она такая веселая, хорошенькая, здоровая... Такъ хорошо поетъ на клиросѣ въ воскресные дни... У нее есть любящій отецъ, мать, родные... И богатство и счастье... Все это есть! Ей бы жить да радоваться только! Это не то что она, убогая, чуть живая калѣка Роза. Кому она нужна? Кто, кромѣ бабушки пожалѣетъ ее, если она умретъ, погибнетъ, она бѣдная, убогая горбунья? Да и бабушкѣ-то руки развяжетъ, по крайней мѣрѣ лишній ротъ не надо будетъ кормить! Ей-ли еще радоваться, пользоваться жизнью — Розѣ! Пусть лучше Шура живетъ и Лизанька тоже... Онѣ нужнѣе. О ней плакать будутъ... Правда, недобрая она, Шура... цвѣты у нее отняла, обижала ее, смѣялась надъ нею... такъ вѣдь... развѣ мало наказана она сейчасъ? При смерти, вѣдь она. Кончается, можетъ, если, если.—Все это вихремъ пронеслось въ усиленно работавшей головкѣ горбуньи... И не вполнѣ сознавая того, что дѣлаетъ, руководимая однимъ жгучимъ желаніемъ спасти во чтобы то ни стало Шуру и предупредить Лизаньку, Роза упала передъ безчувственной Махрушиной на колѣни, нагнулась и, приникнувъ къ ранкѣ, зловѣще зіявшей на ногѣ дѣвочки, дрожащими губами стала усиленно вытягивать изъ нее ядъ.

Что то вяжущее, терпкое разлилось въ тотъ же мигъ по рту Розы, сковывая ея языкъ, заставляя нѣмѣть небо и десны. Она выплюнула пропитанную ядомъ слюну и снова принялась за дѣло. Сердце шибко колотилось въ груди горбуньи... Голова трещала отъ звона и шума, наполнявшихъ ея мозгъ.

Но Розочка продолжала свое дѣло, не отрываясь отъ ранки до тѣхъ поръ, пока ей не удалось высосать изъ нея весь ядъ, не успѣвшій еще проникнуть глубже въ тѣло и разлиться по жиламъ ужаленой дѣвочки.

Вскорѣ брызнула и кровь оттуда, а черезъ минуту вся бѣлая, какъ ея бѣлая косынка, Шура открыла измученные усталые глаза, обведенные синими кругами.

— Спасена!.. Шура—спасена!—прозвучалъ кругомъ сдавленный шопотъ пансіонерокъ...—Какъ смѣла эта горбатая дѣвочка! Милая дѣвочка! Вы спасли Махрушину... Вы великодушная! Вы героиня!—разомъ заговорили хранившія до сихъ поръ глубокое молчаніе дѣвочки.

— Богъ благословитъ васъ за ва...—начала Полина Васильевна и не докончила начатой фразы.

Розочка зашаталась и, какъ подкошенная, рухнула безъ чувства на траву. Взвинченные нервы не вынесли. Бѣдная, маленькая горбунья потеряла сознаніе.

VIII.

Прошло три дня.

Въ сѣромъ особнячкѣ, тѣсно обнявшись, тихо сидѣли бабушка и Розочка. Въ открытое настежь окно было слышно, какъ чиликали въ полисадникѣ птички... Розочка, прижавшись къ бабушкѣ, чуть-ли не въ сотый разъ разсказывала ей свое приключеніе въ лѣсу. Старушка внимательно ловила каждое слово внучки. И въ сотый разъ сердце Амаліи Карловны наполнялось гордостью за ея Розочку.

Еще бы! не каждая могла бы найти въ себѣ силы поступить такъ!.. А она—ея дѣвочка, ея внучка сама та-

кая слабенькая, чуть живая, калѣка вдобавокъ не пощадила себя!.. И бабушка съ полными слезъ глазами покрывала несчетными поцѣлуями худенькое обильно некрасивое личико своей Розочки, которое казалось теперь такимъ прекраснымъ отъ сіяющаго въ немъ выраженія счастья.

Въ тотъ вечеръ, какъ пансіонерки принесли на рукахъ ея безчувственную Розочку, старушка смертельно испугалась за внучку. Но лишь только обморокъ дѣвочки миновалъ и одна, перебивая другую, пансіонерки разсказали бабушкѣ про великодушный поступокъ ея Розы, старушка точно помолодѣла отъ счастья на десять лѣтъ.

— Вотъ какая моя Розочка! говорила она, хлопоча и суетясь подлѣ своей дорогой внучки.—Только бы Господь сохранилъ мнѣ ее. Желанью старушки было суждено осуществиться, Розочка скоро пришла въ себя.

Первымъ ея вопросомъ было: жива-ли укушенная змѣею дѣвочка? И удалось-ли ей, Розочкѣ, спасти ее?

И тутъ же увидя протягивающую ей обѣ руки еще блѣдную, но уже смущенно улыбающуюся Шуру, она заплакала отъ радости и, повинуясь непреодолимому порыву, потянулась къ ней.

— Простите ради Бога... — прошептала Шура,—я васъ... тогда... а вы какъ отплатили... жизнь мнѣ спасли... я злая... гадкая... простите...

Слезы брызнули изъ глазъ Махрушиной и дѣвочки крѣпко обнялись, какъ родныя сестры.

Потомъ пансіонерокъ отвели домой. Позвали доктора къ Шурѣ. Отъ нее онъ вмѣстѣ съ начальницей пансіона прошелъ въ сѣрый особнячекъ и долго осма-

тривалъ Розочку. Начальница же не находила словъ благодарить дѣвочку за ея благородный поступокъ.

Съ тѣхъ поръ прошло три дня, но неулегшіеся еще нервы Розочки не давали забыть дѣвочки ея недавнее происшествіе.

Да и бабушка то и дѣло распрашивала ее о немъ. Ей было пріятно малѣйшее напоминаніе о великодушіи, смѣлости и добротѣ ея внучки.

Солнце садилось... Птицы все тише и тише чирикали въ саду подъ окномъ.

— Пора и на отдыхъ, Розочка,—проговорила бабушка и хотѣла уже захлопнуть оконце, какъ неожиданно послышались тяжелые шаги на крыльцѣ и изъ крохотныхъ сѣней показалась плотная высокая фигура незнакомаго мужчины.

Бабушка и Розочка вскочили оторопѣлыя, не зная какъ встрѣтить незваного гостя.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, я купецъ—Махрушинъ,—проговорилъ гость,—и пришелъ поблагодарить маленькую великодушную барышню за то, что она мнѣ сберегла жизнь моего единственнаго дѣтища — сорванца-Шурки...

Махрушинъ силился говорить спокойно и шутя, но голосъ его срывался, дрожалъ, выдавая душевное волненіе.

И совсѣмъ неожиданно для хозяекъ сѣраго домика этотъ высокій плотный, человѣкъ безсильно опустился на первый попавшійся стулъ и закрылъ лицо руками.

— Одна вѣдь у меня... она Шурка... единственная... для нее и живу-то...—глухо доносился до бабушки и Розы его взволнованный лепетъ.

Когда онъ успокоился немного, то сталъ долго и горячо благодарить Розочку, а взглядъ его то и дѣло растерянно скользилъ по убогой обстановкѣ сѣраго особнячка.

— Вы меня простите, за обиду не сосчитайте, а только я къ вамъ по просту, по товарищески,—нерѣшительно заговорилъ Махрушинъ,—обращаясь къ бабушкѣ,—позвольте ужъ васъ снабдить небольшою суммой,.. Вижу вамъ никазисто живется... И внучку не на что обучать... А такую славную дѣвочку учить надо, ей и себѣ на радость, другимъ на пользу—и говоря это Махрушинъ одной рукой гладилъ по головѣ горбунью, Розочку, другой всовывалъ ей въ руки пакетъ, туго набитый кредитными бумажками.

Но бабушка да и сама Розочка отказались отъ денежной награды.

— Мы хоть и бѣдны, а плату за такое дѣло не возьмемъ ни за что,—проговорила бабушка,—развѣ можно жизнь человѣческую на деньги оцѣнивать?—съ укоромъ проговорила старушка, строго взглянувъ на Шуринаго отца.

Тотъ смутился невольно. Сталъ извиняться и также, нерѣшительно откланявшись, исчезъ изъ сѣраго домика.

IX.

Но доброе дѣло не могло остаться безъ награды. Благородная гордость и щепетильность бабушки и внучки не оттолкнули отъ нихъ людей, а напротивъ, расположили ихъ въ свою пользу.

Черезъ нѣсколько дней явилась въ сѣрый особнячекъ начальница пансіона, и предложила бабушкѣ принять безплатно въ число пансіонерокъ ея Розу.

Отъ этаго ни бабушка, ни внучка уже не нашли въ себѣ силы отказаться. И Розочка поступила въ пансіонъ, гдѣ воспитывалась Лизанька Шустова, Шура и другія.

Нечего и говорить, что Лизанька и Шура стали лучшими подругами и Розочки. Впрочемъ, не только онѣ однѣ. но и прочія пансіонерки и Полина Васильевна и сама начальница всѣ горячо полюбили тихую, милую прилежную Розочку. Теперь уже никто не смѣлъ ни преслѣдовать, ни дразнить ее. Даже уличные ребятишки, толпою бѣгавшіе прежде за маленькой горбуньей. и дразнившіе ее, теперь преисполнились уваженія къ Розочкѣ

. . . . . .

. . . . . .

Прошло нѣсколько лѣтъ. Розочка блестяще окончила курсъ ученья и осталась въ пансіонѣ по просьбѣ начальницы помогать одряхлѣвшей и состарившейся Полинѣ Васильевнѣ присматривать за дѣтьми. Теперь Розочка зарабатываетъ свой хлѣбъ собственными руками и содержитъ ими свою престарѣлую бабушку.

У нихъ такъ же чисто и уютно въ сѣромъ особнячкѣ—домикѣ, какъ и прежде, такъ же красиво отдѣланъ маленькій палисадникъ и также цвѣтутъ на куртинкахъ пышныя розы. Все по старому, только жители N-ска не по старому относятся къ нимъ. И бабушку Амалію Карловну и бѣлокурую горбатую Розочку знаетъ теперь весь городъ, и всѣ искренно любятъ и уважаютъ ихъ.

Конецъ.

Принцъ Фіалка.

Сказка.

I.

У стараго лѣсного царя былъ сынъ. Мальчика звали принцемъ Фіалкой. У него были лиловато-синіе глаза, напоминающіе лѣсные цвѣты и звонкій, какъ ручеекъ голосъ. Это былъ очень хорошенькій мальчикъ, о благополучіи котораго заботилось все лѣсное царство. Старые лѣшіе дѣлали ему дудочки изъ вѣтокъ деревьевъ, красавицы лѣсовички приносили ему свѣжую землянику изъ чащи лѣса, молодыя веселыя русалки доставляли рыбокъ и раковъ изъ тѣнистыхъ лѣсныхъ озеръ. Хорошо жилось маленькому принцу! Онъ заплеталъ вѣнки изъ цвѣтовъ, гонялъ рыбъ въ лѣсныхъ озерахъ, кушалъ спѣлую душистую землянику и пѣлъ свои пѣсни. Этимъ пѣснямъ выучилъ его другъ и пріятель маленькаго принца соловей.

Всѣ любили Фіалку и на перерывъ старались угодить ему. Не мудрено поэтому, что мальчикъ вскорѣ изнѣжился и избаловался не въ мѣру. Ему стало вдругъ скучно жить на свѣтѣ. Нечего было желать—все было у него. Только не было птичьяго молока, но и то, потому только, что птичьяго молока не существуетъ на свѣтѣ. И вотъ сталъ рваться изъ лѣсу лѣсной принцъ, туда въ большой міръ къ людямъ, о которомъ онъ зналъ только по наслышкѣ.

— Скучно мнѣ у насъ въ лѣсномъ царствѣ, хочу взглянуть, какъ люди живутъ,—покаялся какъ-то отцу Фіалка — отпусти меня, батюшка, погулять на волѣ. На людей поглядѣть — себя показать.

Опечалился старый царь такому рѣшенію принца. Опустилъ голову на грудь, вздохнулъ глубоко.

— Подожди, мальчикъ, молодъ ты еще очень, чтобы одному по бѣлу-свѣту скитаться. — сталъ онъ ласкаво уговаривать сына, — да и зачѣмъ тебѣ уходить отсюда, у насъ-ли не хорошо, ни радостно, не привѣтливо въ лѣсу? Каждое твое желаніе наши подданные исполняютъ на перегонку... Хочешь, кликну зеленоокихъ русалокъ, сынокъ! велю имъ изъ лилій и водорослей тебѣ новый дворецъ устроить! Либо маленькимъ эльфамъ праздникъ устроить прикажу... Что только пожелаешь, все тебѣ устрою!...

— Ничего не хочу я, батюшка, все надоѣло мнѣ и дворецъ изъ лилій и праздники наши. Пусти меня погулять батюшка по большому міру... Отпусти меня къ людямъ,—снова печальнымъ голосомъ упрашиваетъ отца Фіалка. Видитъ царь — затуманились лиловыя глаза сына, подернулись грустью, Жаль стало мальчика лѣсному царю. Зоветъ онъ къ себѣ стараго мудраго лѣшаго съ длиннною сѣдою до пятъ бородою. Этотъ лѣшій вынянчилъ не только самого царя и его сына, но и дѣда и прадѣда ихъ — прежнихъ лѣсныхъ царей. Самымъ мудрымъ существомъ и еще вдобавокъ чародѣемъ считался въ лѣсу старый лѣшій. Пришелъ онъ по зову царя и, выслушавъ своего владыку, проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Отпусти, царь, принца побродить по бѣлу свѣту! Забаловали, занѣжили тутъ его у насъ. Небось, такихъ заботъ, такой любви и ласки онъ нигдѣ, кромѣ родного лѣса, не увидитъ... Пусть прогуляется хорошенько и научится цѣнить все то, что не цѣнитъ теперь.

Царю было жаль отпустить принца, но онъ зналъ умъ и проницательность стараго лѣшаго и рѣшилъ послушаться его совѣта.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть погуляетъ по свѣту мальчикъ, пусть научится цѣнить любовь и заботы, расточаемыя ему на родинѣ!

И тутъ же призвалъ царь сына и высказалъ ему свое рѣшеніе.

Какъ обрадовался этому рѣшенію принцъ Фіалка! Какъ ярко заблестѣли его лиловыя глаза, когда отецъ обнялъ его на прощанье и позволилъ ему тотчасъ же пуститься въ путь.

Весело разстался онъ со своимъ лѣснымъ царствомъ, гдѣ ему было такъ скучно въ послѣднее время, гдѣ всѣ его желанія исполнялись безпреко-

словно и гдѣ въ концѣ концовъ ему нечего было и желать.

Уходя, онъ не обращалъ вниманія на печальныя лица окружающихъ. Какое ему было дѣло до нихъ, когда въ сердцѣ самого принца распѣвали птички?..

II.

Съ веселымъ лицомъ и сіяющими глазами вышелъ на опушку Фіалка. Лѣсное царство осталось теперь далеко позади него. Онъ шелъ узкой межой между двумя рядами спѣлыхъ золотистыхъ колосьевъ. Прямо передъ нимъ лежала убогая деревенька. Онъ быстрыми шагами приблизился къ ней, достигъ крайней избы и взошелъ на широкое крылечко. Въ дверяхъ избы стоялъ крестьянинъ въ рваной одеждѣ и, прикрывшись рукою отъ солнца, удивленными глазами смотрѣлъ на мальчика.

— Ты чей, паренекъ? — обратился онъ съ вопросомъ къ Фіалкѣ. Тотъ наскоро объяснилъ старику, что онъ сирота, пришелъ издалека и хочетъ остановиться здѣсь на ночь, у кого нибудь въ избѣ.

— Ладно, ладно, оставайся, переночуй!—сжалился надъ нимъ крестьянинъ,—да ты, вотъ что, не хочешь-ли и вовсе остаться у меня? Я тебѣ жалованье положу и харчи, а ты на меня и на мою старуху работать за это будешь.

Принцу Фіалкѣ очень понравилась эта мысль. Ну, разумѣется, все складывалось какъ нельзя лучше до сихъ поръ и презабавно вдобавокъ: онъ сынъ лѣсного царя поступаетъ въ рабочіе къ какому то мужику!

Развѣ не весело это! И Фіалка тутъ же изъявилъ крестьянину свое согласіе. Ударили по рукамъ и принцъ остался батракомъ въ крестьянской избушкѣ.

Начиналась совсѣмъ новая жизнь съ этой минуты. Принцъ Фіалка поднимался теперь съ зарею и вмѣсто того, чтобы нѣжиться на мягкой постели изъ мха и розъ, какъ это бывало съ нимъ въ лѣсномъ царствѣ, носилъ воду, разстапливалъ плиту въ избѣ, чистилъ лошадь крестьянина, задавалъ ей кормъ. Вначалѣ такія занятія развлекали мальчика. Это было такъ ново и занятно! Но вскорѣ онѣ надоѣли Фіалкѣ, а когда хозяинъ прибилъ его какъ-то за разбитый имъ по неосторожности котелокъ, Фіалка рѣшилъ оставить свою службу.

Однажды, подъ вечеръ онъ сказалъ хозяину о своемъ рѣшеніи. Но крестьянинъ въ отвѣтъ разразился такою бранью, что мальчикъ опѣшилъ.

— Да что ты обалдѣлъ, что-ли?—кричалъ онъ на Фіалку,—теперь только самая страда начинается, полевыя работы, а ты отъ меня уходить вздумалъ... Выкинь дурь-то изъ головы, а ни то я тебя такъ угощу, что ты и своихъ не узнаешь!

И втолкнувъ мальчика въ коморку, онъ заперъ его на замокъ, чтобы помѣшать Фіалкѣ уйти. Тутъ только впервые понялъ бѣдный маленькій принцъ какую онъ сдѣлалъ непростительную оплошность, уйдя изъ родного лѣса. Тамъ, въ лѣсномъ царствѣ никто не посмѣлъ-бы говорить съ нимъ грубымъ такимъ образомъ. Тамъ его нѣжили, лелѣяли, бало-

вали... А здѣсь? здѣсь онъ слышалъ угрозы и брань, да еще впереди его ждали побои...

И тутъ-же принцъ Фіалка рѣшилъ бѣжать отъ своего хозяина. Окно коморки, куда его заперъ крестьянинъ, находилось высоко надъ землею, но тѣмъ не менѣе маленькій узникъ храбро вскарабкался на какой-то ящикъ стоявшій подъ окномъ и перелѣзши черезъ него, спрыгнулъ внизъ....

Падая принцъ Фіалка разбилъ себѣ ногу, обжегъ въ крапивѣ руки и лицо, но не обращая вниманія на все это, онъ, насколько могъ быстро, бросился бѣжать изъ злополучной деревни.

III.

Принцъ Фіалка попалъ въ городъ.

На большой площади стояли ларьки и лавки, въ которыхъ торговали съѣстными припасами, обувью и разными хозяйственными вещами. Нѣсколько торговокъ сидѣло подъ навѣсами и пронзительными голосами выкрикивали свой товаръ. Подходили покупатели, торговались, покупали и спѣшили съ площади съ пріобрѣтеннымъ товаромъ. Эта оживленная суета и сутолка, какъ нельзя болѣе, пришлась по душѣ Фіалки. То-ли дѣло! и шумъ и веселье и возня... Не то что бѣдное спокойствіе и нищета въ его лѣсномъ царствѣ! И онъ храбро подошелъ къ ларьку, гдѣ продавались всевозможныя лакомства, пряники, конфекты. Около этого навѣса толпились ребятишки, съ завистью поглядывавшіе на вкусныя вещи, разставленныя въ банкахъ вокругъ.

Принцъ Фіалка приблизился вмѣстѣ съ остальными. Онъ никогда не пробовалъ ѣсть этихъ лакомствъ, но на видъ онѣ казались такими вкусными и соблазнительными на рѣдкость.

Между тѣмъ торговка обратила вниманіе на хорошенькаго мальчика съ лиловыми глазами.

Она дала ему леденецъ, сладкій какъ сахаръ и спросила:

— Гдѣ живутъ твои родители, мальчикъ?

Принцъ Фіалка отвѣтилъ, что онъ сирота.

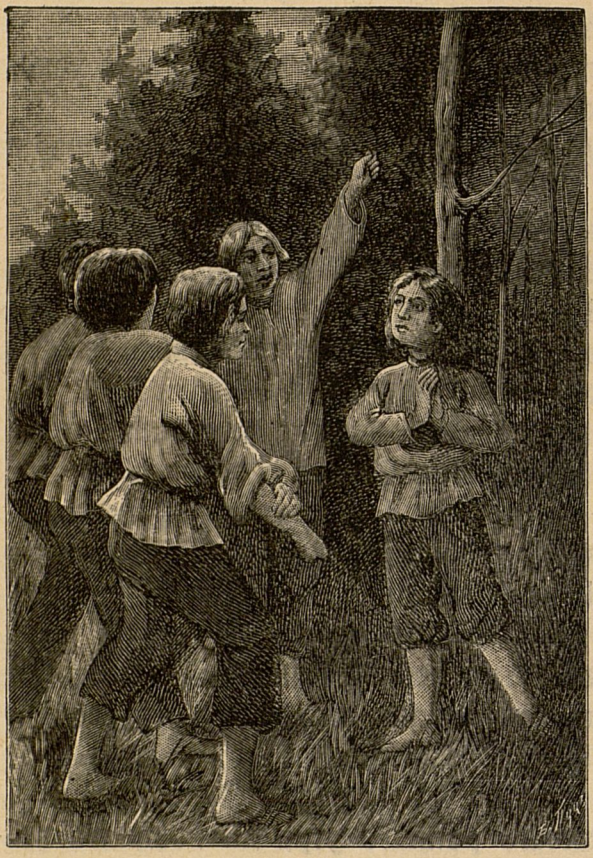
— Хочешь пойти ко мнѣ въ услуженіе?—предложила торговка,—ты будешь помогать продавать сласти и я за это буду кормить, одѣвать и обувать тебя.

— Должно быть, очень весело торговать сластями!—мысленно произнесъ Фіалка и тотчасъ же согласился остаться въ лавкѣ. Дѣйствительно, было весело первое время. Приходили покупатели, требовали товару, принцъ Фіалка отвѣшивалъ имъ его, заворачивалъ въ бумагу и получалъ деньги. И всякій разъ тутъ же онъ не забывалъ себя и лакомился самъ. То того попробуетъ, то этого, благо товаръ былъ сладкій и вкусный.

Это не могло не возбудить зависти ребятишекъ, толпившихся съ самаго ранняго утра до поздняго вечера вокругъ ларька. И ребятишки сразу возненавидѣли Фіалку, который всячески оберегалъ отъ нихъ свой сладкій товаръ.

Какъ то разъ какой то уличный мальчишка понабрался храбрости и стянулъ съ прилавка большой медовый пряникъ. Принцъ Фіалка успѣлъ схватить за

руку воришку, громко уличая его въ воровствѣ. Послѣдній сталъ отбиваться. За него заступились другіе ребятишки и увѣреніе Фіалки, что мальчикъ укралъ пряникъ не повело ни къ чему.



Съ этого дня уличные ребятишки еще болѣе возненавидѣли маленькаго торговца. Они всячески досаждали ему; бранили, поносили его, а частенько даже и поколачивали, улуча минуту, когда старой торговки не было въ лавкѣ. Такая жизнь не могла прійтись по нраву Фіалкѣ. Онъ все чаще и чаще вспоминалъ свой лѣсъ и отца, своихъ ласковыхъ подданныхъ и друзей, предупреждавшихъ каждое его желаніе. И съ каждымъ днемъ его все больше и больше охватывала тоска по лѣсному царству.

Но тутъ же онъ старался какъ могъ успокоить себя:

«Не всѣ же люди будутъ такъ относиться къ нему — Фіалкѣ, гдѣ нибудь да найдетъ же онъ ласку, защиту и любовь. Надо только уйти изъ этого гадкаго города, побродить да поискать хорошенько. И не сказавъ ни слова своей хозяйкѣ, принцъ Фіалка исчезъ изъ лавки въ одинъ прекрасный день, на утренней зарѣ.

IV.

Теперь онъ шелъ, весело напѣвая какую-то пѣсенку, по роскошному парку, окружающему чей-то красивый дворецъ.

Помня постигшія его неудачи въ бѣдной деревенькѣ и маленькомъ городишкѣ, принцъ Фіалка рѣшился держать себя подальше отъ бѣдныхъ и простыхъ людей.

— Только знатные и важные люди умѣютъ быть деликатными,—рѣшилъ онъ,—и надо мнѣ заводить знакомство только съ ними.

И потому Фіалка держалъ свой путь мимо огромныхъ домовъ богачей, мимо дворцовъ и замковъ вельможъ, князей и графовъ.

— Вотъ гдѣ живутъ, должно быть, добрые люди, которые оцѣнятъ меня! — воскликнулъ онъ весело, очутившись неожиданно передъ прекраснымъ замкомъ, выстроеннымъ со всяческими причудами и затѣями. Чего, чего только не увидѣлъ онъ здѣсь!

И готическія башенки, и висячія бесѣдки въ видѣ балконовъ и подъемные мосты и красивыя лѣсенки! А кругомъ замка былъ разбитъ великолѣпный садъ

съ чудесными куртинами, украшенными самыми пышными пестрыми цвѣтами.

Не успѣлъ еще какъ слѣдуетъ полюбоваться всею этою роскошью принцъ, какъ услышалъ звонкій голосокъ, раздавшійся съ дворцовой террасы:

— О, какой красавчикъ-мальчикъ! Приведите его ко мнѣ. Я хочу сдѣлать его моимъ пажомъ!

Очень удивленный, принцъ Фіалка поднялъ голову. На террасѣ въ золоченомъ на подобіе трона креслѣ полулежалъ мальчикъ въ богатомъ пышномъ нарядѣ съ герцогскою короною на головѣ. Около него толпились знатные рыцари и дамы.

Принцъ Фіалка, не привыкши къ такому блестящему обществу, смутился было и хотѣлъ дать тягу отъ дворца, но два бдестящихъ рыцарей ловко сбѣжали съ мраморныхъ ступеней террасы, подхватили его подъ руки и въ одно мгновеніе онъ очутился передъ лицомъ ихъ молоденькаго герцога, тринадцати лѣтъ на видъ.

— Я хочу тебя сдѣлать моимъ пажомъ; малютка! Ты очень понравился мнѣ,—повторилъ маленькій герцогъ и, обращаясь къ своей свитѣ, велѣлъ увести оторопѣвшаго отъ неожиданности Фіалку, причесать его, нарядить въ лучшія одежды и объяснить ему хорошенько его новыя обязанности герцогскаго пажа.

V.

Маленькій герцогъ былъ очень капризный герцогъ. Онъ требовалъ, чтобы каждое его желаніе исполнялось безпрекословно. Самъ онъ не сходилъ съ своего

Принцъ Фіалка.

кресла-трона, былъ очень неподвиженъ и важенъ, точно китайскій божокъ. Но за то онъ гонялъ свою свиту, готовую умереть по одному слову своего герцога.

Ему казалось, что весь міръ созданъ для того только, чтобы было весело и пріятно ему—маленькому герцогу.

И послушная свита изъ себя выходила, чтобы угодить своему юному повелителю.

Пажъ Фіалка сразу заслужилъ любовь своего господина. Герцогъ не могъ, кажется, ни одной минуты провести безъ него. Въ то время, когда сіяло солнце и дивный весенній день такъ и манилъ на волю въ садъ, герцогъ требовалъ, чтобы его пажъ Фіалка сидѣлъ подлѣ него, разсказывалъ ему сказки, пѣлъ пѣсни и всячески забавлялъ его.

Онъ закармливалъ его всякими явствами и сластями, и когда Фіалка отказывался отъ нихъ, ссылаясь на то, что онъ сытъ и уже не можетъ проглотить ни кусочка, маленькому герцогу казалось, что его пажъ боленъ... Звали доктора, пичкали Фіалку горькими лекарствами и укладывали его въ постель.

Когда онъ просилъ отпустить его погулять въ садъ, въ лѣсъ и въ поле, маленькій герцогъ начиналъ дуться и сердиться, говоря, что онъ, пажъ Фіалка, неблагодарное дитя, если хочетъ оставить одинокаго маленькаго герцога.

Тогда принцъ Фіалка пошелъ на хитрость. Онъ какъ то тихонько пробрался въ садъ, желая вдоволь нагуляться и набѣгаться въ его тѣнистыхъ аллеяхъ, но увы! его отсутствія хватились въ замкѣ, за нимъ

разослали пышную свиту, его вернули во дворецъ и заперли въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ комнатъ. Герцогъ разгнѣвался на своего пажа и сталъ держать его въ заперти какъ птицу въ золотой клѣткѣ.

Правда, принцъ Фіалка не чувствовалъ лишеній ни въ сладкихъ яствахъ, ни въ нарядныхъ одеждахъ. У него не было только одного—свободы. И теперь только, лишившись ея, онъ понялъ, какой ужасный промахъ, совершилъ онъ, уйдя изъ милаго лѣсного царства. И залился горькими слезами бѣдный принцъ.

— Батюшка лѣсной царь!—шепталъ онъ, томясь отъ горя и печали,—верни меня домой... Верни, батюшка... Никогда я больше не уйду изъ родного лѣсного царства. Послѣдній твой маленькій заяцъ теперь счастливѣе меня... Верни меня домой, батюшка, изъ неволи и прости твоего глупаго, неразумнаго Фіалку. И онъ снова залился горькими жалобными слезами....

VI.

Шаловливый вѣтерокъ подхватилъ эти слезы Фіалки и перенесъ ихъ старому лѣсному царю. Всколыхнулся лѣсной царь, услыша жалобы сына.

— Ну, выручай, лѣшій, принца! Довольно наказанъ нашъ принцъ,—приказалъ онъ старому мудрецу—чародѣю.

Тотъ только тряхнулъ своею зеленою бородою.

— И то довольно! Больше никогда не уйдетъ онъ изъ нашего лѣсного царства! — пробурчалъ лѣшій.

А лѣсной царь уже поднялся грозный и страшный... Наслалъ на землю вѣтеръ и бурю съ грозою.... Раз-

разилась она надъ герцогскимъ замкомъ. Задрожали стѣны замка. Зазвенѣли окна. Дрогнули рамы въ той комнатѣ, гдѣ заключенъ былъ провинившійся принцъ... Звякнули стекла, попадали на полъ и разбились въ дребезги. А черезъ сдѣлавшееся отверстіе въ окнѣ просунулись огромныя мохнатыя лапищи стараго лѣшаго; подхватили принца Фіалку и унесли его изъ замка въ свободное зеленое лѣсное царство.

А тамъ въ лѣсномъ царствѣ уже ждалъ сына ликующій царь, заставившій сразу замолчать и грозы и бурю....

Протянулъ онъ могучія руки, схватилъ въ объятія сына, прижалъ его къ себѣ... Смущенный и радостный прижался къ отцу принцъ Фіалка.

Смѣялся и плакалъ и давалъ слово никуда, никуда не уходить изъ милаго лѣсного царства...

А кругомъ уже зажигались свѣтляки въ травѣ... Собирались кузнечики музыканты... Крылатые эльфы слетались на пиръ, который давалъ лѣсной царь въ честь своего возвратившагося домой сына.

Всю долгую ночь проплясали до зари, а показалась заря на небѣ, сладко и крѣпко уснулъ счастливый принцъ на своемъ ложѣ изъ мха, дикихъ розъ и ромашки... Веселыя пташки щебетуньи баюкали его своими пѣсенками и старыя тѣнистыя липы встали молчаливо на сторожѣ, охраняя его сонъ.

Катька, Катюшка, Катишь и Катринъ.

(Исторія одной Кати).

I.

На сѣрой дачѣ, что стоитъ подлѣ лѣса, шумно и весело... Слышатся дѣтскіе голоса, восклицанія, веселый смѣхъ, оживленные споры. Тамъ, за зелеными, ровно подстриженными акаціями, большая садовая площадка, красиво утоптанная краснымъ пескомъ. За зелеными акаціями играютъ въ крокетъ. Высокая, тоненькая Дорочка—институтка, пріѣхавшая на каникулы, блѣдная, хрупкая, съ голубыми жилками на вискахъ, но гордая, самолюбивая, щепетильная дѣвочка. Таня, дочь экономки, гимназистъ Валекъ, сѣроглазый насмѣшливый шалунъ, и Котя, совсѣмъ еще маленькій и наивный бутузъ, братъ Валека и Доры. Дорочка, Таня и Котя играютъ трое противъ одного Валека. Валекъ — сильный противникъ и распоряжается шарами своихъ партнеровъ самымъ безжалостнымъ образомъ.

— Разъ! Два! Три! - ударяетъ крокетнымъ молоткомъ Валекъ и всѣ шары вмигъ укачены за заборъ, въ канаву.

— Такъ нельзя! Такъ нельзя!—отчаянно протестуетъ Дора и дѣлаетъ плаксивую гримасу.

— Какъ нельзя?—удивляется Валекъ,—а когда я разбойникъ?!

— Нельзя!—подтверждаетъ Дора и нижняя губа у

нея вздрагиваетъ отъ волненія.—Нѣтъ такого правила, чтобы загонять черезъ заборъ.

— Что это? Ты, кажется, рюмить хочешь?—презрительно сощуривается Валекъ.

— Отстань,—сердится Дорочка, и, дѣйствительно, слезы навертываются на ея красивые, голубые глазки.

— Ин-сти-тут-ка,—еще презрительнѣе тянетъ Валекъ и отправляется, потряхивая молоткомъ и насвистывая себѣ подъ носъ, за шарами къ забору.

— Это кто?—слышится черезъ минуту его громкій, веселый голосъ изъ-за зеленыхъ акацій.

За заборомъ, просунувъ голову въ отверстіе, образовавшееся между акаціями, стоитъ дѣвочка и жадно слѣдитъ за играющими дѣтьми.

Босая, грязная, въ рваной юбкѣ, въ вылинявшей кофгѣ, съ черными отъ грязи ноженками, съ бѣлокурой головкой, она производитъ жалкое впечатлѣніе. Но ея неумытая худенькая рожица, украшенный синякомъ высокій умный лобъ и ясные, довѣрчивые синіе глазенки очень красивы.

Ни синяки, ни грязь, ни царапины не могутъ испортить рѣдкой красоты этого запущеннаго отъ бѣдности и нищеты ребенка.

— Кто ты?—еще разъ спрашиваетъ Валекъ, установившись изумленнымъ взоромъ въ это, далеко незаурядное, явленіе.

Дѣвочка вздрагиваетъ и молчитъ. Грязная ручонка усиленно ковыряетъ что-то въ доскѣ забора.

— Слушай-ка,—обращается къ ней Валекъ,—поищи мнѣ три шара. Они закатились въ крапиву.

Листы крапивы великолѣпно жгутся и гимназистъ, зная это, не очень-то стремится разыскивать среди нея закатившіеся шары.

Дѣвочка не сразу понимаетъ, что нужно этому высокому мальчику въ свѣтлой блузѣ съ блестящими пуговицами и ремнемъ.

Между тѣмъ, Дорочка, Таня и Котя тоже подходятъ къ забору, заинтересованные необычайной дѣвочкой.

— Кто ты?

— Какъ тебя зовутъ?

— Чья ты дочка?

— Сколько тебѣ лѣтъ?

Такъ и сыпятся на нее вопросы.

Дѣвочка молчитъ. Голова ея потуплена... Глаза ея глядятъ изъ-подлобья, синіе, хмурые, большіе.

— Ищи шары,—уже повелительно кричитъ Валекъ, рѣшивъ сразу, что съ такой оборванкой церемониться не стоитъ.

Она наклоняется покорно, раздвигаетъ загорѣлой до черноты рученкой траву и шаритъ ею.

Шары найдены. Дѣвочка подаетъ ихъ неловко, все также потупившись, нарядным господскимъ дѣтямъ.

Можно снова играть.

— Спасибо!—небрежно киваетъ ей головой Валекъ и первый отходитъ отъ забора.

— Хорошенькая дѣвочка,—замѣчаетъ Таня, тихенькая, скромная дочурка Марьи Семеновны, экономки.

— Только грязная ужасно,—брезгливо морщится Дорочка-институтка.

— Ужасно грязная,— соглашаются дѣти, и идутъ снова на площадку играть.

Но въ ту минуту, когда Валекъ, въ качествѣ побѣдителя, дѣлаетъ первый ходъ, лихо проскочивъ цѣлую пару воротъ разомъ, за зеленой изгородью раздается отчаянный крикъ.

— Катька! Катька! Вотъ-же ты гдѣ, дрянь этакая! Вотъ постой, я тебя изъ дому научу бѣгать! Пола некому въ избѣ вымыть, а она шляется къ господскимъ дачамъ.. Глазѣетъ на барчатъ, дрянь этакая! Постой же ты у меня!..

Въ ту-же минуту пронзительный визгъ покрылъ брань и угрозы. Кричалъ теперь дѣтскій голосъ, кричалъ дико и пронзительно, какъ отъ боли. Испуганные и потрясенные дѣти кинулись со всѣхъ ногъ къ забору. Неожиданная картина представилась ихъ глазамъ.

Худая, изможденная работой крестьянка съ жилистыми руками била синеглазую дѣвочку, помогшую имъ только что разыскать шары.

Дѣвочка извивалась, какъ угорь, билась и кричала у нея въ рукахъ. Удары сильныхъ рукъ крестьянки такъ и сыпались на ея плечи, голову и шею.

Вся дрожа отъ волненія, Дорочка кинулась къ ней. Дорочка, очень чувствительная по натурѣ, не выносила, когда при ней убивали муху, а тутъ злая, не помнившая себя женщина истязала бѣдную, худенькую, синеглазую дѣвочку.

— Не смѣй бить ее! Я мамѣ пожалуюсь. Нельзя такъ обращаться съ дѣтьми,— закричала она на нее.

— Конечно нельзя,—вступился Валекъ.

— Законъ не позволяетъ обращаться такъ съ малолѣтними, и будь это ваша родная дочь, ее отберутъ отъ васъ, если увидятъ подобное жестокое обращеніе, — присовокупилъ онъ съ важностью по адресу крестьянки, очень довольный тѣмъ, что могъ проявить такое знаніе дѣла.

— Да пропади она пропадомъ,—взвизгнула та,— какая она мнѣ дочка? Не дочка она мнѣ... Чужая... Сиротку пріютила, думала отплатитъ за мою хлѣбъ-соль. Въ работѣ поможетъ, а она только хлѣбъ жретъ даромъ... Дармоѣдка непутевая. У-у! Не такъ еще тебя нужно, пучеглазую!—И говоря это, разсвирѣпѣвшая женщина схватила дѣвочку за ея тоненькую бѣлобрысую косичку и изо-всей силы пригнула ея голову назадъ.

— Не смѣйте бить! Не смѣйте бить!—разомъ вскричали дѣти и встали между мучительницей и ея жертвой, всячески стараясь защитить дѣвочку.

— Надо мамѣ сказать... Пусть возьметъ дѣвочку на кухню.. Она у насъ на посылкахъ будетъ... И жалованье ей дадутъ... Хочешь, дѣвочка, поступить къ намъ на мѣсто?

И Таня, ласково обнявъ злосчастную Катьку, заглянула ей въ лицо.

Явите такую божескую милость, барышня,— вдругъ, розомъ затихая, заговорила женщина,—опредѣлите на мѣсто мою Катьку. Вѣкъ буду Бога за васъ молить... Вишь, сама перебиваюсь, по стиркамъ хожу, когда дачники наѣзжаютъ въ нашу деревню. Съ хлѣба

на квасъ и живемъ. Больно плохи дѣла-то. А она дѣвченка шустрая, даромъ что двѣнадцатый годокъ, и прислужить сможетъ, и все такое... Ужъ явите божескую милость, схлопочите, барышня.

И прежде, чѣмъ кто-либо могъ ожидать этого, женщина упала въ ноги Танѣ. Послѣдняя растерялась.

— Я что-же? Я ничего не могу...—залепетала она.—Моя мама сама служитъ у ихъ мамы,—кивнула она головой въ сторону другихъ дѣтей.—Ихъ просите,—закончила она смущенно.

Тогда Катькина мучительница бросилась въ ноги Дорочкѣ.

— Явите божескую милость, схлопочите, барышня,—запричитала она.

Дорочка любила чувствительныя сцены и изліянія благодарности; кромѣ того, она жалѣла бѣдную дѣвочку-сиротку и, незамѣтно переглянувшись со старшимъ братомъ, сказала, подумавъ съ минуту:

— Хорошо. Пойдемте къ мамѣ. Я думаю, что ваша Катька понадобится у насъ на кухнѣ для услугъ.

И всѣ вмѣстѣ отправились въ сѣрую дачу.

II.

Промозглое сырое осенние утро... Въ домѣ еще всѣ спятъ. Не только господа, но и прислуга. Могучій храпъ несется изо-всѣхъ угловъ. Только шесть часовъ утра. Сонное царство всюду. И въ теплыхъ уютныхъ господскихъ спальняхъ, и въ людскихъ, и на кухнѣ.

Только въ темномъ углу корридора (чернаго корридора, ведущаго изъ сѣней въ кухню) копошится

жизнь. Какая-то маленькая фигурка сидитъ на дровяномъ ларѣ, замѣняющемъ ей постель и покрытомъ какимъ-то тряпьемъ. Это Катька, переименованная въ Катюшку и привезенная изъ деревни въ городъ для услугъ повара Архипа Ананьевича и другой прислуги. Катюшка сидитъ на ларѣ по турецки, поджавъ подъ себя ноги и усердно начищаетъ сапоги при свѣтѣ керосиновой лампочки. Сапогъ много. Они парами стоятъ у ларя, и большіе, и маленькіе, и мужскіе и дѣтскіе. Тутъ и Валекины, высокіе, со шнуровкою и острыми носками, и легкіе комнатные ботинки Коти, и институтки Дорочки сапожки. Дорочка все прихварываетъ и ее, несмотря на сентябрь мѣсяцъ, конецъ каникулъ, еще не отвезли поэтому въ институтъ. Тутъ огромные сапожища и повара Акима Ананьевича и кожаныя туфли экономки Марьи Семеновны, словомъ, обувь со всего дома, которую должны привести въ порядокъ закоченѣвшіе отъ холода пальчики Катюшки. Вооруженная щеткой дѣвочка работаетъ изо-всѣхъ силъ. Она поднялась съ пяти часовъ на ноги, затопила плиту, потому что поваръ Акимъ Ананьевичъ не терпѣлъ холода и требовалъ, чтобы къ его пробужденію въ кухнѣ было тепло, какъ въ банѣ. Прибрала вчерашнюю посуду, оставшуюся послѣ ужина, и хотѣла уже докончить чистку седьмой пары сапогъ, какъ неожиданно вспомнила, что гимназистъ Валерій Дмитріевичъ наказалъ строго-на-строго разбудить себя въ половинѣ седьмого.

Катюшка быстро спустила съ ларя ноги, уже не босыя, какъ въ деревнѣ, а обутые въ козловые на

красной байкѣ сапоги, которые она ходила покупать вмѣстѣ съ экономкой на прошлой недѣлѣ.

Бочкомъ, чуть поскрипывая своими козловыми сапогами, Катюшка прошла изъ кухни въ „чистый“ корридоръ и, проскользнувъ за дверь дѣтской, гдѣ спали оба мальчика, стала осторожно будить старшаго барченка.

— Валеръ Митричъ, пора. Проснитесь, баринъ,— гудѣла она ему чуть не въ самое ухо, наклоняясь надъ его изголовьемъ.

Но Валекъ и не думалъ просыпаться. Онъ только, неопредѣленно мыча что-то себѣ подъ носъ, отмахивался руками.

Видя полную неуспѣшность своихъ дѣйствій, Катюшка приступила энергичнѣе къ спящему.

— Валеръ Митричъ, а Валеръ Митричъ! Время вставать! Будить приказали.

На этотъ разъ Валекъ проснулся, вскочилъ какъ встрепанный и, сидя на постели, установился на Катюшку заспанными глазами.

— Что тебѣ надо? Чего пристала? – недоумѣвалъ онъ.

— Господи помилуй! Сами-же будить велѣли,— отскочила та.

— Дура! Вотъ дурища-то!—хриплымъ со сна голосомъ ворчалъ Валекъ,—въ половинѣ восьмого приказалъ будить, дурища, а не въ шесть. Пошла вонъ! Куда мнѣ въ этакую рань дѣваться? И гимназія-то только въ половинѣ девятаго открывается. То-есть Богъ занетъ, ничего-то толкомъ не умѣетъ сдѣлать эта дура.

И сердито повернувшись на бокъ, Валекъ снова захрапѣлъ.

Такъ-же осторожно, тѣмъ-же чуть слышнымъ крадущимся шагомъ Катюшка пробралась въ кухню. Въ ея сердцѣ жило твердое сознаніе своей правоты. Она отлично помнила, какъ наканунѣ Валекъ сказалъ ей вечеромъ:

— «Слушай ты, пучеглазка. Обязательно разбуди меня завтра въ половинѣ седьмого. Мнѣ до гимназіи еще два урока выучить надо».

А тутъ вотъ поди-жъ ты!

Катюшка добродушно пожала плечами и усмѣхнулась.

— Странные эти господа. Ничего-то толково не скажутъ, чего имъ хочется.

И тутъ-же, накинувъ большой платокъ, бросилась бѣжать за булками въ ближайшую пекарню.

На улицѣ было сыро, холодно и непривѣтливо. Осень все прочнѣе и тверже завладѣвала природой. А еще двѣ недѣли тому назадъ, когда Катюшка въѣзжала сюда въ городъ на возу съ мебелью и съ огромной клѣткой канарейки въ рукахъ, возвращаясь изъ деревни съ господами, все выглядѣло кругомъ по лѣтнему, пышно и красиво.

Слетать за булками было дѣломъ одной минуты для быстрой, какъ ртуть дѣвчурки. Но все-же въ домѣ уже замѣтно было нѣкоторое оживленіе, когда она вернулась обратно. Поваръ Акимъ Ананьевичъ съ суровымъ, заспаннымъ лицомъ встрѣтилъ ее довольнотаки непривѣтливо на порогѣ.

— Еще что? Три часа бѣгала. Подожди ты у меня,—дождешься!

И давъ дѣвочкѣ легкій подзатыльникъ, вырвалъ у нея изъ рукъ мѣшокъ съ печеньемъ.

Этимъ только начинались мученья Катюшки.

Въ 8 часовъ поднимался Валекъ. Онъ опаздывалъ въ гимназію, не зналъ двухъ уроковъ и былъ недоволенъ. То требовалъ холодной воды, то горячей, то находилъ, что горячая слишкомъ холодна, а холодная черезъ-чуръ горяча, то терялъ зубную щетку и заставлялъ по десяти разъ разыскивать ее Катюшку, то гналъ ее за кофе и булками, поминутно возвращая съ полъ-дороги для какого-нибудь пустяка.

Наконецъ, нашумѣвшись вдоволь, Валекъ уѣхалъ въ гимназію на собственной хорошенькой пролеткѣ, запряженной гнѣдымъ Разгуляемъ.

Въ девять часовъ по всему дому зазвенѣли звонки. Горничная Паша съ ногъ сбилась, одѣвая саму барыню, Дорочку-институтку и шалуна Котю.

— Чего ротъ разиня стоишь? Тащи воды въ умывальникъ, што-ли!—бросила она на ходу Катюшѣ.

Та со всѣхъ ногъ рванулась исполнять требованіе. У Дорочки въ спальнѣ было тепло и уютно. Спущенная синяя стора не пропускала свѣта. Царилъ пріятный для глазъ полумракъ и пахло ландышевой водой, которою мылась Дорочка.

Сама Дорочка, тоненькая, красивая, нѣжилась еще въ постели, потягиваясь подъ алымъ стеганымъ атласнымъ одѣяломъ.

— Катюшка, натяни мнѣ чулки,—капризно протя-

нула она, освобождая изъ-подъ одѣяла бѣлую, словно фарфоровую ножку.

Катюшка кинулась къ постели Дорочки и осторожно взявъ длинный черный шелковый чулокъ, стала его почти благоговѣйно натягивать на стройную бѣлую ножку Дорочки.

— Ай, ай, ай! Ты мнѣ ногу вывихнула... Ты съ ума сошла, обращаться такъ грубо со мной, — не своимъ голосомъ вскрикнула Дорочка.—Паша, убери отсюда это чучело. Она мнѣ только нервы разстраиваетъ.

Новый подзатыльникъ Паши и «чучело» какъ мячикъ, вылетаетъ за дверь.

Ровно въ часъ господа завтракаютъ. Отъ девяти до часа то и дѣло можно видѣть Катюшку съ неестественно пылающими щеками, раздувающую самоваръ. Самоваръ разогрѣваютъ разъ десять, пока изъ спальни не выйдетъ сама барыня. И эта пріятная обязанность цѣликомъ возложена на Катюшку. Кромѣ того, ее разъ двадцать поваръ пошлетъ въ лавочку то за тѣмъ, то за другимъ, сопровождая свои приказанія то пинкомъ, то подзатыльникомъ.

Послѣ господскаго завтрака, когда, едва справившись съ посудой, Катюшка присѣла отдохнуть и перекусить ломтемъ чернаго хлѣба съ хвостомъ селедки, оставленнымъ ей отъ людской закуски, какъ пуля влетѣла на кухню взволнованная Паша.

— Опять къ Бале за каштанами посылаютъ, — со злостью крикнула она,—и-и-и, Боже ты мой, сколько они этихъ засахаренныхъ каштановъ лопаютъ. У дру-

гого въ деревнѣ и хлѣба не будетъ столько. Эй ты, Катюшка, возьми тряпку, да оботри у барышни пыль на этажеркѣ! Я не успѣла.

И сунувъ дѣвочкѣ полотенце, Паша духомъ понеслась въ кондитерскую.

Катюшка покорно отправилась въ Дорочкину комнату.

Она любила ее. Розовая, веселенькая мебель, зеркало на туалетѣ, обитомъ розовымъ-же атласомъ и кисеею, бѣлоснѣжная постелька и нарядная этажерка, уставленная всякаго рода штучками,—все это плѣняло Катюшку и почему-то переносило ее мыслью въ деревню, на пестрый просторъ полей, на вольную тишь лѣсовъ, подъ голубое небо, гдѣ обиліе красоты и красокъ соперничало съ обиліемъ красокъ на всѣхъ этихъ «штучкахъ», что въ симметричномъ порядкѣ разставлены были на этажеркѣ. Катюшка, сама того не замѣчая, скучала по деревнѣ. Правда, исправно таки тамъ поколачивала ее тетка Авдотья, да все за дѣло больше... Убѣжитъ поглазѣть на дачниковыхъ ребятишекъ, она, Катька, либо загуляется на полѣ, ну, ужъ тутъ и жди—будетъ трепка. Зато и заботилась о ней тетка. Кормила до сыта, хоть и съ попреками, давала время поѣсть хорошенько. А тутъ...

Рѣдко когда удавалось ей поѣсть, какъ слѣдуетъ, присѣвъ гдѣ-либо на дальнемъ уголку стола, а то все больше приходилось мимоходомъ пережевывать кусочекъ. А пинки и колотушки? Тамъ, въ деревнѣ, отъ одной тетки Авдотьи ихъ принимать приходилось, здѣсь отъ всего дома.

Правда, Таня,—барышня экономкина, ни разу еще не обидѣла ее, да барышня Таня только по субботамъ на праздники домой пріѣзжала, а то все жила въ ученьѣ, въ какомъ-то пансіонѣ, въ какомъ — даже и не выговорить Катюшкѣ.

Какъ-то въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ посулила она, Таня, грамотѣ выучить Катюшку, дала ей леденцовъ и книжку съ картинками, да поваръ Акимъ Ананьевичъ отобралъ книжку для своихъ внучатъ, а Катюшку отругалъ за баловство, пригрозивъ отодрать за косу въ другой разъ.

Уѣхала Таня и еще хуже стало житься Катюшкѣ. Кабы грамотная была Катюшка, давно-бы отписала она тетенькѣ Авдотьѣ пріѣхать за нею и увезти ее обратно въ деревню, да бѣда въ томъ, что не умѣетъ дѣвочка ни читать, ни писать. Не научилась. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Розовая комнатка кажется Катюшкѣ настоящимъ раемъ. Фарфоровыя «штучки» на этажеркѣ—цѣлымъ богатствомъ. Осторожно, почти благоговѣйно, перетираетъ она каждую вещицу и, поставивъ на мѣсто. долго смотритъ на нее съ какимъ-то умильнымъ восторгомъ.

Изъ сосѣдней комнаты слышатся заглушенные дверью съ тяжелой плюшевой портьерой голоса.

Тамъ, передъ высокимъ зеркаломъ собрались барыня, барышня и толстая француженка-портниха, мадамъ Мишо, за примѣркой барышниного платья. Въ этомъ платьѣ институтка Дорочка будетъ танцовать

Катька, Катюшка, Катишь, Катринъ.

на Рождествѣ, когда снова пріѣдетъ домой на рождественскіе каникулы. Платье шьютъ задолго до праздниковъ, потому что у мадамъ Мишо очень много работы и своимъ постояннымъ заказчицамъ она шьетъ за два, за три мѣсяца, не торопясь.

Катюшка однимъ глазомъ видѣла Дорочкину матерію. Вся голубая, какъ небо въ маѣ, и такая нѣжная, что кажется, притронешься къ ней — разорвется сейчасъ.

Но лучше матеріи на Дорочкиномъ платьѣ Катюшкѣ нравится большая сэврская ваза, что стоитъ на этажеркѣ. Ваза очень красивая. На ней нарисована цѣлая картина. Пастухъ и пастушка, одѣтые очень нарядно. Оба кудрявые, розовые, улыбающіеся, съ бѣлыми локонами по плечамъ. У пастушки на лентѣ бѣленькій барашекъ, у пастушка въ рукахъ свирѣль.

Катюшка смотритъ и не можетъ налюбоваться на вазу. Такъ тамъ хорошо на картинкѣ. Такъ и хочется ей прыгнуть туда къ нимъ, къ кудрявымъ пастушкамъ.

Полюбовавшись вдоволь, осторожно стала вытирать «штучки».

Трахъ!..

Господи, что такое?

Ваза неожиданно выскользнула изъ дрожащихъ пальчиковъ Катюшки и...

Смертельная блѣдность покрыла лицо дѣвочки.

Передъ ней черепки... Ни пастуха съ пастушкой, ни бѣлаго барашка... Одни черепки.

Ужасъ и холодъ наполнили дрогнувшее сердечко Катюшки.

Разбилась ваза... Нѣтъ вазы...

Голоса за дверью затихли разомъ. Потомъ тоненькій, Дорочкинъ, произнесъ нетерпѣливо:

— Что тамъ случилось?

Дверь распахнулась.

— Ахъ!

Дорочкѣ сдѣлалось дурно. Она поблѣднѣла и забились въ истерикѣ.

Моя ваза! Моя ваза!

Барыня, высокая, тоже блѣдная, въ черномъ платьѣ (она носила постоянный трауръ по мужѣ) бросилась къ ней.

— Дорочка! Дѣтка! успокойся! О, эта Катюшка Что за чудовище! Ее вазу... Сэврскую вазу. Боже мой! Боже мой!

Вошла и француженка.

— Oh! Quel malheur! Quel malheur—зашептала мадамъ Мишо.—Это ти разбиль, Катишь?—обращалась она къ оторопѣлой Катюшкѣ.

Та стояла съ виноватымъ видомъ, съ опущенной головой, съ испуганнымъ до невѣроятія лицомъ. Этотъ видъ раздражалъ еще болѣе истерически рыдающую Дорочку.

— Мамочка, прогони ее. Мамочка, она мою лю-бимую ва-а-зу!.. Мамочка. Она ужа-с-ная! Все, что ни сдѣлаетъ, все ху-у-до! Про го-ни ее! Мамочка!—всхлипывала Дорочка.

— Положительно дурища, ничего не умѣетъ сдѣлать по человѣчески,—неожиданно появляясь на порогѣ, ввернулъ свое слово только-что возвратившійся

изъ гимназіи Валекъ,—не разбудила сегодня. Изъ-за нея чуть въ гимназію не опоздалъ и колъ получилъ!

— Ужасно!—и барыня долго смотрѣла въ лорнетъ на испуганную, растерянную на смерть Катюшку.

— Да отошли ее обратно въ деревню, мамочка,—рыдала Дорочка.

— Отошлю мое сокровище, только не плачь.

— Oh, non, madame,—внезапно вмѣшалась въ разговоръ француженка,—rendez la moi!.. Изъ нея выйдетъ маленькій портнихъ... Хочешь, дѣвочка Катишь, бить портнихъ?—обратилась она къ Катюшкѣ.

— Отлично, мадамъ Мишо, возьмите ее къ себѣ,—оживилась Дорочка. — Уму разуму научите, по крайней мѣрѣ.

— Дѣвочка, хочешь бить портнихъ?— приставала мадамъ Мишо къ Катюшкѣ.

Та по прежнему молчала.

Барыня и мадамъ Мишо оживленно заговорили по-французски, о чемъ-то, чего Катюшка не понимала. Потомъ барыня усѣлась писать письмо теткѣ Авдотьѣ въ деревню, а торжествующая мадамъ Мишо поѣзла онѣмѣвшую отъ страха Катюшку къ себѣ въ мастерскую.

III.

Зима давно покрыла бѣлымъ саваномъ улицы столицы.

Искусникъ морозъ прихотливыми узорами разукрасилъ окна. Холодно на дворѣ.

Холодно и въ мастерской мадамъ Мишо. Пальцы

коченѣютъ, держа иглу. Француженка-хозяйка скуповата и топить комнатъ не любитъ. Человѣкъ десять мастерицъ и «дѣвочекъ» сидятъ вокругъ длиннаго стола, забросаннаго кусками бархата, лентъ, шелка и кружевъ.

Въ мастерской предпраздничная спѣшка. Работаютъ съ утра до вечера, не покладая рукъ.

Между прочими дѣвочками-помощницами, взятыми для посылокъ и легкихъ работъ сидитъ Катишь.

Никто-бы не узналъ теперь въ этой хорошенькой, чистенькой, но чрезвычайно блѣдной и утомленной дѣвочкѣ, одѣтой въ сѣрое форменное платьице, бѣлый передникъ и перелинку, прежнюю чумазую дѣвченку.

Она старательно снимаетъ наметку съ какой-то юбки, низко наклонивъ надъ нею бѣлокурую головенку съ неизмѣнной косичкой торчкомъ.

Кормятъ теперь Катишь не объѣдками съ людского прислугинаго стола, а какъ всѣхъ мастерицъ и дѣвочекъ, хоть не сытно, но своевременно, регулярно. И спитъ она не въ сѣняхъ, а въ крошечной комнаткѣ, подлѣ кухни, вмѣстѣ съ другими тремя дѣвочками.

Правда, мадамъ горяча на руку и щедра на пощечины, которыя разсыпаетъ вправо и влѣво хозяйской рукой, но кто-же не билъ Катьку за всю ея коротенькую жизнь?. Къ побоямъ она привыкла. Зато есть теплый уголъ и ѣда. Къ тому-же не одна она здѣсь. Ихъ четыре живетъ у мадамы. Четыре худенькія, блѣдныя запуганныя дѣвочки. Впрочемъ, запу-

ганы только твое, — Лиля чахоточная, Софи и она. Четвертая-же, Шурка, быстроглазое, ловкое и живое существо сумѣло остаться тою-же шаловливою и лукавою веселой дѣвочкой, какою поступила сюда.

Это любимица мадамы. Мишо любитъ Шурку за ея неунывающій характеръ, за веселыя пѣсенки, которыя она распѣваетъ, за румяныя, несмотря на скудное питаніе, щечки. Шуркѣ спускается многое, что не спустилось-бы другой.

Шурка въ первый-же день поступленія Катюшки взяла ее подъ свое покровительство. Ей сразу понравилась, бойкой Шуркѣ, тихая, безотвѣтная, робкая Катишь, какъ называла мадамъ Мишо новенькую, и Шурка удостоила ее своего расположенія и дружбы.

Зимнее студеное утро.

Черезъ два дня канунъ Рождества. Въ мастерской вотъ уже двѣ недѣли какъ спять только по четыре часа въ сутки.

У мастерцъ лица блѣдныя, истомленныя. Вѣки красныя, глаза поблескиваютъ нездоровымъ огнемъ. Старшая, Маргарита, то и дѣло покрикиваетъ на всѣхъ. Она раздражена отъ безсоницы и непосильной работы и срываетъ на ни въ чемъ неповинныхъ дѣвочкахъ свою злость.

— Чего глаза выпучила? Сидишь, сложа руки! Пуговицы пришивай. Я тебя разбужу, соня противная.

Звонкая пощечина оглашаетъ воздухъ. Отъ этой пощечины слипшіеся глаза задремавшей Катишь раскрываются мигомъ.

Мастерицы смѣются.

— Вотъ такъ разбудила! Ловко!

Катишь испугаоно хватается за пуговицы. Подлѣ нея тихо хихикаетъ Шура.

— Чего ты? - удивляется Катишь.

— Охота терпѣть тоже! Отъ маадмы терпишь и еще отъ выдры этой...

— Да што-жъ дѣлать-то?

— Просто скажи не: смѣйте драться. Я закащицамъ пожалуюсь.

— Ну?

Синіе глаза Катишь раскрываются еше шире.

— И утихнетъ будто?—шепчетъ она недовѣрчиво.

— Обязательно утихнетъ. Она закащицъ страхъ боится.

Опять шушуканье! Вотъ я васъ! Катишь,—безъ обѣда.

Внезапно, какъ изъ-подъ земли, выростаетъ передъ дѣвочками фигура самой мадамы.

Катишь мотнула на нее взглядомъ изъ подлобья. Въ синихъ глазахъ зажглись сердитые огоньки.

Проголодавшаяся дѣвочка уже съ часъ помышляла объ обѣдѣ и вдругъ...

И прежде, чѣмъ она успѣла сообразить, что дѣлаетъ, съ ея губъ сорвалось неожиданно и рѣзко:

— Ну да, не смѣйте безъ обѣда! Я заказчицамъ пожалуюсь.

Вмигъ въ мастерской воцарилась полная тишина. Мастерицы замерли отъ ужаса въ ожиданіи, что будетъ. Багровое лицо мадамы стало лиловымъ.

Что ты, несчастная! Что ты!—въ ужасѣ зашептала

въ ухо подруги Шурка,—нѣшто можно самой такъ-то. Я про выдру Маргаритку, а ты... экъ хватила!

Шурка хотѣла еще прибавить что-то, и не успѣла.

Разсвирѣпѣвшая мадамъ схватила Катишь за волосы и потащила ее изъ мастерской.

Мастерицы и дѣвочки переглянулись значительно. Въ тотъ-же мигъ звуки пощечинъ, удары и отчаянный визгъ наполнили домъ.

Когда Катишь вернулась въ мастерскую, ея щеки были красныя, какъ кумачъ, а вѣки вспухли отъ слезъ.

. . . . . .

Мятель и вѣтеръ кружили по улицамъ, какъ два злые духа. Было холодно, горѣли костры. Стоялъ сочельникъ. Съ большой черной картонкой въ рукахъ шла Катишь отъ одной изъ заказчицъ. Картонка была пуста. Платье уже принято, о чемъ свидѣтельствовалъ маленькій конвертъ съ деньгами, лежащій на днѣ кармана Катишь.

Катишь закоченѣвшими отъ стужи руками поминутно ощупываетъ конвертъ.

Мимо нея то и дѣло шмыгаютъ продавцы съ елками, дѣтскими игрушками, незатѣйливыми лакомствами. Магазины ярко освѣщены. Тамъ толпятся безчисленные покупатели. Не смотря на морозъ и вьюгу, лавки кишмя кишатъ ими.

Катишь торопится. Мадама обѣщала отпустить ее съ Шуркой въ церковь сегодня. Церковная служба въ сочельникъ напомнитъ ей деревню... Тамъ этотъ праздникъ тетка Авдотья строго чтила и не позволяла ей даже работать въ рождественскій вечеръ. Къ тому же

добрая заказчица дала Катишь новенькій двугривенный на чай и на этотъ двугривенный дѣвочка разсчитывала купить такъ много.

А кругомъ вылъ вѣтеръ, играла вьюга и старикашка-Морозъ все больше и больше окутывалъ землю, дома, постройки и деревья бульваровъ и скверовъ.

Стужа становилась все свирѣпѣе, все невыносимѣе съ каждой минутой. Чуть ли не бѣгомъ достигла Катишь подъѣзда дома, гдѣ находилась мастерская. Сразу теплотою и уютомъ пахнуло на дѣвочку. Веселые голоса мастерицъ доносились изъ рабочей комнаты, превращенной временно въ гостинную на дни рождественскихъ каникулъ. Быстроглазая Шурка, при помощи чахоточной Лизы и молчаливой Софи, украшали елку или, вѣрнѣе, обрубокъ елочнаго сучка, подобранный на улицѣ и вставленный въ бутылку.

Обрѣзки матеріи всѣхъ цвѣтовъ служили имъ вмѣсто украшеній.

И у всѣхъ были ласковыя радостныя лица.

Вышла „сама“.

И у нея лицо было просвѣтленное и доброе, какъ никогда.

— Отнесъ, Катишь, заказъ? — ласково спросила она дѣвочку.

— Отнесла, Лора Ивановна, — тихо отвѣтила та.

— Ну, хорошо. Ты корошь маленькій дѣвочка. Ошень быстрый. Давай деньги сюда.

— Сейчасъ.

Катишь полѣзла закоченѣвшей рукой въ карманъ за конвертомъ. Красные отъ стужи пальцы совсѣмъ

закоченѣли. Закоченѣли настолько, что она не могла долго нащупать кармана. А „сама“ стояла надъ ней съ протянутой рукой и торопила ее.

— Allons! Allons! Ти знаешь, что я не любиль ждать.

Оледеневшіе пальцы задвигались быстрѣе. Но конвертъ не попадался какъ на зло имъ. Тогда, камѣнѣя отъ ужаса, Катишь вывернула карманъ. Увы, конверта съ деньгами не было тамъ. Только большая дыра зіала на днѣ кармана.

Что-то непонятное произошло вслѣдъ за этимъ. Глаза Лоры Мишо округлились, какъ у птицы. Изъ ярко багроваго лицо сдѣлалось изсине-бѣлымъ.

— Où est mon argent? Гдѣ мои деньги?—завопила она, не помня себя, бросаясь къ Катишь.

Что было за этимъ, Катишь почти не помнитъ. Точно тяжелый кошмаръ надвинулся на нее, сжалъ ея виски, голову, сердце...

И только среди отчаянныхъ криковъ француженки, между десятками ударовъ, посыпавшихся на нее, Катишь увидѣла страшное сине-блѣдное лицо Мишо, приближавшееся къ ея лицу округленными отъ бѣшенства глазами. И задыхающійся голосъ прошипѣлъ ей въ ухо.

— На улица! Вонъ! Сей минута! И найти пакетъ съ деньгою. Тамъ билъ сто рубль. Cent roubles, misèrable! Cent roubles! Va!

Кто то изо всей силы схватилъ Катишь за плечи и вытолкалъ изъ мастерской.

Потомъ пахнуло ей въ лицо снова стужей и вѣт-

ромъ и снова послышался грозный окликъ за ея плечами.

— Безъ конверта не смѣть назадъ, дрянный дѣвченка! И найти его во что бы то ни стало!

И все затѣмъ стихло.

Только вьюга пѣла, да рыдалъ вѣтеръ, да маленькая фигурка, коченѣя отъ холода, побрѣла по улицѣ, вся дрожа съ головы до ногъ, поминутно наклоняясь къ землѣ, занесенной снѣгомъ, въ надеждѣ разыскать злополучный конвертъ.

IV.

Графиня Сорская сидѣла одна въ своей роскошной гостинной. Въ своемъ длинномъ черномъ траурномъ платьѣ съ золотистою головкой и печальнымъ лицомъ, она казалась очень красивой. Посреди комнаты стояла елка, пышно разубранная, нарядная и красивая, съ массою дорогихъ вещицъ, пряниковъ и сластей. Графиня медлила зажигать свѣчи. Ея кроткіе сѣрые глаза были устремлены на поясной портретъ дѣвочки, висѣвшій передъ нею на стѣнѣ.

Дѣвочка была очень хороша собою, съ ея бѣлокурой головкой и голубыми глазками.

И взоръ графини не могъ оторваться отъ портрета.

— Дорогая моя, Катринъ, — безвучно шептали ея губы,—милая моя дѣточка! Чувствуешь ли ты, какъ думаетъ о тебѣ твоя мама? Для тебя эта елка, моя катринъ для тебя, моя милая, ненаглядная дочурка. Ровно годъ тому назадъ, въ этотъ самый день, Богу

угодно было взять тебя къ себѣ, мой ангелъ. И до сихъ поръ, дѣтка, сердце мое полно горечи потери... Катринъ моя, драгоцѣнная моя дѣвчурочка, прошу тебя объ одномъ. Умоли Бога, дѣточка, взять меня поскорѣе къ Себѣ, чтобы соединиться съ тобою. Лучшимъ подаркомъ было бы это для меня. Катринъ! Катринъ! Малютка моя! Въ память тебя, моей драгоцѣнной, зажгу я Рождественское деревцо и, дастъ Богъ, въ послѣдній разъ. Возьми меня къ себѣ, моя крошка! Возьми. Возьми! Поскорѣе.

Графиня зарыдала.

Ей такъ живо представилась ея одиннадцатилѣтняя покойная Катринъ, унесенная ровно годъ тому назадъ злѣйшимъ дифтеритомъ, что сердце матери не выдержало. Она упала головой на подушку дивана и глухіе стоны рвались, помимо ея воли изъ груди несчастной. За этими стонами, за этими слезами она не слышала глухой возни за стѣною, чьихъ-то подавленныхъ восклицаній и сдержаннаго говора нѣсколькихъ голосовъ.

Она очнулась только тогда, когда горничная Феня, широко распахнувъ дверь гостинной, произнесла негромко:

— Ваше сіятельство! Происшествіе у насъ.

Графиня очнулась не сразу, какъ человѣкъ, грубо оторванный отъ болѣзненной, мучительной, но всеже сладкой грезы.

Наскоро вытеревъ слезы, она спросила:

— Что такое случилось?

— Не пугайтесь, ваше сіятельство... Замерзла дѣ-

вочка у насъ на крыльцѣ... Поваръ за чѣмъ то въ лавку ходилъ и увидѣлъ у насъ на ступенькахъ сидитъ скорчившись сердешная. А ужъ надъ ней цѣлый сугробъ намело.

Графиня Сорская вздрогнула.

— Гдѣ же она?

— Не погнѣвайтесь, ваше сіятельство... Мы ее къ себѣ взяли. Не пропадать же такъ душѣ христіанской. Въ людскую снесли. Оттерли снѣгомъ, коньяку дали. Отошла бѣдняжка... А какая хорошенькая!... Смотрѣть—слеза прошибаетъ.

— Бѣдняжка! Накормите ее. Да вотъ еще... Отъ покойной графинюшки платьице на нее надѣньте потеплѣе... Да накормите получше,—приказала графиня.

— Благодаримъ покорно... Ужъ мы и то надъ ней цѣлый часъ бились. Отошла, слава Богу. Разговаривать стала. Да чудная такая! Все о какихъ то деньгахъ толкуетъ, да о мадамѣ какой то. Боится, что прибьетъ ее мадама, за то, что деньги потеряла. Рвется куда-то. Да мы не пустимъ. Пусть хоть отойдетъ немножко. Можетъ дозволите ей ночку переспать у насъ, ваше сіятельство.

— Ну, разумѣется. И ты еще спрашиваешь, Феня! — заволновалась графиня.—Непремѣнно оставьте у насъ, пока не оправится совсѣмъ.

— Кто знаетъ! Можетъ быть моя Катринъ посылаетъ сюда эту дѣвочку, нуждающуюся въ моей помощи, — вихремъ пронеслось въ мысляхъ графини, и она бросила быстрый взглядъ на портретъ. Былъ ли то обманъ зрѣнія, или нѣтъ, но сердцу матери почу-

Катька.

дилось, что покойная дочь улыбнулась ей съ портрета.

Тогда, руководимая какой-то посторонней силой, графиня добавила:

— И еще, Феня... Зажгите елку... Когда дѣвочка оправится и вы пріодѣнете ее, накормите, впустите ко мнѣ бѣдняжку. Пусть полюбуется праздничнымъ деревцомъ.

— Слушаюсь, ваше сіятельство.

И съ быстротою молніи горничная принялась зажигать роскошно убранную ель.

Графиня Сорская снова погрузилась въ свои печальные мечты.

Снова послушныя воспоминанія вызвали въ ея памяти образъ дочери, единственной и любимой, которую такъ безжалостно вырвала у нея смерть. Живо припомнились нѣжныя ласки дѣвочки, ея милый голосокъ, ея бѣлокурая головка.

Погруженная въ свои мысли, она не замѣтила, какъ сотнями огней загорѣлась роскошная елка, какъ исчезла горничная Феня изъ комнаты и она снова очутилась одна.

Легкій шорохъ привлекъ ея вниманіе. Казалось, кто-то невидимый приблизился къ графинѣ и поднялъ ея голову.

Она съ трудомъ оторвалась отъ мучительно сладкой грезы, широко раскрыла глаза и... дико вскрикнула:

— Катринъ!

Передъ нею стояла ея Катринъ, или, вѣрнѣе, какъ

двѣ капли воды похожая на нее дѣвочка. Такая же тоненькая, бѣлокурая, синеглазая, какъ умершая графинюшка, одного возраста съ нею.

Платьице покойной и распущенные заботливой рукой Фени по плечамъ волосы дополняли сходство.

Не помня себя, вскочила съ дивана графиня, метнулась къ дѣвочкѣ и, схвативъ ее за руки, простонала, чуть живая отъ волненія.

— Катринъ! моя Катринъ! Какъ тебя зовутъ, дѣвочка?

— Катя, — чуть слышно отвѣчалъ взволнованный голосокъ.

— Катя, Катринъ, Катя!—лепетала графиня, смѣясь и плача и покрывая поцѣлуями испуганное личико Катишь. — Тебя дочка моя прислала. Покойная Катринъ тебя прислала мнѣ въ утѣшеніе, дѣточка. Милая моя. Какое сходство. Какое сходство! — рыдала молодая женщина.

— Точно сходство большое, ваше сіятельство, — подтвердила подоспѣвшая Феня, — точь-въ-точь наша графинюшка. Мы и то надивиться не могли.

Но графиня не слушала ее. Графиня, обнявъ Катишь, усадила ее на диванъ и нѣжнымъ, ласковымъ, глубоко взволнованнымъ голосомъ, разспрашивала объ ея жизни, о томъ, какъ она попала на улицу въ такую стужу. Ободренная лаской, Катишь разсказала все, и про мадаму, и про утерянныя деньги, и какъ она чуть не замерзла, отыскивая ихъ. И слушая незамысловатый разсказъ бѣдной труженицы-сиротки,

графиня убѣждалась все больше и больше, что сама покойная посылаетъ ей эту дѣвочку на утѣшеніе и радости въ роковой день своей смерти.

Когда Катишь закончила свой разсказъ, въ душѣ графини уже созрѣло рѣшеніе.

— Ты никуда не пойдешь, дѣвочка, — нѣжно, лаская и цѣлуя сиротку, произнесла она, — ты останешься у меня и будешь моей второй дочерью. Второй Катринъ. Хочешь ты остаться всю жизнь со мною?

Катишь взглянула на добрую, ласковую барыню, на ея чудное, кроткое лицо, и вдругъ, повинуясь непреодолимому влеченію, закинула ей руки за плечи и крѣпко обняла ее.

Кротость и ласка подкупили изстрадавшееся сердечко бѣдной сиротки.

Двѣ слезинки выкатились изъ ласковыхъ глазъ графини.

— Моя милая, милая Катринъ, — произнесла она чуть слышно и нѣжно поцѣловала дѣвочку. — Теперь я должна жить, должна жить для тебя, моя крошка!

А со стѣны глядѣло на обѣихъ, улыбаясь, точно радуясь, красивое тонкое личико маленькой графини...

Конецъ.

Катринъ, Катишь, Катюшка и Катька.

(Исторія одной Кати).

I.

Шляпница, M-elle Эрнестинъ, прикинула что то легкое, розовое и прозрачное на бѣлокурую, всю въ пышныхъ локонахъ, головку Катринъ.

— Теперь вы выглядите прелесно, графиня, своимъ чуть картавымъ голосомъ произнесла обрусѣвшая швейцарка, ласково и нѣжно улыбаясь дѣвочкѣ.

Дѣйствительно, Катринъ казалась прелестной. Высокая, тоненькая, нарядная блондинка, съ розовыми щечками и безподобными синими, синими, какъ морская волна, глазами, она скорѣе походила на граціозную фею, слетѣвшую сюда, въ это пестрое царство, разноцвѣтной соломки, перьевъ, тюля и лентъ, нежели на обыкновенную четырнадцатилѣтнюю барышню-подростка. Катринъ не безъ удовольствія повернулась передъ огромнымъ трюмо въ золоченой рамѣ, подняла руки, стянутыя душистой лайкой и осторожно поправила на шляпѣ пышное, прихотливо завитое, дорогое перо. И разомъ то легкое, розовое и прозрачное, что покоилось на бѣлокурой головкѣ Катринъ, казалось, стало легче, розовѣй и прозрачнѣй... Шляпа приняла новую форму, красоту и еще болѣе изысканный видъ

— Да вы настоящая волшебница, дорогая графиня! Смотрите, сколько вкуса у васъ!—Вы насъ всѣхъ за

Катька, Катюшка, Катишь и Катринъ.

поясъ заткнете, увѣряю васъ, графиня!—восторженно вскричала M-elle Эрнестинъ съ явнымъ восхищеніемъ любуясь дѣвочкой.

— Ну, вотъ и отлично,—засмѣялась та,—когда мы съ maman обѣднѣемъ, вы и возьмете меня къ себѣ въ мастерскую... Неправда-ли, милая M-elle Эрнестинъ?

Швейцарка-модистка расхохоталась отъ души веселой шуткѣ Катринъ. Разсмѣялись и двѣ ея помощницы: смугленькая евреечка Сара и бѣлокурая нѣмка Эва, засмѣялись и четыре дѣвочки, служившія для посылокъ, въ большой, модной шляпочной мастерской M-elle Эрнестинъ.

— О, вамъ не придется, дастъ Богъ, испытать это, дорогая графинюшка,—ласково проговорила M-elle Эрнестинъ,—ваша maman такъ богата... такъ богата, И добра, о, какъ добра ваша прелестная maman¡

Катринъ покраснѣла отъ удовольствія... Ей было пріятно слышать похвалы матери, которую она очень любила.

Потомъ, то розовое, легкое и прозрачное, какъ мечта, что покоилось на ея кудряхъ, сняли съ головы Катринъ и, уложивъ въ бѣлую картонку, вручили стоявшему у дверей моднаго магазина выѣзднoму.

— Всего лучшаго, графиня! Заѣзжайте къ намъ почаще,—кивая головою Катринъ, произнесла хозяйка мастерской.

— До свиданія, дорогая M-elle—и Катринъ, прелестная и нарядная, какъ бабочка, выпорхнула на подъѣздъ въ сопровожденіи лакея съ картонкой.

У подъѣзда стояла красивая карета на резиновыхъ

шинахъ, съ англичаниномъ-кучеромъ на козлахъ, Катринъ птичкой впорхнула въ купэ, лакей помѣстился рядомъ съ грумомъ и, нарядный какъ игрушка, изящный экипажъ покатился по торцовой мостовой шумнаго города.

Весело было на душѣ Катринъ. Она поминутно высовывалась изъ окна, любуясь встрѣчными роскошными магазинами, огромными домами зеркальными стеклами и веселою, какъ на праздникъ, куда то стремившеюся толпою.

И прохожіе, казалось, невольно любовались нарядной и хорошенькой, какъ куколка, дѣвочкой выглядывавшей съ выраженіемъ самаго живого любопытства изъ окна экипажа.

Но вотъ, миновавъ нѣсколько самыхъ модныхъ улицъ, карета повернула на площадь и остановилась у богатаго, съ зеркальными окнами, небольшого особняка. Въ тотъ же мигъ выбѣжалъ на улицу изъ подъѣзда швейцаръ и кинулся со всѣхъ ногъ открывать дверцы кареты.

— Слава Богу, барышня! А мы думали не дождемся!

Его необычайно взволнованное лицо и срывающійся голосъ заставили задрожать Катринъ съ головы до ногъ.

— Что такое, Петръ, что нибудь съ maman?—проронила она чуть слышно, и смертельная блѣдность разлилась по ея лицу, такому веселому и оживленному до этой минуты.

— Ихъ сіятельство... Не извольте... безпокоиться...

плохо себя почувствовали... ихъ сіятельство... Пожалуйте къ нимъ... безпорядочно роняли поблѣднѣвшія губы швейцара.

— Maman плохо! Боже мой! — И быстро, быстро, какъ только могла, Катринъ бросилась въ прихожую, оттуда въ пріемную и, наконецъ, въ спальню графини, не слыша и не понимая, что кричалъ ей снѣшившій за нею лакей. На порогѣ будуара, смежнымъ съ комнатой, гдѣ спала графиня, Катринъ остановилась, приложила руку къ сильно-бившемуся сердцу, съ трудомъ перевела учащенное дыханіе и, собравъ разомъ покинувшія ее было силы, вошла.

Въ спальнѣ графини царилъ полумракъ. Лампа подъ зеленымъ абажуромъ была отставлена подальше на столъ, съ тѣмъ расчетомъ, очевидно, чтобы свѣтъ электричества, хотя и смягченный зеленою тафтою, не помѣшалъ больной. У широкой кровати стоялъ докторъ—домашній врачъ графини Сорской, и ея любимая горничная Феня.

Сама графиня лежала на постели, какъ то странно вытянувшись, съ лицомъ, обращеннымъ къ двери и съ широко раскрытыми глазами.

Былъ-ли зеленый цвѣтъ абажура или неясныя тѣни тому виною, но вбѣжавшей въ комнату Катринъ показались странными, почти землянистыми и вытянувшимися, какъ у трудно больной, черты графини.

Что-то больно ударило ее въ сердце.

Рыданье подступало къ горлу...

— Что съ maman? Что? Скажите, ради Бога, док-

торъ,— кинулась она, вся дрожа отъ какого-то неяснаго предчувствія, къ врачу.

Тотъ печально взглянулъ въ лицо дѣвочки, положилъ свою большую руку на плечо Катринъ и произнесъ тихо, тихо, чуть слышно:

— Бѣдное дитя! Бѣдная милютка! Если-бы вы пріѣхали двумя минутами раньше! — И отвернулся отъ Катринъ смахнуть непрошенную слезу. Истинктомъ Катринъ поняла страшную истину.

— Maman! Maman!—вскричала она дикимъ голосомъ и упала головой на грудь графини. И въ тотъ-же мигъ отскочила назадъ, увидя устремленный на себя, успѣвшій уже застеклянѣть, широко-раскрытый неживой взглядъ графини.

Громкое рыданіе вырвалось изъ груди Катринъ.,. Она не сомнѣвалась больше въ ужасной истинѣ. .

Графиня Сорская была мертва.

II.

Тяжелые дни потянулись въ жизни Катринъ.

Въ ея бѣлокурые волосы вплели траурныя ленточки, нашили бѣлые плерезы на черное суконное платье, завѣсили зеркала и трюмо въ гостинной, и сѣрая фея печали воцарилась въ графскомъ особнякѣ на большой площади.

Ровно въ 11 ч. утра и въ 8 вечера приходило духовенство и пѣвчіе изъ сосѣдняго собора, служили панихиды у тѣла графини и снова поднимался тотъ сердце и душу надрывающій плачъ, который раздается неизбѣжно въ тѣхъ домахъ, гдѣ находится покойникъ.

Умершая графиня лежала нарядная, красивая и величавая въ своемъ металлическомъ гробу, вся усыпанная цвѣтами, съ улыбкой покоя на плотно сомкнутыхъ мертвыхъ устахъ.

Прошли положенные дни панихидъ и приготовленій, раннимъ весеннимъ утромъ подняли съ обитаго глазетомъ катафалка гробъ графини и подъ пѣніе молитвъ вынесли изъ квартиры на улицу, гдѣ уже ожидала его траурная колесница подъ высокимъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ графской короной. Двинулась колесница, запѣли пѣвчіе и толпа провожавшихъ медленно поплелась за мѣрно покачивающимся впереди нея катафалкомъ. За ними потянулись кареты... Кареты, кареты, безъ конца...

Катринъ шла за гробомъ графини. Блѣдная, заплаканная, съ покраснѣвшими отъ слезъ вѣками, она казалась воплощеніемъ отчаянія и тоски... Самое близкое, самое дорогое для нея существо лежало тамъ, подъ мѣрно покачивающимся парчевымъ катафалкомъ.

А между тѣмъ графиня была даже не родственницею Катринъ. Еще четыре года тому назадъ Катринъ не знала даже о существованіи той, которая явилась пріемною матерью и благодѣтельницею дѣвочки.

Да и самой Катринъ еще не существовало года четыре тому назадъ. Вмѣсто Катринъ жила въ деревнѣ, въ избушкѣ тетки Авдотьи, сиротка, дѣвочка Катька. Тетка Авдотья пріютила у себя сироту Катьку послѣ смерти ея родителей, надѣясь сдѣлать ее своей помощницей и работницей, но вышло иначе... Тетка

Авдотья ходила по стиркамъ на господскія дачи, а дѣвочко Катька бродила безцѣльно вокругъ деревни и сосѣднихъ домовъ-дачекъ, и смотрѣла на нарядныхъ играющихъ дачниковъ дѣтей, любуясь ими.

Странную шутку сыграла судьба съ Катькой. Тетка Авдотья не злая, но раздражительная отъ непосильныхъ трудовъ женщина, поймала какъ-то на мѣстѣ преступленія дѣвочку, въ то время, какъ она, забывъ о возложенныхъ на нее обязанностяхъ, глазѣла на игры сосѣдскихъ дачниковъ-дѣтей.

Тетка Авдотья жестоко побила тогда Катьку.

Дачники же вступились за дѣвочку и тутъ же уговорили прачку отдать имъ въ услуженіе хорошенькую голубоглазую Катьку. Задумано—сдѣлано. Переѣхала Катька съ господами въ городъ, жила на посылкахъ, гоняли ее всюду за покупками, заставляли убирать весь домъ и въ концѣ концовъ, разсердившись за какую-то разбитую вещицу ея неловкими рученками, прогнали ее отъ себя.

Француженка-портниха, M-me Мишо, взяла къ себѣ Катьку и начала обучать ее кройкѣ и шитью. Но, очевидно, судьба преслѣдовала дѣвочку. Какъ-то разъ послала Мишо Катьку за деньгами къ заказчицѣ. Была вьюга, мятель, холодъ и Катька, продрогшая до костей, не донесла денегъ по назначенію, врученныхъ ей для „мадамы“. Потеряла мадамины деньги Катька. Мадама кричала, бранилась и, въ концѣ концовъ, вытолкнула на улицу, въ вьюгу и стужу злосчастную дѣвочку.

Бродила, бродила по улицамъ Катька, сбилась съ

ногъ, и присѣла, полузамершая, на чьемъ то подъѣздѣ. Присѣла, забылась и стала замерзать... И опять сыграла одну изъ своихъ неожиданныхъ проказъ судьба надъ маленькой Катькой...

Дѣвочка очнулась, но не на стужѣ и не на холодѣ, а въ теплой, уютной комнатѣ, куда ее, чуть живую, принесли добрые люди.

И тутъ-то и началась лучезарная сказка. Лучшая страничка жизни недавней деревенской дѣвочки-босоножки.

Графиня Сорская, у которой незадолго передъ тѣмъ умерла дочь, пріютила Катьку у себя въ домѣ. Она окружила ее роскошью и богатствомъ, гувернантками и учителями, рядила, какъ куколку, баловала напропалую.

Розовая сказка все развертывалась шире и шире передъ недавнею Катькой, вѣрнѣе теперь уже передъ названною молоденькою графиней Катринъ. Какъ вдругъ... Сердечный припадокъ... Разрывъ сердца и... вотъ въ одинъ несчастный день графини не стало... Она умерла такъ неожиданно и быстро, что не успѣла даже сдѣлать завѣщанія въ пользу Катринъ.

Печально шла за гробомъ бѣдная, худенькая Катринъ и, вслушиваясь въ заунывное пѣніе пѣвчихъ, думала о томъ, что она теперь одна, совсѣмъ одна одинешенька въ цѣломъ огромномъ мірѣ.

III.

— Ваше сіятельство, что разсѣлись, сложивши ручки?.. Сколько не сидите, ничего путнаго не приду-

маете, все равно. Слышите, что графскіе родственнички то о васъ говорятъ, что совсѣмъ, будто, не при мѣстѣ здѣсь ваше сіятельство! Шипитъ насмѣшливый голосъ надъ самымъ ухомъ задумавшейся Катринъ. Дѣвочка вскакиваетъ, вся дрожа съ головы до ногъ. Ея синіе глазки испуганно подымаются на говорившую. Передъ ней бывшая компаньонка покойной графини, Марія Антоновна или Мими, какъ называла покойная это худое, язвительное, маленькое существо, исполненное зависти и ненависти, ко всему міру.

Мими всегда ненавидѣла Катринъ и втихомолку отъ графини, ихъ общей благодѣтельницы, неразъ нападала на нее.

— Что вы, Марья Антоновна, нашу графинюшку то обижаете, часто вступалась за кроткую Катринъ, всей душой расположенная къ ней, горничная Феня.

— Какая она графинюшка,—фыркала Мими и презрительно оттопыривала свои тонкія, злыя губы,—подобрали мужичку-нищенку на улицѣ, нарядили ее въ шелкъ да бархатъ и думаютъ, что графиней сдѣлали. А она такою же, какъ была, деревенщиной и осталась,—злорадно заключала Мими.

Феня не могла слышать этихъ нападокъ и вступалась горячо за милую, тихую, всегда вѣжливую съ прислугой графскую воспитанницу. Этимъ она возбуждала еще больше ненависть и злобу въ ненасытной Мими.

Послѣдняя неспроста не взлюбила Катринъ. Жестокая, льстивая, хитрая и завистливая она не могла

примириться съ мыслью, съ тѣмъ что подлѣ графини Сорской была теперь эта хорошенькая, кроткая синеглазая дѣвочка, которая «украла» и любовь и ласку графини, у нея, Мими...

И теперь, когда покойница графиня лежала подъ фамильнымъ памятникомъ, въ мраморномъ склепѣ графовъ Сорскихъ, Мими не могла упустить случая, чтобы не посмѣяться жестоко и зло надъ ненавистной ей Катринъ.

Какъ темный духъ злобы и мщенія появилась она передъ удрученной горемъ Катринъ и язвительно зашипѣла ей въ уши:

— Какъ же, какъ же, ваше сіятельство, вспомнили и о васъ графскіе родственники и приказали вамъ черезъ меня убраться отсюда по-добру по-здорову.

— Какъ убираться?—не поняла Катринъ.

— А очень просто, миленькая вы моя,—съ Богомъ по-морозцу... – жестоко разсмѣялась Мими.—Ну, да что съ вами попусту время терять,—неожиданно грубо перемѣнила она тонъ, глядя на испуганную и изумленную дѣвочку своими маленькими злыми глазками.—Собирайся сейчасъ же и маршъ! Вонъ отсюда! Вотъ и твой паспортъ!

Блѣдное и безъ того лицо Мими стало еще блѣднѣе. Черты ея исказились отъ злобы.

О, съ какимъ бы наслажденіемъ она схватила за плечи эту ненавистную ей дѣвченку и вытолкала-бы ее за дверь! Но появилась Феня и помѣшала сдѣлать это. Съ плачемъ обняла она ничего не понимавшую,

испуганную Катринъ и зашептала, обливая слезами ея руки и платье:

— Золотая вы моя, родненькая! Звѣри это... Ахъ, звѣри! А пуще всѣхъ Мимиша эта... Сущая вѣдьма она... Вѣдь такого наговорила про васъ родственникамъ графини, что вы будто и злая-то, и капризная и графиню до смерти своимъ характеромъ довели... Не хотятъ они васъ оставить при себѣ, бѣдняжечка вы моя... Велятъ изъ дому выѣзжать... Все изъ за вѣдьмы этой... Да вы не горюйте, золотенькая вы моя барышня, я вамъ адресокъ дамъ... Знакомые у меня здѣсь есть, такъ у нихъ покуда что... побудете... Вотъ и адресокъ, спрячьте, бѣдняжечка.—И плача, и цѣлуя дѣвочку, Феня совала ей въ руку бумажку съ адресомъ и конвертъ съ письмомъ, и какія-то деньги, какія и откуда не могла понять и уяснить себѣ, окончательно потерявшаяся и разстроенная Катринъ.

Точно во снѣ, въ тяжеломъ кошмарномъ снѣ, находилась она, пока одѣвала ее Феня, пока провожала на подъѣздъ.

Очнулась Катринъ только на улицѣ, на той самой улицѣ, по которой ѣздила только въ экипажахъ или гуляла въ сопровожденіи графини, гувернантки или Мими.

Теперь же одинокая, всѣми покинутая дѣвочка очнулась одна одинешенька среди чуждой ей, непривычной обстановки.

Первою ея мыслью было уйти, какъ можно скорѣе уйти отъ того дома, откуда ее выгнали теперь, благодаря злымъ наговорамъ завистливой и ненавидящей ее Мими.

Уйти...

Правда, Феня говорила ей что-то, дала ей какой-то адресъ, деньги, но все это Катринъ выронила изъ рукъ, гдѣ—она не помнила сама... не знала...

Что-же дѣлать теперь?.. Да, что дѣлать?—впервые ударилась въ голову Катринъ жуткая безпокойная мысль.

Передъ нею, какъ въ калейдоскопѣ, промелькнули событія... Три послѣдніе года ея у графини... Ласки доброй благодѣтельницы, придирки Мими и то страшное, непоправимое, что обрушилось съ такою всесокрушающею силой на ея бѣлокурую головку...

Что ей дѣлать? Куда идти? Вѣдь ее выгнали, выгнали безповоротно изъ графскаго дома по наговору Мими, выгнали безжалостные наслѣдники графини. Катринъ хотѣлось вскрикнуть, заплакать, упасть на землю и биться въ отчаяніи о каменныя плиты тротуара. Но вдругъ внезапная мысль быстрой зарницей прорѣзала ея помутившуюся отъ отчаянія голову.

Она будетъ работать... Трудиться... и не все еще потеряно, не все! Да, да трудиться! Вѣдь она не маленькая, Катринъ... Ей четырнадцать лѣтъ.

Къ M-elle Эрнестинъ! Вотъ куда она пойдетъ!

Вотъ, гдѣ выходъ, гдѣ спасенье!

Катринъ оживилась. На блѣдныхъ щекахъ заиграли пятна румянца. Глаза блеснули. Она почувствовала, что въ трудѣ и работѣ ей легче будетъ перенести утрату ея благодѣтельницы, графини.

Отъ дома Сорской до моднаго магазина M-elle Эрнестинъ было неособенно далеко. Катринъ знала хорошо

дорогу. Сколько разъ она пріѣзжала сюда въ хорошенькой кареткѣ-купе. Сколько шляпокъ приходилось ей заказывать, по желанію ея благодѣтельницы, въ этомъ магазинѣ.

Черезъ полъ-часа ходьбы Катринъ уже стояла передъ дверью подъѣзда модной мастерской.

— M-elle Эрнестинъ!

— Графиня!

Швейцарка-модистка выпучила на Катринъ свои изумленные глаза. На рѣсницахъ Катринъ блестѣли слезинки.

Добрая отъ природы M-elle Эрнестинъ разомъ поняла душевное настроеніе дѣвочки. Она была на похоронахъ графини, видѣла презрительное отношеніе богатыхъ наслѣдниковъ къ графскому пріемышу и жалѣла теперь бѣдную дѣвочку отъ души. Но M-elle Эрнестинъ еще не знала всего того, что случилось съ Катринъ.

И поэтому, когда дѣвочка съ рыданіемъ проговорила, захлебываясь слезами:

— О, M-elle Эрнестинъ, добрая, хорошая M-elle, возьмите меня къ себѣ,—у швейцарки глаза округлились отъ неожиданности и изумленія.

Катринъ, не переставая плакать, повѣдала ей свое горе...

— И это люди! Это люди! возмущенная и взволнованная вскричала она въ то время, какъ слезы жалости брызнули у нее изъ глазъ. Мое бѣдное дитя! Успокойтесь! Я охотно оставляю васъ у себя и научу нашему искусству!

И она нѣжно обняла и поцѣловала вздрагивающую отъ слезъ Катринъ.

IV.

— Удостойте насъ взглядомъ, прелестная графиня!

— Подарите вашей очаровательной улыбкой насъ грѣшныхъ!

— Или всѣ графини такія немилостивыя, какъ вы? Также горды, надменны со всѣми! Какая васъ муха укусила, ваше сіятельство, осмѣливаюсь спросить?

— Брось ее, Эва, ихъ сіятельство съ лѣвой ноги изволили подняться сегодня!

— Графиня не въ духѣ! Но надо развлечь въ такомъ случаѣ ихъ сіятельство! Скорѣе, Сара, прикажи кучеру закладывать лошадей. Ихъ сіятельство разсѣется на воздухѣ отъ дурного расположенія духа.

Дѣвушка хохотала. Хохотала смугленькая Сара, хохотала бѣлокурая Эвочка. Слѣдомъ за мастерицами хихикали и дѣвочки! Маня, Лилюша, Ольга и Лена... Катринъ, служившая мишенью всѣхъ этихъ насмѣшекъ, сидѣла, какъ на иголкахъ, едва удерживаясь отъ слезъ. Ея щеки пылали. Игла, которою она прикрѣпляла какой то фантастическій бантъ къ шляпѣ изъ голубой соломки, такъ и плясала въ ея, трепещущихъ отъ волненія, пальцахъ.

И такъ случалось ежедневно, лишь только M-elle Эрнестинъ, уѣзжая за покупками, отлучалась изъ мастерской.

Обычно травлю начинала Эвочка. Это была очень хорошенькая дѣвушка съ бѣлыми, какъ у принцессы,

руками. Отецъ Эвочки когда-то долженъ былъ получить большое наслѣдство и вся семья жила надеждою жить „по-княжески“, мечтая имѣть собственный домъ, лошадей наряды. Но наслѣдство досталось кому-то другому и Эвочкѣ, твердо надѣявшейся на роскошную полную довольства жизнь, пришлось занять скромное мѣсто модистки въ шляпной мастерской M-elle Эрнестинъ. Эвочка считала себя крайне обиженной судьбою. Еще бы! Ей, такой хорошенькой и нѣжной, съ такими бѣлыми настоящими княжескими ручками приходилось гнуть спину надъ скучной безотрадной работой. Она даже не имѣла представленія о томъ, что пережила Катринъ, эта недавняя „графиня“, на которую разомъ обрушила все свое разочарованіе и озлобленіе на судьбу—хорошенькая Эвочка. Глухая зависть ѣла молодую дѣвушку. Зависть къ недавнему прошлому Катринъ, зависть къ былой роскошной жизни послѣдней, къ нарядамъ и экипажамъ, которыми пользовалась хоть и недолго бѣдная, маленькая Катринъ.

Эвочка видѣла къ тому же, какъ добро и ласково относится M-elle Эрнестинъ, хозяйка, къ Катринъ и еще болѣе ненавидѣла за это послѣднюю.

Не было дня, чтобы Эвочка не пилила и не мучила своими насмѣшками „развѣнчанную графиню“, какъ она называла Катринъ. Смѣялись надъ нею и остальныя, больше изъ желанія угодить Эвочкѣ, злого язычка которой сильно побаивалась въ мастерской. Сегодня Эвочка была злѣе, чѣмъ когда либо, и буквально допекала Катринъ своими насмѣшками.

Худенькая, еще болѣе поблѣднѣвшая со дня своего пребыванія въ мастерской, Катринъ еле-еле сдерживала слезы. Она крѣпилась изо всѣхъ силъ, чтобы не разрыдаться во весь голосъ.

Но вотъ дрогнулъ колокольчикъ у входной двери... Вздрогнула съ нимъ вмѣстѣ и Катринъ.

Слава Богу, возвращалась хозяйка въ мастерскую и насмѣшки Эвы должны были прекратиться волей неволей до... завтра, по крайней мѣрѣ.

M-elle Эрнестинъ вошла радостная, сіяющая, внося съ собою свѣжую струю воздуха.

Ея лицо улыбалось еще издали Катринъ. Молча приблизилась она къ склоненной надъ работой дѣвочкѣ, молча взяла у нее голубую соломку съ фантастическимъ бантомъ изъ рукъ и нѣсколько минутъ сосредоточенно и внимательно разглядывала работу:

— Прелесно, дитя мое, у васъ большія способности и много вкуса! Trés chic! произнесла она, ласковымъ взглядомъ одобряя унылую, грустную Катринъ.

Потомъ обратилась ко всѣмъ остальнымъ дѣвочкамъ и мастерицамъ.

— Берите примѣръ съ Катишь, Mesdemoiselles. Она работаетъ только третій мѣсяцъ, а между тѣмъ все, что выходитъ изъ подъ ея руки, полно изящества и вкуса!

— Гдѣ ужъ намъ тянуться съ ихъ сіятельствомъ графиней!—Сердито буркнула Эвочка изъ своего угла.

— Стыдитесь, Эва,—строго остановила M-elle Эрнестинъ молодую дѣвушку.—Ужъ вамъ то—взрослой дѣвицѣ—стыдно обижать маленькую сироту.

— Хороша сирота...—снова проворчала та.

— Молчите! Лучше займитесь вашей работой повнимательнѣе, а то послѣднее время вы стали очень небрежно относиться къ дѣлу—сурово оборвала молоденькую мастерицу M-elle Эрнестинъ и, позвавъ Катринъ, долго и тихо разговаривала о чемъ-то съ дѣвочкой.

V.

Произошло нѣчто неожиданное со времени существованія мастерской M-elle Эрнестинъ. Ровно черезъ три мѣсяца по поступленіи туда „дѣвочкой-работницей", Катишь, какъ ее называла теперь хозяйка, сдѣлали мастерицей!

Пятнадцатилѣтняя мастерица!

Неслыханное дѣло до сихъ поръ въ трудномъ дѣлѣ моднаго искусства!

Но у маленькой Катишь были большія способности и M-elle Эрнестинъ не могла нахвалиться на свою юную мастерицу. Но въ модной мастерской не раздѣляли этой симпатіи къ „развѣнчанной графинѣ", казалось, другія. И смуглая Сара, и четыре насмѣшливо хихикающія дѣвочки-помощницы, и бѣлокурая Эвочка (особенно Эвочка) теперь уже окончательно не давали покоя новой мастерицѣ. Насмѣшками, язвительными фразами досаждали онѣ Катишь.

Эвочка превратилась въ настоящую злючку. Катишь съ ужасомъ думала о томъ, что ей придется еще долгіе годы переносить эту муку, прежде чѣмъ

она найдетъ возможность самостоятельно зарабатывать свой хлѣбъ.

Если бы Катишь пожаловалась хозяйкѣ, послѣдняя удалила-бы, по всей вѣроятности, Эвочку изъ мастерской, но Катишь была кротка и терпѣлива, какъ овечка, предпочитая скорѣе выносить весь этотъ градъ насмѣшекъ, нежели принести вредъ даже самому злѣйшему врагу.

— Почему вы такъ грустны, Катишь? не разъ обращалась къ дѣвочкѣ съ заботливымъ вопросомъ хозяйка.

— Вспомнила покойную maman — графиню, отвѣчала грустнымъ голосомъ дѣвочка въ то время, какъ остальныя мастерицы и ихъ помощницы фыркали у стола.

— Вспомнила покойную maman графинюшка наша,— дѣлая невѣроятную гримасу, передразнивала Катишь Эвочка и всѣ шестеро умирали отъ хохота, избѣгая, впрочемъ, попасться на глаза строгому взору M-elle Эрнестинъ.

VI.

Эвочка не ограничилась однѣми насмѣшками. Завистливая и злая она не могла простить первенства Катишь въ мастерской.

— Ладно-же, удружу я тебѣ миленькій дружочекъ— зловѣщимъ шопотомъ не разъ бурчала она себѣ подъ носъ, будешь ты помнить меня, сіятельская графинюшка, принцесса безъ подметокъ!

И кидала при этомъ злобно торжествующіе взгляды на ни въ чемъ неповинную Катишь.

У Эвочки было колечко. Совсѣмъ маленькое эмалевое колечко, съ перламутровымъ голубкомъ, которое однако очень любила Эвочка и одѣвала только по праздникамъ, когда хозяйка отпускала ее въ гости къ роднымъ.

И вдругъ эмалевое колечко Эвочки съ перламутровымъ голубкомъ пропало. Колечко, обычно, лежало въ жестяной коробкѣ отъ монпасье рядомъ съ запасными катушками, иголками, наперстками и прочими принадлежностями шляпочной мастерицы. Но когда въ одинъ прекрасный день Эвочка открыла жестянку, чтобы взять изъ нее колечко,—колечка не оказалось. Эвочка тутъ же съ мѣста подняла крикъ и шумъ.

— Колечко украли! Унесли колечко! Въ мастерской есть воровка! Стыдъ и срамъ! воровка среди своихъ! Колечко украла! И она залилась слезами.

Это было такъ необычайно видѣть плачущую Эвочку, что все удивились. Эвочка умѣла сердиться и кричать, насмѣшничать и язвить, но только не плакать...

Только не плакать...

Ее окружили, утѣшали, ласкали наперерывъ, скорѣе изъ боязни, нежели отъ добраго сердца.

— Бѣдная Эвочка! Такое прелестное колечко и вдругъ... Ахъ, бѣдная, бѣдная Эвочка!

Одна Катишь оставалась въ сторонкѣ. Ей было жаль Эвочку, какъ всякаго страдающаго человѣка, но подойти къ ней и утѣшать ее Катишь не рѣшалась.

Слишкомъ много обиды и зла принесла ей эта дѣвушка, чтобы она могла найти въ душѣ желаніе пойти и приласкать ее.

Но слезы Эвочки мучили ее все же и, чтобы не слышать ихъ, Катишь пошла въ другую комнату и углубилась въ работу, думая о своемъ коротенькомъ, но уже богатомъ событіями прошломъ. Сколько времени просидѣла она такъ, Катишь не замѣтила. Она очнулась лишь тогда, когда бѣлокурая Эвочка окликнула ее съ порога. Лицо у Эвочки было красно отъ слезъ, глаза распухли. Изъ подъ вздухшихся вѣкъ они сердито поблескивали недобрымъ огонькомъ.

— Сознайтесь, Катишь,—крикнула она запальчиво,—вы взяли мое колечко?

— Что?

Катишь даже привстала отъ изумленія. Что говоритъ Эвочка? или слухъ обманываетъ ее, Катю!

Она взяла кольцо? Она? Она?

— Ага, покраснѣли! Пожалуйста, не вздумайте отпираться! продолжала тѣмъ же злорадно-торжествующимъ тономъ Эвочка — мы догадались всѣ... мы знаемъ... Да, мы знаемъ всѣ, что вы украли мое кольцо, госпожа развѣнчанная графиня!

Боже Великій! Что сталось съ нею, Катишь?

Дѣвочка поблѣднѣла, какъ платокъ, потомъ покраснѣла... И вся дрожа пролепетала, чуть слышно въ отвѣтъ:

— Кольцо я... не крала... Я не воровка... Лжете вы... всѣ вы лжете! и зарыдала навзрыдъ.

На бѣду M-elle Эрнестинъ не была дома. Ее ждали только къ вечеру—передъ закрытіемъ мастерской.

И Эвочка съумѣла прекрасно воспользоваться этимъ.

— Воровка! Воровка! Украла мое колечко, ты украла. Смѣетъ еще отпираться! Слышите, она еще отпирается, дѣвицы!—кричала съ какимъ-то упоеніемъ злая, торжествующая Эвочка, впиваясь глазами въ страдальчески подергивающееся лицо ненавистной ей Катишь.

Больше не могла выносить Катишь ни этого крика, ни этихъ глазъ, ни этой травли.

— Я не крала, не крала, — неистовымъ воплемъ вырвалось изъ ея груди и, схвативъ пальто и шляпу, она, какъ безумная, ринулась изъ мастерской.

VII.

„Контора для найма прислуги".

Гласила черная дощечка съ красиво выстроившимися на ней, какъ ряды оловянныхъ солдатиковъ, металлическими буквами.

Катишь стояла передъ черной дощечкой и мысль ея работала съ поразительной быстротой.

Войти въ контору... Записаться, получить мѣсто и служить... Вотъ единственное, что оставалось ей теперь. И не размышляя болѣе, она смѣло нажала ручку двери и вошла.

Двѣ барышни одна черненькая, другая блондинка орудовали за прилавкомъ, раздѣлявшимъ комнату на двѣ неравныя части. Тамъ, гдѣ суетились барышни,

было меньше мѣста, въ большей же части помѣщенія толпились женщины, старыя и молодыя, всѣхъ возрастовъ, одѣтыя также съ поразительнымъ разнообразіемъ и сильно отличавшіяся своимъ видомъ одна отъ другой. Были тутъ и старенькіе бурнусы и темные платочки, были и модные ватерпруфы и нарядныя пестрыя шляпки на головахъ. Между женщинами, пришедшими сюда, въ контору, съ цѣлью предложить свой трудъ, мелькали и барыни нанимательницы, и мужчины всевозможныхъ профессій. Катишь, непривычная ко всей этой сутулкѣ, устало скользила по толпѣ глазами.

— Вашъ аттестатъ! услышала она рѣзкій голосъ надъ своей головой и точно проснулась отъ тяжелаго сна.

Барышня-брюнетка протягивала къ ней руку изъ-за прилавка.

— У меня нѣтъ аттестата! растерянно пролепетала она.

— Въ такомъ случаѣ ступайте въ другую контору, у насъ безъ аттестата не принимаютъ, — точно отрѣзала барышня и нетерпѣливо махнула Катишь рукой.

Сердце дѣвочки сжалось. Куда она пойдетъ теперь, въ какую контору? Ни конторъ, ни даже улицъ она почти не знаетъ, M-elle Эрнестинъ никогда не посылала ее за покупками, предоставляя дѣлать это другимъ своимъ ученицамъ.

Уничтоженная, испуганная Катишь устремилась къ выходу.

— Постой-ка, дѣвочка! Подожди! услышала она чей

то хриповатый голосъ за своими плечами и остановилась невольно у порога конторы. Передъ ней былъ небольшого роста худенькій старичекъ въ поношенной шинели, съ жидкой козлиной бородкою и въ мятой фуражкѣ на головѣ.

Его малькіе глазки подъ красноватами вѣками безпокойно бѣгали, какъ мыши въ клѣткѣ.

— Ты мѣста ищешъ, дѣвочка? проскрипѣлъ его хриплый голосъ.

— Да,—чуть слышно проронила Катишь.—Я желала бы на мѣсто поступить.

— А какъ звать то тебя? а?

— Катериной.

— Катюшка, значитъ—хрипло разсмѣялся непріятный старикъ.

— Ну, вотъ, что Катюшка: я человѣкъ коммерческій, зря денегъ бросать не люблю и рубля ни за что про что бросать за запись въ конторѣ тоже не желаю, а посему говорю тебѣ попросту: поступай ко мнѣ на мѣсто. За внуками ходить будешь, обѣдъ готовить, комнаты убирать. А жалованіе тебѣ положу на первое время два съ полтиной. Идетъ, что ли?

— Хорошо—также тихо и нерѣшительно проронила Катишь.

Ей сразу показался непріятнымъ этотъ старичекъ съ лукавымъ пронырливымъ выраженіемъ недобраго лица, съ красными бѣгающими, какъ мышата, глазами. Но она рѣшила служить, добывать себѣ хлѣбъ работой и покорно послѣдовала изъ конторы за старичкомъ.

VIII.

— Нянька—злая! Нянька—глупая! Нянька—вѣдьма! Убирайся вонъ! Видѣть тебя не могу.

И Маленькій Митя, сжимая кулачки, лѣзъ ими въ самое лицо Катюшки.

Послѣдняя всячески старалась обуздать избалованнаго мальчугана. Но это едва ли было возможно въ тѣ минуты, когда неистовствовалъ мальчуганъ.

Митѣ Штурмову было пять лѣтъ. Онъ считалъ себя любимцемъ дѣдушки и позволялъ себѣ рѣшительно все, что не приходило на мысль этому капризному, драчливому, взбалмошному мальчугану. Но Митя былъ не единственнымъ несчастіемъ для Катишь, преобразовавшейся теперь въ самую обыденную дѣвочку-прислугу, въ грязной ситцевой юбкѣ, съ загрубѣвшими въ работѣ пальцами. Кромѣ Мити былъ еще Лева больной, раздражительный, восьмилѣтній мальчуганъ' вѣчно терзавшійся разстройствами желудка, кашлями и лихорадками изъ-за всякаго пустяка. За нимъ долженъ былъ быть еще большій уходъ, нежели за его капризнымъ братцемъ и потому немудрено, что молоденькая нянька совершенно выбилась изъ силъ къ концу своего рабочаго дня.

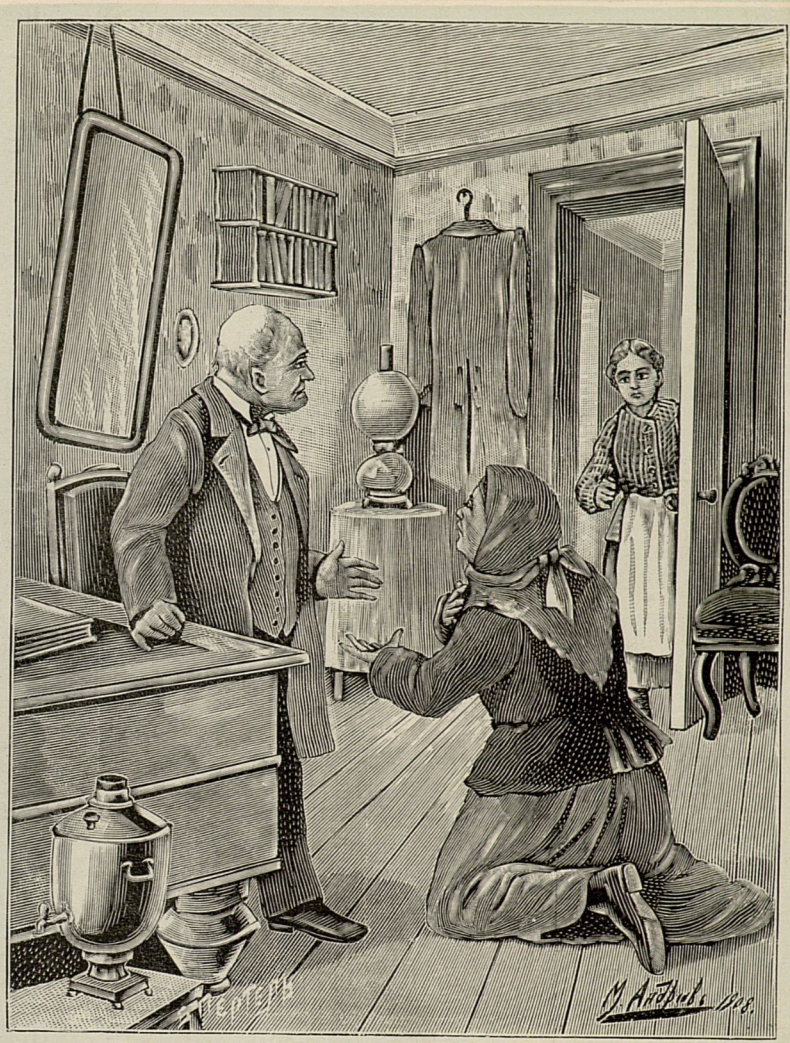
Дѣдушку этихъ двухъ ангелочковъ звали Ильей Исаевичемъ Штурмовымъ. Жилъ онъ въ крошечной квартиркѣ, грязной и темной, гдѣ-то въ самомъ захолустномъ петербургскомъ кварталѣ на второмъ дворѣ. Обѣ полутемныя комнатки и крошечная кухня,

все это было биткомъ набито всевозможными вещами старыми и новыми, роскошными и простыми...

Квартирка Ильи Исаевича имѣла видъ склада громоздкихъ вещей или, попросту говоря, лавки, гдѣ можно было найти и купить все, рѣшительно все, начиная съ красиваго венеціанскаго зеркала въ золоченой рамѣ или письменнаго стола краснаго дерева и кончая самымъ простымъ мѣднымъ самоваромъ съ проломленными боками.

Илья Исаевичъ былъ ростовщикъ. Къ нему приносили вещи въ закладъ, а за это получали деньги, но подъ такіе чудовищные проценты, что дыбомъ поднимался волосъ на головахъ несчастныхъ клієнтовъ Ильи Исаевича. Но за то къ Штурмову можно было нести все то, что не принималось въ столичныхъ ломбардахъ. И старыя платья и поломанную мебель, и испорченные часы... Онъ умѣлъ при случаѣ, если бы закладчикъ не смогъ обратно выкупить вещи, спустить ее выгодно и нажить при этомъ ни одинъ рубль. Со своими клієнтами Штурмовъ не стѣснялся. Не разъ, обливаясь слезами валялась у него ногахъ какая нибудь женщина или жена мастерового, заклиная Илью Исаевичу отстрочить уплату процентовъ на самое непродолжительное время;—Илья Исаевичъ былъ неумолимъ въ этихъ случаяхъ и вещь торжественно переходила въ его руки.

Вотъ на какомъ «новомъ» мѣстѣ очутилась, ничего подобнаго еще не встрѣчавшая въ жизни, недавняя графская воспитанница . . . . . .
. . . . . .



Катринъ.

— Нянька—противная! Нянька—дрянная! Убирайся! Не хочу тебя!—вопилъ только что проснувшійся Митя и то капризно теръ кулаками заспанные глаза, то махалъ ими передъ самымъ лицомъ Катюшки.

Послѣдняя была уже съ пяти часовъ на ногахъ. Успѣла поставить самоваръ, развести плиту, сходить на рынокъ, вычистить старенькую засаленную одежду Ильи Исаевича и его внуковъ.

Теперь предстояла самая труднѣйшая изъ работъ: надо было поднимать съ постели Митю и его брата.

— Вставай, милый! Вставай, голубчикъ! — кротко урезонивала мальчика Катюшка. —Встанешь, одѣнешься, помоешься, Богу помолишься, я булочки дамъ съ молочкомъ.

— Какой булочки?

— Розанчика! миленькій, розанчика! Сейчасъ только теплаго, свѣженькаго принесла...

— Нѣтъ! Не смѣй давать ему розанчика... Розанчикъ я возьму. Я старшій... Мнѣ розанчикъ надо, а не Митькѣ...—послышался другой капризный голосъ съ сосѣдней дѣтской кроватки. Это Лева проснулся и внезапно заявлялъ на розанчикъ свои права.

— Всѣмъ хватитъ, милые, всѣмъ! — утѣшала съ рѣдкимъ терпѣніемъ мальчиковъ, Катюшка,—Левушкѣ розанчикъ, Митюшѣ сайку. Вотъ и отлично!—пробовала сквозь слезы улыбнуться она.

Но Митя запротестовалъ рѣшительно:

— Мнѣ розанчикъ! Мнѣ! Мнѣ! — вопилъ онъ изо всѣхъ силъ на всю квартиру.

— Нѣтъ мнѣ.—И, быстро вскочивъ въ одной рубашонкѣ, Лева устремился къ столу со всѣхъ ногъ. Тамъ рядомъ съ двумя глиняными кружками, наполненными теплымъ, только что вскипяченымъ молокомъ, на тарелкѣ съ отломленнымъ краемъ лежали двѣ румяныя булки: розанчикъ и сайка.

Съ быстротою голоднаго звѣрька, Лева протянулъ руку и схватилъ розанчикъ, но, прежде нежели успѣлъ запихать кусокъ булки въ ротъ, Митя съ ревомъ кинулся на брата. Поднялась драка. Оба мальчика, въ однѣхъ рубашенкахъ, босые, топтались пыхтя и сопя на холодномъ, настывшемъ за ночь полу.

И при этомъ визжали, какъ безумные, награждая другъ друга пинками и колотушками.

Разнять ихъ не было никакой возможности.

Катюшка всѣми силами старалась сдѣлать это, но... тщетно.

Дѣти были внѣ себя.

— Лева, Митюша! — вскричала она съ тоскою,—да перестаньте же вы! — и въ тотъ же мигъ почувствовала, какъ кто-то сильно схватилъ ее за волосы и злой, скрипучій голосъ закричалъ у ея уха.

— Ага! Такъ-то ты смотришь за дѣтьми! Босыми ногами на полъ пускаешь! А Левушка еще слабенькій такой! Вотъ тебѣ за это! Вотъ тебѣ!Вотъ! Вотъ! Вотъ!

Искры посыпались изъ глазъ Катюшки.

— Пустите, Илья Исаевичъ! Пустите! Я не виновата, ей Богу-же, не виновата!— молила она, стараясь всѣми силами высвободить изъ рукъ взбѣшеннаго старика свою бѣлокурую косичку.

— Ладно! Теперь будешь помнить, какъ надо за ребятами ходить! Одѣвай ихъ живо, да гулять веди. Стой. А щи поставила? — скрипѣлъ непріятными нотами тотъ же сердитый грубый голосъ.

— Поставила, Илья Исаевичъ, — тихо проронила дѣвочка, роняя крупныя слезы.

— Поскольку мясо-то купила? — пытливо глядя въ самые глаза Катюшки, продолжалъ выспрашивать Штурмовъ.

— По четырнадцати копѣекъ, какъ всегда.

— Врешь, миленькая, врешь! — снова бѣшенно завопилъ онъ, — по двѣнадцати купила, два фунта по двѣнадцати, четыре копѣйки затаила. Отдавай ихъ, что-ли сейчасъ! — неистовствовалъ старый ростовщикъ.

— Нѣту у меня четырехъ копѣекъ вашихъ. Ей-Богу-же, нѣту... взмолилась совсѣмъ уже испуганная Катюшка,— не брала я ничего у васъ!—прорыдала она.

— Не вѣрю! Всѣ то вы такія... воровки, прости Господи. Ну, ладно, коли добромъ не отдашь — изъ жалованья вычту!—пришелъ къ неожиданному рѣшенію Штурмовъ.

— Ахъ, что хотите, дѣлайте, оставьте только меня въ покоѣ!—устало выговорила Катюшка и принялась одѣвать дѣтей.

Это была далеко не легкая задача, повторявшаяся каждый день. Лева и Митя вырывались изъ рукъ своей молоденькой няньки, бросались подушками другъ въ друга, дрыгали ногами, визжали и ревѣли изъ-за

всякаго пустяка. Наконецъ удалось таки ихъ одѣть и вывести на прогулку.

Тутъ начиналась новая пытка для Катюшки.

Илья Исаевичъ, до безумія любившій своихъ внуковъ-сиротъ, изъ боязни разныхъ дѣтскихъ болѣзней, могущихъ перейти къ нимъ отъ другихъ ребятъ, разъ навсегда запретилъ молоденькой нянькѣ водить ихъ въ скверы и въ городскіе сады. Приходилось ходить по улицамъ, гдѣ негдѣ было присѣсть и отдохнуть немного. Мальчики хныкали, уставали. Надо было брать ихъ на руки и нести. Катюшкѣ, находившейся съ пяти часовъ на ногахъ и уже сдѣлавшей огромный кусокъ на рынокъ и обратно, это было положительно не подъ силу. Она всячески отнѣкивалась, но тутъ начинались новыя слезы и крики. А дома, по возвращеніи, новая брань, а подчасъ незаслуженные, горькіе тумаки.

Обѣдали въ два. И горе молоденькой стряпухѣ, если что-либо подгорало изъ незатѣйливыхъ кушаній, сготовленныхъ на обѣдъ! Въ такихъ случаяхъ Штурмовъ былъ неумолимъ: трепалъ за уши и за косу Катюшку и грозилъ пожаловаться на нее въ полицію за то, что она обворовываетъ его.

Послѣ обѣда надо было мыть посуду, убирать комнату и занимать мальчугановъ.

Цѣлый день приходилось къ тому же впускать и выпускать кліентовъ, приходившихъ со своими залогами къ ростовщику.

Въ семь часовъ вечера ставился самоваръ, Катюшка поила всѣхъ чаемъ, потомъ около девяти согрѣвала ужинъ и укладывала мальчиковъ спать.

Но сама она еще не ложилась. Илья Исаевичъ награждалъ ее новой работой въ то время, какъ онъ самъ и его внуки сладко похрапывали на своихъ постеляхъ. Катюшка же не ложилась до тѣхъ поръ, пока не перемывала, не перечищала и не перечинивала всѣхъ вещей, принесенныхъ кліентами за день.

И только въ первомъ часу ложилась дѣвочка, постлавъ себѣ на полу кухни незатѣйливую постель.

Но несмотря на страшную усталость, она не могла заснуть сразу. Недавнее, свѣтлое прошлое ея счастливой жизни у графини представало снова воочію въ памяти Катюши. Она горько плакала. Ей казалось, что не вырваться ей никогда изъ этой ужасной норы въ новую, болѣе легкую жизнь.

Она не знала ни города, ни людей и никогда не съумѣла-бы найти себѣ одна другого мѣста...

Поневолѣ приходилось терпѣть. И Катюшка терпѣла, только темная ночь, да мокрая отъ слезъ подушка знала всю муку и сердечную тоску бѣдной, одинокой дѣвочки.

IX.

— Илья Исаевичъ, а Илья Исаевичъ! Пожди малость... Самую крохотку пожди... Вотъ тебѣ Христосъ, на той недѣлѣ заплачу... Какъ Богъ Святъ, внесу проценты! Будь отцомъ роднымъ, милостивецъ! Не губи...

— Ладно! Всѣ вы сиротами прикидываетесь. Знаю

я васъ! Коли не заплатишь сейчасъ проценты—пропалъ твой тулупъ, такъ и знай, матушка!

— Милостивецъ! Не губи. Какже я по морозу то въ деревню поѣду, безъ тулупа-то. Сжалуйся, батюшка! Пожди малость! На той недѣлѣ въ аккуратѣ заплачу. Ей-Богу.

— Ладно! Молчи! Не канителиться же мнѣ съ тобою, пропала твоя шуба и баста, — проскрипѣлъ своимъ жестокимъ голосомъ Штурмовъ.

За стѣною въ тотъ же мигъ кто-то рухнулъ на колѣни и горько заплакалъ, всхлипывая.

Слезы женщины и брань Ильи Исаевича смѣшались...

Катюшка, чуть живая отъ волненія сидѣла на лавкѣ въ кухнѣ и чутко прислушивалась къ тому, что происходило въ сосѣдней комнатѣ за стѣной. И не изъ пустого любопытства прислушивалась Катюшка. Нѣтъ... Голосъ плачущей женщины показался ей до страннаго знакомымъ и далеко, далеко не чужимъ...

А женщина между тѣмъ была далека, повидимому, отъ мысли успокоиться и перестать плакать... По крайней мѣрѣ, жалобныя причитанія ея доносились все явственнѣе, все слышнѣй.

Катюшка не выдержала этого плача, этихъ прямо изъ души вылетающихъ рыданій и, какъ безумная, ринулась въ комнату.

Илья Исаичъ съ подергивающимся, что у него всегда случалось въ минуты гнѣва, лицомъ, стоялъ, обернувшись къ двери; женщина была на колѣняхъ передъ нимъ и горько плакала, содрогаясь отъ всхлипываній всѣмъ тѣломъ.

— Милостивецъ... пожди... На той недѣлѣ и тулупъ выкуплю и внесу... Ей Богу... Фабричная я... На фабрикѣ расчетъ будетъ день черезъ пять и тогда...— причитывалъ донельзя знакомый Катюшкѣ голосъ.

— Ты зачѣмъ сюда?—грубо встрѣтилъ Штурмовъ, испуганно притаившуюся на порогѣ дѣвочку.

На скрипъ отворившейся двери подняла голову и женщина... Взглянула на вошедшую залитыми слезами глазами, и громко, радостно вскричала:

— Катька! Катька! Ты ли это? Катенька!

— Тетенька Авдотья!—такимъ же радостнымъ крикомъ отозвалась Катюшка и обѣ кинулись въ объятія другъ друга.

Заговорили разомъ, наперерывъ, едва успѣвая слушать одна другую. Тетка Авдотья сразу повѣдала о томъ, что съ отъѣздомъ ея, Катьки, изъ дома, ей—Авдотьѣ—не повезло въ деревнѣ, что стирку она потеряла на многихъ мѣстахъ и, волей неволей, пришлось перебраться въ городъ, поступить на фабрику, чтобы какъ нибудь прокормить себя.

Катя быстро и сбивчиво разсказывала теткѣ Авдотьѣ свою недлинную, печальную повѣсть о томъ, какъ хорошо ей было жить у графини, и какъ тяжело было у модистки-шляпницы, а совсѣмъ уже зарѣзъ здѣсь у теперешняго ея хозяина. Обѣ, какъ Авдотья, такъ и Катя, точно и забыли объ этомъ хозяинѣ, увлекшись радостью встрѣчи.

А онъ между тѣмъ стоялъ, ехидно улыбаясь и слушалъ ихъ у дверей.

— Бьетъ, чай, тебя хозяинъ-то? — освѣдомилась

Авдотья, обнимая Катю и усаживая ее на лавку около себя.

— Бьетъ!—тихо созналась та,—шибко бьетъ!

— Ишь ты извергъ...—такъ и всколыхнулась Авдотья, совершенно забывая о томъ, что и сама неразъ, подъ злую руку, бивала эту худенькую, блѣдную, синеглазую дѣвочку, эту кроткую, молчаливую сироту.

И Катя въ радостный мигъ счастливой встрѣчи совсѣмъ забыла про это.

Да и правду сказать, била тетка Авдотья рѣдко, а если и била, то за дѣло, и это хорошо помнила синеглазая Катя.

— Ну, пойдемъ! — неожиданно произнесла Авдотья.—Одѣвайся, скорѣйча, милая, не слѣдъ тебѣ здѣсь у кровопійцы оставаться,—энергично заключила она.—Со мной пойдешъ!

— Какъ пойдемъ? Куда ты поведешь ее отъ насъ? Она у насъ служитъ, жалованье получаетъ, она прислуга наша!—такъ и подскочилъ со своимъ обычнымъ скрипѣніемъ Илья Исаевичъ къ теткѣ Авдотьѣ.

Та только презрительно повела плечомъ:

— Жалованье! Вона што выдумалъ. А велико ли жалованье-то грошъ мѣдный, а колотушекъ на цѣлый рупь... знаю я тебя... Пойдемъ отседова, Катька. Да по дорогѣ я въ полицію забѣгу, пожалуюсь, кому слѣдоваетъ на мучителя твоего...—вдругъ неожиданно пригрозила женщина и такъ взглянула на Штурмова, что у того поджилки затряслись.

Илья Исаевичъ весь съежился, поблѣднѣлъ и робко приступилъ къ Авдотьѣ:

— Слушай, глупая ты баба... Шутки ты моей, видно, не поняла... — началъ онъ сладенькимъ голосомъ,— тулупъ-то я тебѣ припрячу до той недѣли, въ сохранности будетъ... принесешь деньги—обратно дамъ... А въ полицію зачѣмъ же?.. Брешетъ со зла на меня дѣвчонка... а ты того и повѣрила тоже...—залебезилъ онъ, бросая робкіе взгляды на Авдотью.

— Ладно ужъ, не замазывай тулупъ то сохрани, а не то...—и послѣдняя ожесточенно погрозила кулакомъ совершенно опѣшившему Штурмову.

Черезъ пять минутъ она была уже на улицѣ въ сопровожденіи Кати...

— Вотъ и привелъ Господь снова быть вмѣстѣ... —говорила она весело, ласково поглядывая на свою спутницу,—небось забыла меня въ богатствѣ да холѣ? Забыла? А? Катька!

— Нѣтъ, не забыла, тетенька, — торопилась отвѣтить та.—Я вамъ и деньги въ деревню посылала, да онѣ назадъ возвращались къ графинѣ покойной, говорили въ почтамтѣ, что выбыли вы изъ деревни въ ту пору...—заключила она, довѣрчиво и ласково глядя на Авдотью своими ясными глазками.

— Выбыла и то, милая ты моя. Не въ моготу мнѣ было оставаться тамъ одной, въ пустой избѣ-то! Ужъ я ругала себя, ругала за то, что пустила тебя къ господамъ въ услуженье. Вмѣстѣ тѣсно — врозь скучно. Небось вѣдь любила я тебя, Катька, привыкши была къ тебѣ сиротѣ,—новыми, теплыми, совершенно

несвойственными ей, нотами зазвучалъ голосъ Авдотьи.

Чѣмъ-то роднымъ и близкимъ повѣяло отъ этого добраго голоса и сердечнаго тона женщины, на изстрадавшееся сердечко Кати. И ее неудержимо потянуло назадъ, къ ея прошлому, къ далекой родной деревенькѣ, къ милой избушкѣ, гдѣ провела она свое дѣтство, не зная ни горя, ни заботъ...

И, прижавшись къ своей спутницѣ, Катя тихо чуть слышно шепнула:

— Поѣдемъ домой, тетенька, назадъ, въ деревню. Что намъ тутъ-то дѣлать? А? А дома работать станемъ. Обѣ по стиркамъ ходить, огородъ разведемъ, коровушку купимъ. А? Тетенька? Ѣдемъ домой? Да?

— Ѣдемъ, милая, ѣдемъ! Дай получить расчетъ на фабрикѣ—къ ряду и махнемъ... — весело отозвалась Авдотья и, тутъ же среди улицы, горячо и крѣпко обняла дѣвочку.

. . . . . .

. . . . . .

Сдержала свое слово тетка Авдотья, Получила расчетъ и ровно черезъ недѣлю тяжело громыхающій поѣздъ уже мчалъ ее съ Катькой къ роднымъ милымъ мѣстамъ, въ родную и милую прежнюю жизнь...

Конецъ.

Ея братишка.

На террасѣ только-что отпили чай. Дѣдушка съ мамой принялись за обычную партію шахматъ. Молодежь болтала и смѣялась, хорошенькая Лика больше и громче всѣхъ. Она вся такъ и сіяла молодымъ, жизнерадостнымъ счастьемъ.

Ей было отчего радоваться и торжествовать.

Все улыбалось Ликѣ. И жизнь, и счастье, и любовь родныхъ, и довольство и роскошь!

Дѣдушка былъ богатъ и все свое богатство рѣшилъ оставить ей—Ликѣ. Мама боготворила ее и баловала напропалую свою любимую дѣвочку. Она возила ее по „заграницамъ“ и воочію показывала ей всѣ тѣ страны, про которыя говорилось въ книгахъ путешествій, которыя такъ безумно любила читать хорошенькая Лика.

Не было, казалось, желанія, которое не исполнялось бы ради общей любимицы! И зато требованія Лики росли съ каждымъ часомъ. Она была впечатлительна, нервна, любила все таинственное и зачитывалась тѣми пустыми романами, которые засоряютъ голову и не приносятъ ровно никакой пользы ни уму, ни сердцу.

И сейчасъ, сидя на балконѣ въ дѣдушкиной усадьбѣ „Веселомъ“, Лика, смѣясь и болтая съ молодежью, придумывала, какъ бы измыслить такое, что могло-бы занять ее на сегодняшній вечеръ.

Три мальчика, изъ которыхъ старшему было 17, а младшему 14 лѣтъ, всѣ трое двоюродные братья Лики, внучатые племянники Ликинаго дѣдушки, боготворившіе Лику съ дѣтства, глазъ не спускали съ милой, веселой, жизнерадостной дѣвочки.

Еще-бы имъ было не любить Лику!

Она такъ много путешествовала, знала столько интереснаго и занимательнаго про чужія страны, такъ ярко и красиво описывала ихъ, что невольно можно было заслушаться ея разсказовъ.

— Ахъ, какъ хорошо!—воскликнулъ нѣжный, розовый, какъ дѣвочка, младшій изъ братьевъ Волгиныхъ Витя,—ахъ, какъ хорошо ты разсказываешь, Лика! Всю бы ночь слушалъ тебя, право.

— Дѣйствительно, хорошо!—согласился съ нимъ его братъ Миша, черноволосый, смуглый, какъ цыганъ, юноша, впервые надѣвшій студенческую форму въ это лѣто, такъ какъ весною окончилъ курсъ столичной гимназіи.—Какъ безстрашна эта испанка... какъ ее? Карабелло, которая темной ночью одна подстерегала на кладбищѣ своего врага, чтобы убить его.

— Ну, вотъ еще, что тутъ страшнаго,—засмѣялся его братъ Николай—на кладбище мы могли-бы пойти и сами...

— Ночью?—произнесъ нерѣшительно Витя.

— Понятно, ночью. Я не боюсь. Вѣдь эта Карабелло, о которой разсказывала Лика, поджидала убійцу своего брата. Значитъ, ради брата она пошла на это.

— Ну, а ты-бы ради брата развѣ пошелъ на клад-

бище ночью?—усмѣхнулась чуть замѣтной усмѣшкой Лика.

— Какой вздоръ! — вскричалъ Николай, — во-первыхъ, Миша живъ, слава Богу, а вовторыхъ, повторяю я не боюсь ничего.

— Будто? — снова усмѣхнулась Лика. — А могъ-бы ты ради меня пойти ночью на кладбище, хотя-бы вотъ сегодня, и вбить въ крестъ могилы Аннушки гвоздь въ доказательство того, что ты былъ тамъ.

— Ради чего, спрашивается? — пожалъ плечами Николай.

— Да хотя-бы ради меня!—расхохоталась Лика. — Вотъ, вы всѣ говорите мнѣ, что любите меня, какъ родную сестру, и готовы сослужить мнѣ всякую службу... принести любую жертву... Вотъ я и хочу провѣрить: правда-ли это? Кто меня любитъ, тотъ и пойдетъ на кладбище къ могилѣ Аннушкѣ и вобьетъ въ крестъ ея гвоздь.

И при этомъ глаза Лики такъ и сіяли... Она очень любила подобные случаи, гдѣ участвовало все таинственное, гдѣ высказывалась особенная привязанность съ доказательствомъ, съ жертвами и тому подобное, о чемъ такъ много и часто разсказывается въ романахъ.

Всѣ три мальчика разомъ задумались и замолкли. Они очень любили Лику, за ея умѣніе развеселить и заинтересовать каждаго, но... Идти темной ночью на кладбище, да еще вдобавокъ на могилу Аннушки, которая умерла всего двѣ недѣли тому назадъ, далеко не улыбалась всѣмъ троимъ.

— Ну, ужъ и выдумщица-же ты, Лика!—съ натянутой улыбкой проговорилъ Витя, который былъ значительно трусливѣе остальныхъ.

— Ахъ, ты трусишка!—засмѣялась Лика. — И всѣ вы трусишки!—добавила она со смѣхомъ, обращаясь къ остальнымъ, — а еще туда-же, въ рыцари записались. «Все для тебя сдѣлаемъ». Какъ-же, сдѣлаете вы все!—дразнила она своихъ двоюродныхъ братьевъ.—Хороши рыцари!

— Полно вздоръ городить, Лика! — произнесъ Николай, казавшійся серьезнѣе остальныхъ, — оттого-то, что пойдемъ мы на кладбище или нѣтъ — не зависитъ ни благополучіе, ни спасеніе твоей жизни, а пріятнаго мала, идти въ такую пору, смотри!

И говоря это, мальчикъ распахнулъ окно террасы.

Черная августовская ночь глянула изъ сада алмазными глазами своихъ созвѣздій. Точно признаки стояли кусты и деревья вокругъ дома. Длинною змѣею бѣлѣла во мракѣ садовая дорожка прямо въ чащу, откуда зіяла непроницаемая и жуткая, какъ пропасть, тьма.

— Такъ никто ради меня не пойдетъ на кладбище?—обведя всѣхъ смѣющимися глазами, снова спросила Лика.

— Никто!—отвѣтили мальчики хоромъ.

— Трусы!—бросила она, подходя къ самому окну и всматриваясь зоркими глазами въ темноту ночи.—Печальные рыцари!

— Требовательная не въ мѣру дама,—вторилъ ей со смѣхомъ Николай.

— А еслибъ кто-нибудь изъ васъ согласился!—про-

должала мечтательно Лика,—съ тѣмъ-бы я была дружна до могилы, считала бы храбрецомъ и сдѣлала бы для него все, что могла...

Легкій шорохъ подъ окномъ прервалъ ее на полусловѣ.

Лика вздрогнула и всѣмъ тѣломъ отпрянула назадъ отъ окна.

— Это птица, Успокойся. Сама-то ты трусиха, а насъ обличаешь! — разсмѣялся Миша и захлопнулъ окно.

II.

Миша ошибся. Это была не птица, а Валерикъ. Маленькій, худенькій, блѣдненькій Валерикъ, всѣмъ сердцемъ боготворившій свою большую сестру Лику.

Онъ сидѣлъ, скорчившись, подъ кустомъ сирени и смотрѣлъ, смотрѣлъ, не отрываясь.

Когда у нихъ весною отдѣлывали комнату для Лики, которая должна была вернуться съ мамой изъ-за границы, Валерикъ чутко прислушивался къ стуку обойщиковъ и мечталъ о томъ, какая у него будетъ сестра. Онъ ея не видѣлъ никогда, потому что во всѣ восемь лѣтъ коротенькой Валерикиной жизни, Лика воспитывалась въ Москвѣ въ институтѣ, откуда выѣзжала только за границу, въ то время, какъ онъ— Валерикъ не покидалъ дѣдушкиной усадьбы.

Еще до возвращенія Лики изъ-за границы, послѣ окончанія курса ея въ институтѣ, о Ликѣ говорилось много. И дѣдушка, и няня, и сосѣди, и прислуга его говорили, что Лика красавица, умница, талантливая,

что она дивно играетъ, отлично поетъ, прекрасно рисуетъ... Словомъ—Лика представлялась Валерику чѣмъ-то въ родѣ доброй феи и принцессы-Хрустальный-башмачокъ. Онъ успѣлъ горячо полюбить ее по разсказамъ и ждалъ ея пріѣзда съ замираніемъ сердца, какимъ не ждалъ даже Рождества и Пасхи, въ которые получалъ отъ дѣдушки такіе прекрасные подарки!

И вотъ она пріѣхала...

Цвѣла черемуха... Пѣли птицы... Былъ май. И сама Лика, казалось, была воплощеніемъ весны и мая. Она именно и была такою, какою представлялась Валерину. Какъ принцесса-Хрустальный башмачокъ, и добрая, какъ фея изъ сказки. Она сразу заласкала и затормошила Валерина, нашила ему чудесныхъ костюмчиковъ съ кружевными воротничками, въ которыхъ хрупкій и нѣжный, какъ цвѣтокъ, Валерикъ, съ его фарфоровымъ личикомъ и гибкой шеей, походилъ на маленькаго средневѣкаго пажа, учила его танцовать менуэтъ и распѣвать старинныя гермнскія пѣсенки, которыя она привезла съ береговъ съ Рейна.

Валерикъ смотрѣлъ на Лику сіяющими глазами и слѣдовалъ за нею всюду, какъ собачка. Онъ не зналъ—Валерикъ, что его Лика не умѣла долго заниматься однимъ и тѣмъ-же. Позабавившись имъ вволю и набѣгавшись съ нимъ и нашалившись, она скоро измѣнила ему для общества большой лохматой собаки Янки, полу Сенъ-бернара, полудворняжки, умѣющей служить и давать лапу. Но скоро и Янки постигла участь Валерика. Янки наскучилъ Ликѣ, и Лика цѣлые дни могъ быть безъ сестры. Онъ тѣнью слѣдо-

Ея братишка.

валъ издали за нею и ненавидѣлъ отъ души троихъ кузеновъ. Онъ даже осунулся и похудѣлъ въ лицѣ. Дѣдушка испугался и позвалъ къ нему доктора. Докторъ выслушалъ Валерика нашелъ у него малокровіе и прописалъ ему желѣзо и гимнастику по утрамъ.

Но Валерикъ зналъ, что это не малокровіе и что его здоровье зависитъ не отъ желѣза и гимнастики, а отъ Лики: вернется къ нему Лика—онъ поправится и станетъ розовымъ и сильнымъ. Уйдетъ еще дальше Лика, и онъ растаетъ, какъ Снѣгурочка въ сказкѣ, или зачахнетъ, какъ Аннушка, швейка изъ сосѣдняго села, на могилу которыхъ посылала троихъ кузеновъ Лика... А они побоялись... не пошли...

Валерикъ тихо засмѣялся себѣ подъ носъ...Ради Лики побоялись... О, какіе большіе, еще взрослые и... трусы! Струсили—большіе! А онъ—маленькій, восьмилѣтній Валерикъ—не побоится, не струситъ... Онъ пойдетъ на кладбище. Онъ рѣшилъ. Вѣдь Лика сказала, что будетъ дружна до могилы съ тѣмъ, кто пойдетъ туда, и будетъ любить того крѣпко-крѣпко... Любить! Она—Лика! Такая умная! Такая смѣлая! Такая большая! Тогда она снова вернется къ нему и скажетъ:

— «Прости меня, милый, маленькій, славненькій Валерикъ. Я тебя не знала. Ты большой и храбрый. И я буду любить тебя больше всѣхъ, и буду играть и гулять только съ тобою!»

А онъ, Валерикъ, отвѣтитъ:

— Ахъ, Лика, и я съ Янки тоже. И Янки тебя любитъ.

И они будутъ неразлучны всѣ трое—и онъ, и Лика,

и Янки. И какое это будетъ большое, огромное счастье!

И маленькій Валерикъ вдругъ разомъ выросъ и сталъ большимъ и сильнымъ.

И сердце его стало такое же большое, сильное и билось теперь такъ, точно въ немъ ударялъ тяжелый каменный молотъ.

III.

Ночь сгустилась, нахмурилась точно. Алмазныя звѣзды еще таинственнѣе замигали на черномъ, непроницаемомъ пологѣ неба. Черная ночь точно караулила кого-то и этотъ кто-то притаился и неуловимо дышалъ въ темнотѣ.

Валерикъ храбро шагалъ при слабомъ свѣтѣ молодого мѣсяца по темному, таинственно притихшему саду. Въ одной ручонкѣ его былъ зажатъ молотокъ, въ другой—большой ржавый гвоздь, только-что унесенный тайкомъ изъ кладовой.

Голоса сидѣвшихъ на терассѣ постепенно затихали въ отдаленіи.

Валерикъ шелъ.

Его маленькое сердечко стучало. Большіе глаза испытующе смотрѣли въ темноту, которая, притаившись, подстерегала его за садомъ. Сейчасъ онъ выйдетъ въ калитку и вступитъ въ поле или, вѣрнѣе, на большой пустырь, предшествующій кладбищу. Гдѣ кончается пустырь, начинается кладбище съ бѣлымъ силуэтомъ сельской церкви и окружающими ее могилами.

Утромъ и днемъ Валерикъ бѣгаетъ по пустырю, играя въ воланъ или съ Янки. Ему ни чуточки не

страшна близость кладбища. Но то утромъ, а не теперь...

Теперь все здѣсь, жутко, таинственно, непонятно... И кусты можевельника, разбросанные по полю, и пни, попадающіяся на каждомъ шагу.

Но самое страшное тамъ, впереди... Бѣлые кресты на могилахъ кажутся ему привидѣніями, распластавшими руки, чтобы удобнѣе схватить его... Бѣлая церковь такъ отчетливо высится на черномъ пологѣ ночи.

Она, точно гигантское привидѣніе, сторожитъ покой своихъ мертвецовъ. А тамъ, около нея, свѣжій холмъ съ новымъ ясневымъ крестомъ. Тамъ похоронена Аннушка.

Валерикъ косится въ ту сторону и вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ. Сейчасъ Аннушка представляется ему, какъ живая. Большіе тоскливые глаза, худыя желтоватыя съ чуть замѣтными рябинками щеки и истыканный иглой указательный палецъ лѣвой руки... Онъ ее отлично помнитъ. Она работала у дѣдушки незадолго до смерти и шила ему, Валерику, курточки и рубашки. А теперь лежитъ мертвая подъ крестомъ. И онъ ее боится, потому что, говорятъ, ее видѣли, какъ она бродитъ между могилами съ распущенной косой, съ помутившимся взглядомъ...

О, какъ страшно!

Сердечко ребенка бьется сильнѣе и сильнѣе. Во рту стало такъ сухо, точно во время болѣзни...

Ахъ, если бы назадъ!

Но назадъ нельзя...

Лика его не будетъ любить, не будетъ обращать на него вниманія, играть съ нимъ.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Лучше онъ переживетъ всѣ ужасы, которые есть на свѣтѣ, лишь бы вернуть къ себѣ Лику, лишь бы заставить ее полюбить ея маленькаго братишку!

Ахъ, какъ это будетъ хорошо!

Валерикъ даже подпрыгнулъ отъ радости при одной мысли о томъ, какъ это будетъ хорошо, и бодрѣе зашагалъ по полю.

Вотъ и развалившаяся кдадбищенская ограда, и бѣлая церковь, и бѣлые, покосившіеся отъ времени, могильные кресты.

Вотъ и высокій холмъ съ прямымъ новымъ крестомъ на Аннушкиной могилѣ.

И чѣмъ ближе подходилъ къ этому мѣсту Валерикъ, тѣмъ больше замедлялись его шаги, тѣмъ сильнѣе стучало въ груди неугомонное сердечко. Затуманенная страхомъ мысль подсказывала Валерику все «страшное», о чемъ онъ старался не думать. Онъ старался, а мысль назойливо лѣзла ему въ голову, точно умышленно запугивала его.

Черты мертвой Аннушки теперь ясно выдѣлились передъ нимъ въ черномъ туманѣ ночи. И блѣдное, исхудалое лицо съ чуть замѣтными рябинками, и тоскливые глаза, и исколотый иглою палецъ... И все это такъ ясно... мучительно ясно.

— Да воскреснетъ Богъ и да расточатся враги Его!—шепчетъ дрожащими губами Валерикъ.

Такъ молится онъ каждый вечеръ, крестя подушку на сонъ грядущій.

Вотъ онъ у могилы... Храбро поднимаетъ одну ручонку, потомъ другую... Взбрасываетъ молотокъ... Мѣсяцъ вдругъ спрятался за тучу и на кладбищѣ воцарилась непроглядная мгла.

Затаивъ дыханіе, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Валерикъ опускаетъ молотъ.

Тукъ!

Какой ужасный, какой тяжелый звукъ!

Точно кто-то ахнулъ и простоналъ въ могилѣ. Какъ рѣзко отозвался онъ въ маленькомъ сердцѣ Валерика!

Холодный потъ выступилъ на лбу мальчика.

Онъ еще разъ поднялъ молотъ.

Что-то зашуршало, зашумѣло, зашептало во мракѣ. Или вѣтеръ зашелестѣлъ верхушками деревьевъ, или кто-то точно заропталъ, зажаловался на судьбу... И снова во тьмѣ выплыли тоскливые глаза и рябое лицо Аннушки.

Валерикъ дико вскрикнулъ, молотокъ вывалился изъ дѣтской ручонки и онъ бросился прочь отъ креста... Но чья-то сильная рука держала его за рукавъ куртки...

Новый крикъ, еще болѣе испуганный и дикій, вырвался изъ груди Валерика. Мальчикъ зашатался и упалъ безъ чувствъ къ подножію креста.

IV.

Крикъ Валерика былъ услышанъ на террасѣ.

— Что это?—вырвалось однимъ общимъ возгласомъ у всѣхъ присутствующихъ.

— Кричатъ на кладбищѣ,— проговорила встревоженно Лика.

— Голосъ ребенка!—вторилъ ей Николай.

— Да это Валерикъ! Его голосъ!—крикнулъ Витя.

— Что, что такое?

Въ ту минуту послышался второй крикъ. Сомнѣній не было: голосъ принадлежалъ Валерику.

— Это онъ!—вырвалось изъ груди Лики и она съ быстротою птицы шарахнулась на крыльцо.

За нею бросились остальные.

Сбѣжать со ступеней террасы, пронестись по темной аллеѣ сада, пробѣжать огромный пустырь и очутиться у ограды кладбища было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ для Лики. Что-то точно несло ее на крыльяхъ, точно толкало впередъ. Какое-то смутное предчувствіе говорило ей, что она невольная виновница этого крика.

И она первая очутилась у могилы, приведенная къ ней тѣмъ же предчувствіемъ—и новый крикъ испуга, ужаса и невыразимой жалости нарушилъ тишину соннаго кладбища... При блѣдномъ сіяніи молодого мѣсяца, теперь выглянувшаго изъ-за тучи, Лика увидѣла крошечную фигурку ея братишки, безчувственно распростертую у креста. Большой гвоздь, вбитый второпяхъ въ дерево креста, прихватилъ бархатный рукавъ

его курточки, и все тѣльце Валерика безжизненно повисло на немъ. Брошенный молотокъ валялся у ногъ ребенка. Лика взглянула на безпомощную фигурку своего братишки и разомъ поняла все. Острый мучительный приливъ жалости ворвался въ ея сердцѣ и до краевъ затопилъ его.

Блѣдное, крошечное, жалкое личико Валерика было вмигъ залито горячими слезами его большой сестры.

Дѣвичья головка склонилась надъ нимъ.

Розовыя губки, вздрагивая, шептали:

— Малюточка моя! Сокровище мое! Братишка мой бѣдненькій.

И градъ безумныхъ поцѣлуевъ покрылъ щеки, лобъ и глазки Валерика.

Потомъ тонкія, но сильныя руки Лики подняли его, съ трудомъ оторвавъ пригвожденный къ кресту рукавъ куртки, и она понесла его домой черезъ пустырь, крѣпко прижимая къ своему сильно-бьющемуся сердцу...

Неподалеку отъ дома Валерикъ пришелъ въ себя и открылъ испуганные глазки.

Что-то свѣтлое и радостное, чудное и большое, какое-то огромное счастье разомъ наполнило его маленькое сердечко... И тоненькія дѣтскія ручонки потянулись къ бѣлокурой дѣвичьей головкѣ, а слабый, срывающійся голосокъ прошепталъ чуть слышно:

— Не сердись... Я не хотѣлъ испугать... я взаправду пошелъ... какъ ты говорила... Не побоялся... Ахъ, я люблю тебя Лика...

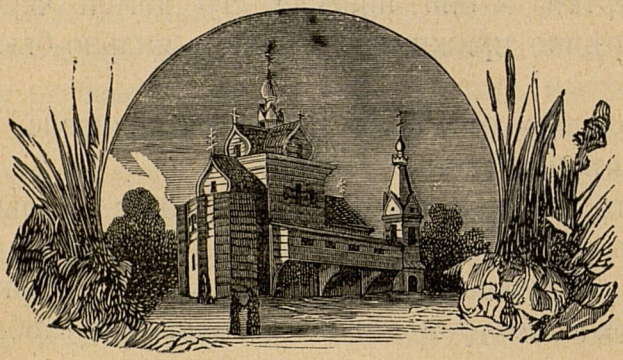
И весь радостный прижался къ ея груди.

V.

Съ этой ночи Валерикъ завоевалъ сердце Лики. Они теперь неразлучны—и большая сестра и ея маленькій братишка. Они вмѣстѣ играютъ въ воланъ, бѣгаютъ въ запуски и учатъ служить Янки.

Скоро Лика ѣдетъ за границу съ мамой. Но и Валерикъ поѣдетъ съ нею.

А когда Лика выйдетъ замужъ, Валерикъ будетъ жить у нея, баловать ея дѣтей и разсказывать имъ маленькую быль о «ея братишкѣ». Это у нихъ уже рѣшено...



Новая бабушка.

(Сюжетъ заимствованъ).

Первое знакомство.

I.

На стѣнныхъ часахъ пробило два.

Черненькая какъ мушка, быстроглазая Катя, съ шумомъ захлопнула учебникъ.

— Баста! Уроки выучены, теперь можно играть,— и Катя бѣглымъ взглядомъ окинула комнату. Шестилѣтній бутузъ Володя рисовалъ красками у окна. Его двухлѣтній братишка Коля разставлялъ оловянныхъ солдатиковъ тутъ же.

— Володя! Коля!—крикнула Катя,—ступайте сюда, стройте крѣпость. Мы будемъ играть въ войну... Я кончила уроки.

И въ тотъ же мигъ въ дѣтской закипѣла суматоха. Быстро складывались кубики въ просторномъ углу между шкапомъ и комодомъ, къ нимъ присоединяли старыя коробки отъ игрушекъ, картонки изъ подъ шляпъ, грифельныя доски и учебники, словомъ все, что имѣлось подъ рукою. Когда въ углу нагромоздили въ достаточномъ количествѣ. Катя, голосомъ не допускающимъ возраженія, скомандовала:

— Довольно!

И оба мальчика, таскавшіе въ уголъ всякую рухлядь, прервали свое занятіе.

Кое-какъ размѣстили картонки, коробки и книги. Грудой навалили кубики между ними и крѣпость была готова.

— Великолѣпно,—продолжалъ командовать Коля,—теперь давайте играть. Ты Коля будешь полковникомъ, Николай капитаномъ, а я генераломъ,—и произнеся съ особенной торжественностью послѣднее слово, Катя побѣдоносно оглядѣла обоихъ мальчиковъ.

Потомъ, она надѣла старый киверъ на голову, нацѣпила на плечи эполеты, которыхъ у дѣтей имѣлось въ запасѣ не малое количество, и взяла игрушечную саблю въ руки. Володя за неимѣніемъ кивера, напялилъ на голову треугольный колпакъ, сдѣланный какъ-то няней изъ газетной бумаги и прицѣпилъ на спину игрушечное ружье. Маленькій Коля, не имѣвшій ни кивера ни треугольника, надулъ губы, собираясь заплакать, но тутъ же няня Паша выручила его и смастеривъ нѣчто въ родѣ ермолки

изъ носового платка, надѣла эту самодѣльную каску на кудрявую Колину головку. Вмѣсто сабли за поясъ Колѣ просунули тросточку и, кромѣ того, дали ему въ руки барабанъ. Несмотря на то, что Катя выбивалась изъ силъ, доказывая нянѣ, что поручику нельзя барабанить, Коля забилъ изо всей силы въ барабанъ и волей неволей приходилось начинать сраженіе.

На барабанный бой изъ сосѣдней комнаты появилась нарядная кормилица Пелагея съ восьмимѣсячнымъ бэби на рукахъ.

Катя тотчасъ-же указала ей мѣсто на диванѣ, говоря, что она причисляетъ мамку съ бэби къ санитарному отряду.

— Берегитесь пуль! Берегитесь пуль, они должны градомъ летѣть изъ крѣпости со стороны непріятеля! — неистовствовала Катя, размахивая своей саблей передъ носомъ мамки. Нашли дѣло и нянѣ Пашѣ. Ей отгородили мѣсто за учебнымъ столомъ, поставили тамъ кукольную плиту со старой жестяной кастрюлей и велѣли готовить похлебку для солдатъ.

Тихонько пересмѣиваясь съ кормилицей, послушно усѣвшейся на диванѣ, няня Паша заняла свой постъ у плиты.

Сраженіе началось.

Катя первая закричала: На приступъ, братцы! и влетѣла въ крѣпость, изо всѣхъ силъ размахивая руками и саблей, какъ-бы сражаясь съ воображаемымъ врагомъ. Бутузъ Володя трубилъ изо всей силы въ кулакъ и кололъ ружейнымъ штыкомъ на-

право и налѣво. Колюша барабанилъ съ такимъ неистовствомъ и такъ визжалъ при этомъ, что няня, позабывъ про заказанную ей похлебку, бросилась къ нему, стараясь унять крикуна.

Но тутъ случилось совсѣмъ непредвидѣнное событіе. Въ комнату влетѣла пятилѣтняя Женя, отсутствовавшая при началѣ игры и, видя общее воинственное возбужденіе, тоже кинулась на приступъ крѣпости. Володя, не замѣтивъ младшей сестры, размахнулся ружьемъ и попалъ концомъ штыка въ щеку Жени. Женя взвизгнула не своимъ голосомъ, схватилась за щеку, на которой потомъ показалась огромная царапина и разрыдалась навзрыдъ. Заплакала и и бэби на рукахъ у мамки, испуганная шумомъ, крикомъ и слезами.

Коля, видя причиненное старшимъ братомъ несчастье, бросился опрометью къ Женѣ, которую любилъ больше всѣхъ дѣтей, поднялся на цыпочки и потянулся къ ней губами, желая утѣшить поцѣлуемъ сестру и тутъ же громко вскрикнулъ, потерялъ равновѣсіе и растянулся на полу, увлекая за собой и Женю.

Плакала Женя, плакалъ Коля, плакала бэби на рукахъ у мамки, готовился заплакать и толстякъ Володя, испугавшись за щеку Жени. Одна только Катя стояла возмущенная надо всею этой плачущею командой и, размахивая уже по привычкѣ саблей, повторяла тономъ вполнѣ взрослаго человѣка:

— Ну вотъ, подите-же! Ну вотъ, можно ли играть во что нибудь серьезное съ этой мелюзгою!

II.

За общимъ шумомъ и ревомъ никто не слышалъ, какъ подкатила къ подъѣзду карета, какъ дрогнулъ звонокъ въ передней и засуетилась прислуга въ домѣ.

И только когда спустя долгое время кто-то быстро распахнулъ дверь и пріятнымъ звучнымъ голосомъ произнесъ съ порога:

— Здравствуйте, дѣти! — всѣ присутствующіе какъ по командѣ подняли головы и взглянули на дверь.

На порогѣ дѣтской стояла высокая тонкая дама съ черными гладко зачесанными волосами, съ красивымъ далеко еще не старымъ румянымъ лицомъ и съ серьезнымъ взглядомъ большихъ изъ сине-сѣрыхъ глазъ. Она была въ черномъ шелковомъ платьѣ, отъ котораго ея стройная тонкая фигура казалось еще выше, тоньше и стройнѣе.

— Здравствуйте дѣтки! Еще разъ проговорила красивая дама и быстрыми шагами, приблизясь къ Катѣ, стоявшей ближе другихъ къ дверямъ, крѣпко обняла и поцѣловала ее.

— Извините, я васъ не знаю! — произнесла въ смущеніи дѣвочка, однако не противилась поцѣлуямъ и какъ вполнѣ благовоспитанная маленькая барышня, сдѣлала книксенъ черной дамѣ.

Дама улыбнулась ласково и нѣжно.

— А взгляни на меня, дѣвочка, на кого я похожа? —спросила она Катю.

Теперь уже Катя вовсе растерялась, не будучи въ силахъ отвѣтить на кого похожа черная дама.

Но тутъ выступилъ Володя и, шаркнувъ ножкой передъ чужой дамой, заявилъ:

— Мнѣ кажется, что вы похожи на маму.

— Ахъ, ты голубчикъ. Догадался таки!—и чужая дама стала по очереди обнимать и цѣловать дѣтей.

Нечего и говорить, что слезы Жени и Коли высохли разомъ и они любопытными глазенками уставились на вновь прибывшую незнакомку.

— Такъ не знаете меня?—еще разъ спросила дама и обвела быстрымъ ласковымъ взглядомъ столпившихся вокругъ нея дѣтей.

— Не знаемъ! хоромъ отвѣчали дѣти.

— А я то ужъ отлично знаю васъ, — засмѣялась дама,—вотъ это моя крестница Катя, это мой крестникъ Коля и всѣ вы мои дорогіе внучата Женя, Коля и малютка бэби. А я бабушка ваша Екатерина Семеновна!

Новая бабушка! — удивленно воскликнули дѣти хоромъ.

— Заграничная бабушка! — тихо проронилъ Коля и тѣми же недоумѣвающими глазами вся маленькая толпа стала внимательно разсматривать новую бабушку.

Такой бабушки еще никогда не видѣли дѣти. У нихъ была бабушка, папина мама, старая генеральша Антрепова, сѣдая сморщенная старушка, а эта молодая, стройная и красивая дама, совсѣмъ не походила на бабушку.

Да неужели же это она и есть наша загра-

ничная бабушка, про которую еще вчера говорилъ папа, что она скоро къ нимъ пріѣдетъ! — недоумѣвали дѣти.

Правда, они знали, что заграницей живетъ ихъ бабушка, мамина мама, и даже видѣли ея портреты въ альбомѣ и въ рамкѣ у мамы на столѣ, но тамъ заграничная бабуша была снята уже совсѣмъ молодая и дѣтямъ говорили, что эти снимки были сдѣланы очень давно. А между тѣми портретами и этою живою бабушкою было такъ много сходства!

Теперь, вглядѣвшись въ нее повнимательнѣе, дѣти не могли этого не признать.

— Да! да! Вы наша бабушка! Теперь я узнаю васъ!—вскричала первая Катя и бросилась на шею къ вновь прибывшей. Только какая же вы молодая бабушка и какая красавица!—неожидано заключила она.

Бабушка улыбнулась и поцѣловала дѣвочку. Потомъ еще разъ перецѣловала всѣхъ, поздоровалась съ кормилицей и съ няней, приласкала бэби и сново обратилась къ дѣтямъ:

— А почему вы тутъ шумѣли и плакали, позвольте васъ спросить?—шутливо спросила она.

Тутъ выступила Катя и спѣшно-торопливо начала объяснять бабушкѣ, въ чемъ было дѣло.

— Играли въ войну... Осаждали крѣпость... Брали штурмомъ... Прибѣжала Женя, Володя нечаянно ее штыкомъ... Коля хотѣлъ утѣшить и самъ заревѣлъ... Вотъ и все... Съ малышами всегда много возни и шума,—снова своимъ прежнимъ тономъ вполнѣ взрослой барышни заключила Катя.

— А вы не забыли, дѣтки, что мама лежитъ больная, и что слезы и шумъ могутъ испугать и взволновать ее...— осторожно напомнила бабушка дѣтямъ и тѣ смущенно потупили головки.

Правда, они совсѣмъ забыли про больную маму сегодня! Ахъ, какъ могли они забыть! Бѣдная мама! Бѣдная мама!

Точно угадывая волновавшія дѣтей чувства, бабушка поспѣшила успокоить ихъ.

— Ну, ничего, ничего, ребятки! Мамочка слава Богу, спокойна. Я была у нее и отъ нее уже направилась къ вамъ. Она не слышала на этотъ разъ ни шуму, ни криковъ...

И говоря это, бабушка помѣстилась на диванѣ и занялась малюткой Лизой, все время протягивавшей къ ней рученки.

— Она просится къ вамъ, сударыня! – почтительно пояснила бабушкѣ мамка Пелагея.

Екатерина Семеновна взяла дѣвочку на руки и стала улюлюкая высоко подбрасывать ее. Бэби подпрыгивала на рукахъ бабушки и смѣялась своимъ заразительнымъ младенческимъ смѣхомъ. Старшіе дѣти окружили бабушку и во всѣ глаза смотрѣли на нее. Доброе, красивое, серьезное лицо новой бабушки съ каждой минутой нравилось имъ все больше и больше. Коля протискался къ самымъ колѣнямъ бабушки и положилъ на нихъ свою бѣлокурую головенку. Малютка бэби, гладила румяныя свѣжія бабушкины щеки своими крошками рученками и приговаривала что-то на своемъ никому непонятномъ дѣтскомъ языкѣ:

— Ба-ба пай! Баба—пай! Пай баба!

— Какъ васъ сразу полюбили дѣти, сударыня!—не могла не замѣтить няня Паша, которой очень понравилась эта высокая, ласковая барыня, успѣвшая сразу завладѣть симпатіей дѣтей,—вотъ когда генеральша Антверпина пріѣзжаютъ,—продолжала распространяться няня, недолюбливавшая сухую и чопорную мать своего барина,—тогда едва-едва удается вытащить изъ дѣтской дѣтей. Не любятъ ихъ дѣточки наши!

— Не правда, няня, я и ту бабушку люблю,—вступилась за отсутствующую Катя,—миссъ Фрей говоритъ, что надо всѣхъ любить, — пояснила самымъ серьезнымъ голосомъ дѣвочка.

— И я люблю!—вмѣшался въ разговоръ Володя.

— И я! И я!—подхватила Женя и малютка Коля, не зная еще въ чемъ было дѣло, вторилъ ей.—И я! И я!

— И хорошо дѣлаете, умники вы мои!—одобрила дѣтей Екатерина Семеновна.

Между тѣмъ все время молча разглядывавшій бабушку Воля произнесъ увѣренно, все еще не спуская съ нее глазъ:

— А вы, бабушка, совсѣмъ на бабушку не похожи. Катя правду сказала, что вы молодая и красивая. Вонъ у васъ и зубы-то всѣ цѣлые! Ни одного вставного нѣтъ!

— А ты почемъ знаешь про вставные зубы, мальчуганъ?—засмѣялась бабушка.

— А мы видѣли у той бабушки. У нее вставные!—

ничуть не смущаясь продолжалъ Волька. - Разъ Катя вбѣжала по утру, когда бабушка лежала въ постели и у нее не было зубовъ во рту, точно также какъ и у нашей бэби. А къ чаю вышла бабушка и во рту у нее опять были зубы, бѣлые, бѣлые, какъ миндаль. И горничная Настя говорила, что на ночь бабушка кладетъ свои зубы въ стаканъ съ водою.

— Полно болтать глупости Воля,—строго остановила Екатерина Семеновна мальчика,—не дѣло дѣтей разбирать у кого вставные, у кого настоящіе зубы, лучше вмѣсто этого хорошенько слѣдить за собою и стараться ничѣмъ не огорчать своихъ близкихъ. Не такъ ли мальчуганъ?

Голосъ бабушки звучалъ строго, а сѣро-синіе глаза ея смотрѣли кротко и нѣжно на провинившагося Володю. Эти синіе, милые глаза такъ и манили, такъ и притягивали къ себѣ.

— Бабушка! Что за чудные у васъ глазки!—искренне вырвалось изъ пухлаго ротика карапуза Коли.

Всѣ засмѣялись на это. И бабушка, и дѣти, и Пелагея и Паша.

— Да, да!—ничуть не смущаясь, продолжалъ восторгаться Коля,—синіе, синіе какъ цвѣточки... И совсѣмъ такіе же, какъ у мамы...

— И зубки, какъ у мамы, и волоса черные, черные, и ротикъ и...—въ перегонки захлебываясь и торопясь, пересчитывали дѣти...

— Ну дѣтишки, разобрали же вы меня по косточкамъ!—засмѣялась бабушка.

— Что это значитъ разобрать по косточкамъ, ба-

бушка?—широко раскрывая недоумѣлые глазки, спросила Женя.

— Какая ты Женька дура!—не удержался Воля и съ искреннимъ негодованіемъ взглянулъ на сестру.

— А ты Воля, ты самъ знаешь ли, что значитъ разобрать кого нибудь по косточкамъ?—обратилась бабушка съ вопросомъ къ Володѣ.

— Не... не знаю!..—смущенно прошепталъ тотъ.

— А если самъ не знаешь, такъ нечего и сестру бранить за это!—строго произнесла бабушка и Володя весь красный, какъ піонъ, смущенно приникъ къ плечу бабушки.

— Прости меня, пожалуйста, бабушка,—произнесъ чуть слышно мальчикъ и поцѣловалъ бѣлую тонкую руку бабушки, съ однимъ гладкимъ кольцомъ на четвертомъ пальцѣ.

— И руки у тебя такія же, какъ у мамы!—не удержалась, чтобы не замѣтить Женя.

Дѣти сами не замѣтили, какъ перешли на «ты» въ разговорѣ съ бабушкой. Имъ показалось, что они давно, давно знаютъ ее, и такую, такую ласковую и справедливую, успѣвшую такъ быстро покорить ихъ сердца.

— Ахъ, какъ хорошо пахнутъ бабушкины ручки! Я знаю какіе это духи... Ахъ, мнѣ не выговорить только!—тароторила Женя, глядя теперь съ нескрываемымъ восхищеніемъ въ синіе, ласковые глаза бабушки.

— Когда выучишься говорить по французски тогда и съумѣешь назвать эти духи,—улыбаясь произнесла та.

— А вы, бабушка, говорите по французски? — не унималась бойкая Женя.

— Конечно говоритъ, — отвѣчала за бабушку Катя.—Бабушка все знаетъ: умѣетъ говорить и по французски, и по нѣмецки, и по англійски, по итальянски и... и...

— И по испански, — пришла на помощь дѣвочкѣ Екатерина Семеновна.

И потомъ, взглянувъ на золотые часики, висѣвшіе у пояса, она сказала:

— Скоро четыре. Вы пойдете повидать маму. Она успѣла сообщить мнѣ, что въ десять часовъ утра, въ четыре дня и восемь вечера, вы приходите всегда навѣщать нашу дорогую больную. Сегодня по случаю моего пріѣзда вы всѣ будете обѣдать вмѣстѣ со мною въ столовой.

— Ахъ, какая радость! Какая радость! Сегодня у насъ праздникъ! Сегодня мы всѣ обѣдаемъ съ бабушкой въ столовой! — запрыгали и заволновались вокругъ Екатерины Семеновны дѣти.

Потомъ быстро стащили съ себя кивера, сабли, эполеты и небрежно побросавъ все это на диванъ, сказали нянѣ Пашѣ убрать крѣпость и всѣ эти военные аттрибуты.

— Какъ? — изумилась бабушка, — что я слышу? развѣ не вы сами убираете ваши игрушки.

Дѣти смутились.

Катя выступила съ виноватымъ видомъ впередъ.

— Нѣтъ... бабушка... иногда мы сами,—начала она

смущено,—только теперь... сегодня... вотъ... - и она окончательно спуталась и смутилась.

— Вотъ что, мои милые, — обращаясь къ дѣтямъ, произнесла бабуша и теперь, и послѣ, и всегда, прежде чѣмъ уйти на долго изъ дѣтской, вы обязаны убрать къ мѣсту всѣ ваши игрушки. И тогда мы будемъ съ вами закадычными друзьями!— уже ласково и добродушно пошутила она.

Не говоря ни слова дѣти бросились къ игрушкамъ и самымъ тщательнымъ образомъ принялись укладывать ихъ въ небольшой игрушечный шкапикъ.

Потомъ они на перегонку побѣжали къ умывальнику и одинъ за другимъ и также тщательно вымыли себѣ руки и лица.

— Теперь мы готовы и можемъ идти къ мамѣ. Сейчасъ она пришлетъ за нами кого нибудь,—проговорила Катя и нетерпѣливо взглянула не дверь.

III.

Ея предположеніе сейчасъ же оправдалось. Вошла мисъ Фрей, высокая, рыжая англичанка и проговорила по англійски:

— Мамаша проситъ васъ къ себѣ.

Миссъ Фрей и бабушка уже успѣли познакомиться въ комнатѣ мамы въ первую минуту пріѣзда дорогой гостьи и теперь непринужденно заговорили о дѣтяхъ.

Бабушка хвалила дѣтей, миссъ Фрей сіяла отъ удовольствія.

Воспитателямъ и воспитательницамъ всегда пріятно

ятно слышать, когда хвалятъ ихъ юныхъ питомцевъ.

Потомъ, мисъ Фрей взяла за руку Катю и Женю, бабушка Володю и Колю, мамка понесла на рукахъ бэби Лизу и все это многочисленное общество направилось въ комнату больной мамы.

А мама уже поджидала дорогихъ гостей.

Она сидѣла на своей бѣлоснѣжной постели, вся обложенная подушками и не сводила съ двери нетерпѣливаго взгляда. Когда къ ней вошли дѣти съ бабушкой, эти глаза ярко засвѣтились любовью и лаской.

— Милые мои! Дорогая моя мамочка! — прошептала больная, протягивая исхудалыя руки навстрѣчу вошедшимъ и дѣти бросились къ ней и припали губами къ этимъ блѣдненькимъ нѣжнымъ исхудалымъ ручкамъ.

Малютка Лиза издали потянулась къ матери. Кормилица поспѣшила исполнить желаніе бэби и посадила Лизу на кровать подлѣ мамы. Мама была слишкомъ слаба, чтобы взять на руки крошку. Она только обняла бэби, прижала ее къ себѣ и указала прочимъ дѣтямъ куда имъ помѣститься.

Послѣдніе не заставили повторять приглашенія. Катя сѣла на стулъ, стоявшій подлѣ маминой кровати, Воля присѣлъ на краюшекъ постели, Женя, стоя подлѣ, прикурнула къ плечу мамы, Коля вскарабкался на кровать и, свернувшись клубочкомъ, какъ котенокъ притулился у нея въ ногахъ.

Всѣ чувствовали себя хорошо, радостно и уютно.

Бабушка издали смотрѣла на эту картину и ласково улыбалась и больной дочери и ея дѣткамъ.

Больная протянула ей свободную руку и бабушка, понявъ этотъ жестъ, быстро приблизилась къ постели дочери и заняла свободное кресло около нея.

— Тебѣ лучше, мамочка?—прижимая свою черненькую, какъ мушка головку къ груди, мамы спрашивала Катя.

— Лучше дѣточка!—Слабо улыбнулась та.

— Но все таки, родная моя дѣточка, докторъ посылаетъ вашу маму заграницу и я уѣду очень скоро туда вмѣстѣ съ папой. А вы останетесь съ бабушкой дома и будете мнѣ писать письма часто, часто и умно, послушно вести себя, неправда-ли, дѣтки?—все также кротко улыбаясь говорила больная.

— Правда, правда мамочка! — подхватили всѣ дѣти, кромѣ Кати. Катя молчала..

Она была старше своихъ братьевъ и сестеръ и понимала лучше ихъ всѣхъ, что значило остаться дома безъ мамы. Ея маленькое сердечко сжалось отъ тоски. На черныхъ рѣсницахъ заблестѣми слезинки.

Бабушка сразу поняла, что переживала въ душѣ бѣдная дѣвочка. Она нѣжно обвила ея черненькую головку, прижала ее къ своей груди и зашептала въ розовое, разгорѣвшееся ушко Кати:

— Мамѣ необходимо ѣхать полечиться, дорогая моя. Мамочка ваша должна уѣхать, но я останусь съ вами. Я буду читать тебѣ интересныя книжки, буду гулять и играть съ тобою. Не оставлю тебя ни на мину одну. Только не разстраивай мамы, дѣтка... Удержи свои слезы, родная!

— Хорошо!—шопотомъ отозвалась Катя и скрыла взволнованное личико на бабушкиной груди.

— А ты вѣдь скоро вернешься?.. Неправда-ли мамочка?—освѣдомился Володя, цѣлуя худенькую мамину ручку.

— Не знаю, мой мальчикъ, — возразила мама.— Все будетъ зависѣть отъ моего леченья. Можетъ быть черезъ годъ, а можетъ быть и позднѣе. Какъ только выздоровлю, сейчасъ же обратно, какъ на крыльяхъ прилечу къ вамъ къ моимъ птенчикамъ!—еще разъ попробовала улыбнуться мама. Потомъ, помолчавъ немного, какъ бы собираясь съ силами и снова заговорила:

— Я буду спокойна за васъ, мои дѣтки, тамъ за границей... Вѣдь моя милая мама и ваша бабушка будетъ находиться теперь безотлучно при васъ!—Но тутъ непрошенныя слезы набѣжали на глаза больной и повисли на ея рѣсницахъ.

Чтобы разсѣять ее немного, бабушка бодро и весело обратилась къ дѣтямъ:

— А знаете-ли мои милые, что я придумала для васъ?

— Что? Что? Что бабушка? Голубушка, говори скорѣе! — послышались со всѣхъ сторонъ нетерпѣливые звонкіе голоса.

— А вотъ что!—улыбаясь продолжала бабушка,— мы возьмемъ съ вами длинную полосу бумаги и размѣтимъ на ней мѣсяцы, недѣли и дни маминаго отсутствія за границей. Каждый день мы будемъ отчеркивать прожитый безъ мамы день и считать

сколько ихъ еще осталось. Не дурно вѣдь я придумала, дѣтки?

— Отлично! Отлично!—обрадовались тѣ.

— Ну, а теперь мы пойдемъ обѣдать, а послѣ обѣда я повезу васъ покататься. Цѣлуйте же маму и отправляйтесь въ столовую, я думаю, обѣдъ уже на столѣ! — скомандовала бабушка и первая, наклонившись къ больной, крѣпко поцѣловала ее.

Примѣру бабушки послѣдовали и дѣти. Они всѣ перецѣловали больную маму, и гуськомъ на цыпочкахъ вышли изъ ея комнаты. Одна бэби осталась лежать на маминой кроваткѣ. Но бэби не могла потревожить покоя мамы.

Подложивъ крошечные кулачки подъ разгорѣвшуюся щечку, бэби крѣпко спала, сладко посапывая носикомъ. Больная мама молча и долго любовалась своей спящей крошкой.

VI.

Когда бабушка съ дѣтьми входила въ столовую, миссъ Фрей и няня Паша громко спорили о чемъ-то. Миссъ Фрей старалась доказать что-то нянѣ, но та, не слушая ее, только махала руками и вся красная, какъ піонъ, повторяла сердито:

— Это по вашему, по басурманскому, такъ выходитъ, а по нашему, по русскому, не такъ совсѣмъ. Мы по русски иначе все дѣлаемъ, вотъ что!—

На что возмущенная въ душѣ, но спокойная по виду гувернантка отвѣчала, безбожно коверкая слова:

— О эти рюсски нянь... Они столько некорошо дѣляль для свой питомецъ.

— Въ чемъ дѣло?—появляясь неожиданно на порогѣ столовой, спросила бабушка.

Тогда миссъ Фрей стала объяснять бабушкѣ все происшедшее.

Бульонъ, налитый для Коли, былъ слишкомъ горячъ и, чтобы остудить его, няня Паша стала дуть въ его тарелку, а дуть въ супъ, который будетъ кушать ребенокъ, миссъ Фрей находила очень вреднымъ.

Бабушка вполнѣ согласилась съ нею.

Она взяла тарелку съ супомъ изъ рукъ няни и, объяснивъ ей очень кротко, что на этотъ разъ она не права, поставила тарелку на подоконникъ.

Потомъ, всѣ сѣли за столъ. Обѣдъ прошелъ вполнѣ чинно и благополучно.

За обѣдомъ бабушка разсказала дѣтямъ, что къ вечеру съ вокзала желѣзной дороги привезутъ ея сундуки и саквояжи, а въ нихъ кое-что припрятано для ея дорогихъ внучатъ.

Послѣ обѣда заложили коляску и бабушка съ англичанкой и дѣтьми отправилась на прогулку.

Что это была за чудная прогулка! На каждый вопросъ дѣтей, а вопросовъ этихъ сыпалось не мало, бабушка не отвѣчала какъ няня Паша—„выростишь—узнаешь“ или „будешь скоро все знать—скоро состаришся“, а подробно и толково поясняла все, о чемъ спрашивали дѣти. Было около 5-ти часовъ, когда они всѣ подъѣхали къ Лѣтнему саду, вышли изъ экипажа и очутились въ его тѣнистыхъ широкихъ алеяхъ.

Дѣти два раза въ день утромъ до завтрака отъ одиннадцати до часа гуляли здѣсь и вечеромъ отъ 5 до 6.

Около памятника дѣдушки Крылова они встрѣтились со своими пріятелями, такими же маленькими дѣтьми и затѣяли веселую игру съ ними.

Одинъ только карапузикъ Коля остался сидѣть на скамейкѣ подлѣ бабушки, потому что остальные дѣти были много старше его и могли нечаянно толкнуть малютку и бабушка стала разсказывать мальчику такія чудесныя сказки, какихъ Колѣ и не приходилось слышать никогда.

Незамѣтно пробѣжало время.

Надо было возвращаться домой.

Какова же была радость дѣтей, когда, вернувшись съ прогулки, они увидѣли посреди прихожей запакованные сундуки и чемоданы.

— Ну вотъ пріѣхали ваши подарки, дѣтки,—обращаясь къ внучатамъ заявила бабушка и тутъ же попросила лакея и дворника перенести вещи въ ея комнату.

Дѣти быстро сняли съ себя верхнія одежды и въ припрыжку, перегоняя другъ друга, съ веселыми восклицаніями и смѣхомъ бросились слѣдомъ за нею.

Первымъ былъ вынутъ изъ сундука кукольный театръ для Кати.

Прелестный же былъ то театръ!

Чего-чего тамъ не было! И декораціи, разрисованныя самымъ блестящимъ образомъ, и ложи для публики по обѣимъ сторонамъ его, и шумящій шелко-

вый занавѣсъ и актеры съ актрисами, двигающіеся и присѣдавшія, благодаря заводнымъ пружинкамъ.

Тутъ же былъ приложенъ и сборникъ дѣтскихъ піесъ, которыя можно было представлять въ этомъ театрѣ.

Но этимъ не ограничилась нѣжная забота бабушки о старшей внучкѣ.

Кромѣ театра Катя получила еще «настоящую» маленькую плиту, которую можно было растапливать углями. Къ ней было приложено нѣсколько крошечныхъ мѣдныхъ кострюлей, въ которыхъ Катя могла какъ заправская маленькая хозяйка сварить на «настоящей» плитѣ «настоящій обѣдъ».

Володя получилъ чудную лошадь, покрытую шкурой, съ мягкими какъ шелкъ густыми гривою и хвостомъ. Лошадь при помощи ключика заводилась и довольно быстро двигалась по комнатѣ. Она была большихъ размѣровъ и сіяющій отъ восторга Володя могъ успѣшно кататься сидя на ней верхомъ.

Прелестный небольшой органъ, играющій цѣлый десятокъ всевозможныхъ веселыхъ пьесокъ, былъ добавочный подарокъ къ коню Волѣ отъ баловницы—бабушки.

Женя не помнила себя отъ восторга, увидя огромную куклу съ закрывающимися глазами, говорившую «папа и мама» и голубую шелковую люльку для этой очаровательной бэби.

Женя поцѣловала свою новую дочку, потомъ кинулась на шею бабушкѣ и снова цѣловала бэби, тихо взвизгивая отъ восторга. Не меньше ее визжалъ отъ

радости и Коля, когда бабушка посадила его въ небольшую телѣжку, запряженную игрушечнымъ осликомъ. Бабушка нажала на груди ослика какую то пружинку и телѣжка съ осликомъ и Колей быстро покатилась по паркету. Кромѣ того бабушка вручила Колѣ огромный мячикъ съ голову пятилѣтняго ребенка, заключенный въ красивую пурпуровую сѣтку.

Получивъ всѣ эти сокровища, дѣти кинулись къ матери показывать ихъ ей. Ихъ сіяющія личики и сверкающіе глазенки заставили сладко забиться сердце больной.

Она обратила озаренное чувствомъ глубокаго признанія лицо къ матери и проговорила:

— Ты всегда такая мама! Себя забываешь для другихъ. Только и думаешь какъ-бы побольше счастья и радости принести окружающимъ! Милая, милая, добрая моя мамочка!

И худенькія, слабыя руки больной обвились вокругъ шеи Екатерины Семеновны.

— Богъ съ тобою, выздоравливай только, Вѣрочка! — прошептала та, отвѣчая лаской на ласку дочери,— всей душой моей надѣюсь, что милосердный Господь сохранитъ тебя на радость твоимъ дѣткамъ.

Не позабыла бабушка и бэби. Для нее былъ привезенъ пестрый клоунъ съ такой забавной рожицей, что малютка Лиза не могла безъ смѣха смотрѣть на него. Рядомъ съ клоуномъ положила къ ней въ люльку бабушка и хорошенькаго, бѣлаго какъ снѣгъ заводного барашка. Барашекъ нагибалъ голову, переступалъ съ ноги на ногу и тянулъ звонкимъ голосомъ:

— Бэ-бэ-бэ-бэ!

Въ тотъ же вечеръ уложивъ спать счастливыхъ, радостныхъ дѣтишекъ и перекрестивъ кроватку каждаго изъ нихъ, бабушка прошла въ кабинетъ къ папѣ.

Папа всталъ съ своего кресла, въ которомъ писалъ что-то за письменнымъ столомъ, подошелъ къ бабушкѣ и крѣпко поцѣловалъ ея руку.

— Богъ вознаградитъ васъ за дѣтей и за бѣднум больную мою Вѣрочку, дорогая мамаша! — произнесъ онъ глубоко растроганнымъ голосомъ. — Еслибъ не было васъ, мы-бы не могли уѣхать за границу и оставить здѣсь нашу милую дѣтвору.

И глаза папы ярко блестѣли, когда онъ говорилъ это.

Бабушка крѣпко молча пожала его руку и они направились въ комнату мамы пожелать спокойной ночи ихъ дорогой больной.

II.

Мама ѣдетъ за границу.

27-го Марта былъ назначенъ отъѣздъ мамы за границу. За два дня до этого былъ праздникъ Благовѣщенія и въ этотъ день бабушка посовѣтовала мамѣ и папѣ отслужить напутственный молебенъ передъ долгой дорогой.

Съ самаго утра поднялась суматоха въ домѣ. Миссъ Фрей, няня Паша и мамка Пелагея съ ногъ сбились одѣвая и приготовляя къ торжественному событію дѣтей.

За то какъ нарядны и милы казались дѣти въ своихъ новыхъ праздничныхъ костюмахъ съ особенно тщательно причесанными въ этотъ день головками!

Принарядили и больную маму.

Когда дѣти вошли къ ней, мама сидѣла, поддерживаемая со всѣхъ сторонъ подушками не на постели, какъ раньше, а въ большомъ удобномъ вольтеровскомъ креслѣ съ укутанными теплымъ пледомъ ногами.

— Тебѣ лучше, неправда-ли, мамочка? — спрашивала прыгая на мѣстѣ и хлопая въ ладоши рѣзвушка Женя. — Мамѣ лучше! — обратилась она весело къ

братьямъ и сестрѣ, окружавшимъ со всѣхъ сторонъ мамино кресло. — А когда мы помолимся за маму во время молебна, ей еще лучше будетъ! — неожиданно закончила милая дѣвочка.

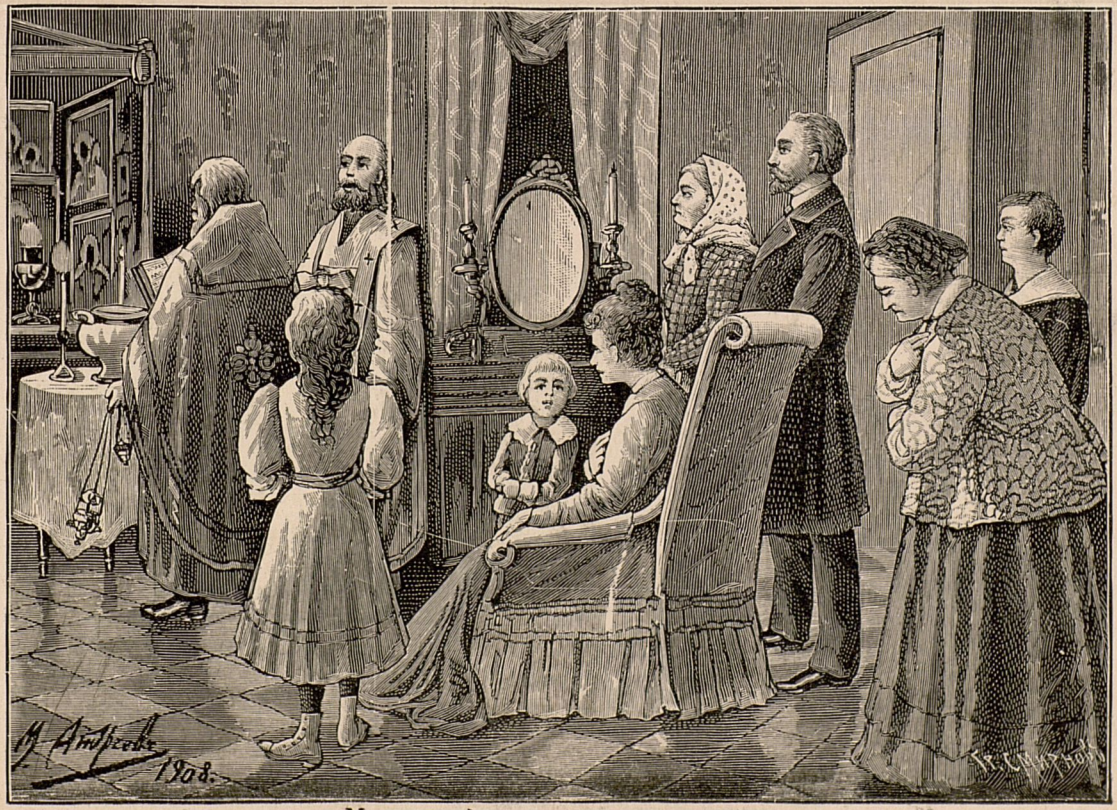
— Поцѣлуй меня за твои добрыя слова, крошка!— слабымъ голосомъ отозвалась мама и крѣпко, крѣпко поцѣловала веселое и счастливое личико дочурки. Вслѣдъ за Женей потянулись къ мамѣ и остальные дѣти. Всѣмъ хотѣлось приласкать дорогую больную.

— Не тормошите маму, дѣтки!—предупредила ихъ бабушка, мамѣ нуженъ полный покой и тишина...

— Ничего, мамочка,—не безпокойся родная! Вѣдь послѣдніе дни провожу съ моими дорогими малютками. Скоро на долго придется покинуть ихъ,—тихо прошептала больная. Голосъ мамы вздрагивалъ, когда она говорила это и въ ея печальныхъ, красивыхъ глазахъ стояли слезы. Катѣ и Володѣ самимъ захотѣлось плакать при видѣ грустнаго лица мамы, они больше младшихъ сестры и брата понимали, что творилось на душѣ ихъ мамули и какъ тяжело ей было разставаться со своею милою дѣтворой. Но и Катя и Воля сознавали въ то же время, что если заплачутъ они, то еще тяжелѣе станетъ на сердцѣ бѣдной, дорогой мамы... Еще болѣзненнѣе почувствуетъ она себя.

Къ счастью въ эту минуту вошла горничная, Настя и объявила во всеуслышаніе, что «батюшка изволили прійти и дожидаются въ гостиной».

— Просите, батюшку, сюда! Здѣсь все для молебна приготовлено!—проронила слабымъ голосомъ мама. Дѣйствительно, въ переднемъ углу большой и



Мама уѣзжаетъ заграницу.

просторной маминой спальни передъ кіотой съ образами, стоялъ столъ, покрытый бѣлоснѣжною скатертью, на немъ помѣщался образъ и восковыя церковныя свѣчи, воткнутые въ подсвѣчники передъ нимъ.

— Пожалуйте, батюшка, просимъ начинать покорно! — обратился папа къ священнику, войдя слѣдомъ за нимъ въ мамину спальню.

Священникъ былъ не одинъ. Съ нимъ пришелъ и дьяконъ съ дьячкомъ изъ собора. Оба успѣли уже облачиться въ гостиной и теперь своими серебряными ризами придали особенную церковную торжественность скромнай домашней обстановкѣ.

Во время молебна всѣ горячо молились: молилась сидя въ своемъ креслѣ, не имѣя силъ подняться съ него, сама мама, молилась бабушка, стоя на колѣняхъ подлѣ этого кресла, молился папа и дѣти.

Катя и Воля тѣсно прижавшись другъ къ другу и не отрывая взгляда отъ кіота, тихо беззвучно шептали про себя слова молитвъ, ежеминутно прибавляя къ нимъ просьбу къ Богу спасти и помиловать ихъ дорогую маму. Особенно горячо молилась Катя. Она была уже большая дѣвочка и понимала, какъ тяжело и грустно будетъ уѣзжать отъ дѣтей больной ихъ мамѣ и въ свою очередь, какъ трудно и горько имъ дѣтямъ разлучаться съ нею. Но Катя сознавала въ то же время и всю необходимость такой поѣздки и смиренно подчинялась ей, моля только Бога объ одномъ: помочь мамѣ, вылечить, исцѣлить ихъ дорогую. Не одна Катя, впрочемъ, горячо молилась объ этомъ. Молились и бабушка съ папой и вся прислуга,

искренно любившая тихую, кроткую и ласковую барыню. Прислуга столпилась у порога маминой спальни, истово крестясь, клала частые земные поклоны, повторяла слова молитвъ за священникомъ, словомъ, какъ умѣла горячо и искренно слала свои безхитростныя просьбы Богу.

Одинъ только маленькій Коля никакъ не могъ послѣдовать общему примѣру. Онъ былъ слишкомъ малъ, чтобы понять все торжественное значеніе момента. Прогуливаясь самымъ безцеремоннымъ образомъ отъ няни къ мамкѣ и отъ мамки къ миссъ Фрей, Коля вдругъ неожиданно замѣтилъ струившіяся по лицу Кати слезы.

— Няня! няня Паша! а няня Паша! дернулъ онъ няньку за передникъ, мгновенно очутившись подлѣ нея.

— Зачѣмъ Катя плачетъ? У нея зубки болятъ?

— Молись, душенька, не разговаривай! За мамочку помолись хорошенько, чтобы Боженька мамочкѣ здоровьице послалъ! — и, притянувъ къ себѣ поближе Колю, няня стала истово креститься и отбивать земные поклоны.

Глядя на нее, сталъ точно также молиться и кланяться, припадая головенкой къ полу, и Коля.

Это показалось мальчику крайне забавнымъ и интереснымъ. Вскорѣ онъ совсѣмъ уже улегся на полъ и бойко поглядывалъ на всѣхъ снизу вверхъ своими черными, какъ коринки глазами.

— Я нынечка за маму молюсь, и за бабу, и за папу, и за Катю, и за Волю, и за Женю, и за Лизу,

и за тебя, нянечка,—перечислялъ по прежнему лежа головкой на полу, ребенокъ. — А за мамку Пелагею не хочу молиться. Она меня вчера изъ Лизиной дѣтской выгнала, я за нее не буду, она злая, и за трубочиста не буду онъ черный! — совсѣмъ уже неожиданно закончилъ свою рѣчь мальчикъ.

— Не хорошо, ай не хорошо, Колюша. Молиться мѣшаетъ нянѣ.—шопотомъ урезонивала Паша своего любимца.

Но тотъ никакъ не могъ успокоиться сегодня.

— Нянечка, а за кота Ваську я забылъ помолиться... Можно вѣдь за котика молиться няня— снова дергая за передникъ няню, освѣдомился ребенокъ.

— Можно, можно. За всѣхъ молись крошечка!— шопотомъ соглашалась няня.

— А за попку можно? И за попку помолиться надо вѣдь нянечка?—не унимался Коля.

Но тутъ, видя, что маленькая Женя, начинаетъ прислушиваться къ Колиной болтовнѣ, забывая про молитву, няня быстро подхватила на руки своего любимца и унесла его въ сосѣднюю комнату.

— Ну, посиди здѣсь, батюшка, пока няня помолится, смирно, посиди, душенька, мѣшать молиться людямъ грѣшно, — наставительно замѣтила она и, посадивъ Колю въ кресло, дала ему первую попавшуюся игрушку въ руки, а сама снова поспѣшила въ мамину спальню дослушивать молебенъ.

Коля, помня наставленіе няни посидѣлъ съ ми-

нуту самымъ спокойнымъ образомъ въ креслѣ, чутко прислушиваясь къ возгласамъ священника, доносившимся сюда, но вскорѣ ему показалось скучнымъ сидѣть одному въ пустой комнатѣ и быстро соскользнувъ съ кресла, онъ снова пробрался корридоромъ въ спальню.

На порогѣ ея, позади всѣхъ молящихъ стоялъ лакей Василій.

Коля дернулъ Василія за фалду его фрака и звонкимъ шопотомъ произнесъ:

— Зачѣмъ это вода на столѣ стоитъ въ мискѣ, а въ ней кисточка?

— Это святая вода, Коленька, ею кропить будутъ... —отрывистымъ шопотомъ произнесъ Василій.

— А кисточка?—продолжалъ допытываться Коля.

— Вотъ кисточкой и будутъ кропить... Ахъ какой вы Коленька. Ступайте-ка впередъ... къ папашѣ... Сейчасъ къ кресту прикладываться будутъ, — недовольнымъ голосомъ проговорилъ отвлеченный отъ молитвы Василій и провелъ Колю впередъ.

Между тѣмъ, священникъ, поднялъ крестъ, приложился къ нему самъ, потомъ поднесъ его къ больной мамѣ.

Мама трепещущими губами поцѣловала крестъ. За нею стали прикладываться и остальные. Послѣ чего духовенство сняло ризы и батюшка сталъ прощаться съ присутствующими.

Папа прощаясь съ нимъ, вложилъ что-то въ руку священника.

Отъ внимательныхъ всевидящихъ глазенокъ Коли не ускользнуло и это.

— Что это далъ батюшкѣ папа?—снова затормошилъ онъ няню.

— Денегъ далъ, Коленька!—тихо отвѣтила та.

— Много денегъ? Много?

— Вотъ то вѣдь присталъ, прости Господи! И помолиться не далъ, какъ слѣдуетъ! Чистое съ нимъ наказаніе сегодня!—окончательно разсердилась няня и, чтобы не мѣшать папѣ разговаривать съ батюшкой, увела Колю въ залу.

Изъ окна залы видно было стоявшую у подъѣзда карету, которая привезла духовенство.

— Какая у батюшекъ карета хорошая, — началъ было Коля и неожиданно вскрикнулъ:

— Да карета то наша!.. И Гнѣдко нашъ, и Прохоръ нашъ сидитъ на козлахъ! Правда няня?

— Наша, душенька, наша!—подтвердила и няня.

— Значитъ у батюшки нѣтъ своей кареты?

— Значитъ нѣтъ!

Коля задумался на минуту, что-то соображая. Даже брови нахмурилъ и такъ сморщилъ носикъ, что глядя на его серіезную сосредоточенную мордочку нельзя было отъ души не расхохотаться.

— Няня! Няня! Что я придумалъ то!—неожиданно обрадовался онъ и тутъ же у окна запрыгалъ отъ восторга на одной ножкѣ.

— Сейчасъ, ты сказала, папа батюшкѣ денегъ далъ за молебенъ. Много?

— Не знаю капелька, думаю десять рублей далъ.

Завсегда они такъ за молебенъ платятъ батюшкѣ...— отвѣчала няня.

— Ну вотъ, ну вотъ! Я побѣгу къ батюшкѣ и скажу чтобы онъ на эти деньги купилъ себѣ карету,—вскричалъ Коля и ринулся было въ мамину спальню, гдѣ священникъ задержался немного разговаривая съ больной.

Хорошо еще, что няня во время успѣла удержать своего питомца и несмотря на протесты Коли не отпускала его отъ себя.

— Посмотри лучше, душенька, какъ батюшка въ карету садиться станетъ,— уговаривала няня, увлекая къ окну ребенка.

Дѣйствительно, вскорѣ показался батюшка, дьяконъ и причетникъ. Прохоръ дернулъ возжами, карета поровнялась съ крыльцомъ. Духовенство помѣстилось въ экипажѣ и карета ровно и быстро покатила по торцовой мостовой.

— Ну вотъ, ну вотъ!—довольнымъ и уже примиреннымъ голосомъ проговорилъ Коля, — теперь батюшка уѣхалъ въ нашей каретѣ, а въ слѣдующій разъ пріѣдетъ уже въ своей. Онъ, навѣрное, купитъ себѣ карету, на тѣ деньги, которые ему далъ сегодня папа.

— Ну за десять рублей кареты не купишь — засмѣялась няня. — Пойдемъ-ка лучше завтракать, капелька. Давно пора!

И няня повела Колю въ дѣтскую, гдѣ уже завтракала бэби на рукахъ у мамки.

II.

Весь день прошелъ, какъ праздникъ.

Мама чувствовала себя много бодрѣе послѣ молебна, съ аппетитомъ покушала бульону и прилегла послѣ завтрака отдохнуть.

Дѣтей изъ столовой провели въ залу. Это была самая отдаленная отъ маминой спальни комната и здѣсь можно было играть и шумѣть сколько угодно, не опасаясь потревожить больную.

Въ большой залѣ было просторно и свѣтло. Лучи солнца ударяли въ золоченыя рамы картинъ и бѣлые зайчики бѣгали по стѣнамъ и потолку огромной комнаты, точно само солнышко хотѣло вмѣшаться въ игры и забавы дѣтей въ этотъ веселый и великій денекъ и радовалось съ ними вмѣстѣ.

Очевидно, бодрое здоровое настроеніе мамы подѣйствовало и на дѣтвору.

По крайней мѣрѣ, и Воля и Женя увѣряли, что имъ давно не было такъ весело, какъ сегодня.

Миссъ Фрей, няня Паша, Настя и даже мамка съ бэби вмѣшались въ игру и всячески способствовали общему оживленію. А когда, пообѣдавъ вмѣстѣ съ большими ради праздника въ столовой, дѣти вернулись снова въ залу, къ нимъ присоединились и бабушка съ папой, устроившихъ веселую игру въ „фанты“ и въ „уголки“.

Незамѣтно подкрался вечеръ.

Ровно въ восемь, напоивъ дѣтей молокомъ, ихъ повели прощаться къ мамѣ.

Мама чувствовала себя по прежнему прекрасно и Воля даже выразилъ робкое мнѣніе о томъ, что врядъ-ли понадобиться теперь вести маму за границу.

На что бабушка печально улыбнулась и крѣпко расцѣловала мальчика въ обѣ щеки.

III

Весь слѣдующій день прошелъ въ упаковкѣ дорожныхъ сундуковъ и саквояжей.

Дѣти какъ могли помогали взрослымъ въ укладкѣ вещей.

Особенно суетились Катя и Володя. Они подавали горничной бѣлье изъ комода, вещи изъ шкаповъ, которыя одна за другою исчезали въ глубинѣ объемистыхъ чемодановъ.

Оба они, несмотря на всю эту дѣловитую суетню, были очень грустно настроены сегодня.

Когда старшихъ дѣтей позвали въ классную, куда ежедневно приходила къ нимъ учительница Людмила Михайловна, Катя и Воля сообщили ей, что они не приготовили на сегодня уроковъ.

— Мама уѣзжаетъ завтра, печально пояснила Катя,—да и нѣкогда было мы укладывались....

И личико Кати было такое грустное при этомъ, что у Людмилы Михайловны духу не хватило пожурить дѣвочку за невыученный урокъ. Она сдѣлала дѣтямъ небольшую диктовку, задала имъ легенькую задачу и отпустила ихъ снова продолжать прерванную ими занятіе.

Что-то неуловимо-грустное и тоскливое протянулось темною тучею въ этотъ день надъ головками дѣтишекъ.

Во всѣхъ этихъ головкахъ усиленно работала одна и таже тревожная мысль. «Пройдетъ ночь. Наступитъ завтра, и завтра милая больная мамочка уѣдетъ за границу».

И впервыя въ безпечныя дѣтскія сердечки толкнулось горе... Жаль было разставаться съ мамой, не хотѣлось отпускать ее....

Даже малютка Коля сознавалъ теперь, что какъ будто что-то неладное творится въ домѣ и долго ворочался передъ сномъ въ этотъ вечеръ, пока не заснулъ въ своей теплой дѣтской кроваткѣ.

III.

Мама уѣхала.

Наконецъ настало и это «завтра».

Печальное «завтра». Не только печальное въ домѣ, но и на дворѣ. Небо хмурилось все обложенное тучами. Мокрый снѣгъ падалъ съ неба и тутъ-же таялъ, едва достигая земли. Было холодно, сыро и не уютно. Точно сама петербургская погода сожалѣла маму, не хотѣла разстаться съ ней и хмурилась и плакала за окномъ.

У Кати и Жени были уже съ утра заплаканныя лица. Володя крѣпился. Володя хотѣлъ показать сестрамъ, что онъ настоящій мужчина и только кусалъ губы да стискивалъ зубенки, чтобы не разрыдаться навзрыдъ. Коля же, видя необычайную суету въ домѣ, очень заинтересовался ею. Коля былъ еще слишкомъ малъ, чтобы принять ближе къ сердцу предстоящую разлуку.

Къ тому же все его вниманіе было обращено на карету, поданную къ крыльцу, куда Настя съ няней и Васильемъ выносила чемоданы, подушки, саквояжи и одѣяла, свернутыя въ трубочку и затянутые ремнями.

Коля, подъ надзоромъ мамки Пелагеи, вмѣстѣ съ бэби занялъ наблюдательный постъ у окна гостиной.

У другого окна пріютились Катя, Женя и Володя. Теперь уже и «взрослый мужчина»—Володя не могъ сдерживаться больше и всѣ трое плакали горькими слезами.

Бабушка незамѣтно приблизилась къ дѣтямъ и стала утѣшать ихъ.

— Не надо плакать! Не надо плакать, родные вы мои! говорила бубушка, цѣлуя и лаская дѣтей поочередно.

— Развѣ вы не знаете, что только поѣздка за границу можетъ помочь вашей мамѣ?..

А вы вѣдь такъ хотите, неправда-ли, видѣть вашу мамочку совсѣмъ бодрой и здоровой!...

— Ахъ, бабушка, бабушка, какъ намъ скучно будетъ безъ мамы, безъ милой, дорогой нашей мамы,— едва осиливая готовое вырваться изъ груди рыданье, проговорила Катя.

— Я останусь со всѣми вами, дѣточки мои дорогіе,—попрежнему лаская огорченныхъ внучатъ говорила бабушка—и буду изо всѣхъ силъ стараться облегчить вамъ ваше горе. Буду играть съ вами, гулять, кататься...

— И въ лодкѣ кататься будешь? – освѣдомился, глотая слезы Володя.

— И въ лодкѣ кататься буду!— успокаивала его бабушка.

— А съ нами въ куклы будешь играть, бабушка?— спросила Женя.

— И въ куклы играть буду,— согласилась Екатерина Семеновна.

— А миссъ Фрей никогда не играетъ съ нами въ куклы; она говоритъ, что въ куклы могутъ играть только маленькія дѣти,—самымъ серьезнымъ тономъ проговорила Женя.

— Ну вотъ, значитъ, я маленькая, потому что буду играть съ вами въ куклы!—засмѣялась бабушка, притягивая дѣвочку къ себѣ и крѣпко цѣлуя ея разомъ оживившееся личико.

— Совсѣмъ не оттого ты будешь съ нами играть бабушка,—неожиданнымъ образомъ вмѣшался въ разговоръ Воля, — совсѣмъ не оттого! Ты не маленькая, бабушка, а играть станешь съ нами, какъ маленькая потому, что, потому...

— Ну почему же? Скажи-ка мнѣ умникъ ты мой милый?—шутливо спросила бабушка Волю.

— А потому что ты мама нашей мамы и любишь и маму и насъ—своихъ внучковъ и тебѣ бываетъ весело и хорошо когда весело и хорошо бываетъ намъ всѣмъ и мамѣ...

Володя хотѣлъ еще прибавить что то, но бабушка закрыла ему ротикъ поцѣлуемъ и повела дѣтей къ матери, которая была уже вполнѣ готова къ отъѣзду.

II.

Вѣра Николаевна, одѣтая въ дорожное теплое платье съ небольшой темной шляпой на головѣ, которая еще болѣе оттѣнила ея блѣдное, исхудалое лицо, сидѣла на диванѣ. Миссъ Фрей завязывала ей вуаль на шляпѣ, когда въ комнату вошли дѣти. Они порывисто

Мама уѣхала.

бросились къ матери. Всѣ увѣщанія бабушки были забыты. Видя дорогое печально улыбающееся имъ лицо мамы и слезы въ ея кроткихъ милыхъ глазахъ, Катя, Женя и Володя разрыдались на всю спальню. Катя припала къ ногамъ мамы, спрятала на ея колѣняхъ залитое слезами личико и всхлипывая повторяла:

— Мамочка! Дорогая! Милая! Золотая, возвращайся скорѣе... Я умру безъ тебя мамочка!

Мама своей блѣдной, худенькой ручкой нѣжно ласкала прильнувшую къ ней черненькую головку и крупныя слезы обильно струились по ея щекамъ.

Какъ разъ въ эту минуту въ комнату ворвался Коля.

— Мамочка,— кидаясь къ колѣнямъ матери, пролепеталъ мальчикъ.—Какую чудесную постельку тебѣ въ каретѣ Настя съ няней Пашей устроили! Чудо что за постелька! Ахъ, какъ хорошо!

— Поцѣлуй маму, мой мальчикъ, уѣзжаетъ твоя мама! — и горячими поцѣлуями, смѣшанными со слезами, Вѣра Николаевна покрыла личико младшаго сынишки.

Видя, что мама плачетъ, Коля расплакался самъ, да такъ горько, что ни мама, ни бабушка ни старшіе дѣти долго не могли успокоить малютку.

Вошелъ въ комнату папа и, взглянувъ мелькомъ на часы, сказалъ, что пора ѣхать. До отхода поѣзда оставалось всего три четверти часа.

Папа уже былъ въ пальто. Дорожный плащъ онъ перекинулъ черезъ руку. Хмуря брови и нервно подергивая усы, папа проговорилъ дѣтямъ, стараясь быть бодрымъ и твердымъ:

— Ну, дѣтишки, присядемъ. Всегда надо присѣсть передъ дорогой. — И подвинувъ мамѣ кресло пересадилъ въ него съ дивана свою больную жену.

На диванѣ же размѣстились бабушка и дѣти. Только Коля, прицѣпившись къ ногамъ мамы, умѣстился на полу подлѣ нихъ, какъ котенокъ свернувшись клубочкомъ.

Потянулась долгая, какъ вѣчность—минута. Наконецъ, папа первый поднялся съ своего мѣста, за нимъ—бабушка и дѣти. Всѣ опустились на колѣни передъ кіотой съ образами и стали горячо молиться за благополучное путешествіе мамы. И мама молилась сидя въ своемъ креслѣ и прижимая къ себѣ притихшаго и недоумѣвающаго малютку Колю.

Наконецъ наступило самое тяжелое мгновеніе передъ разлукой. Надо было проститься мамѣ съ бабушкой и дѣтьми.

Заливаясь слезами Вѣра Николаевна прильнула къ груди своей матери.

— Сбереги мнѣ моихъ крошекъ, мамочка! — тихо, чуть слышно шепнула она.

— Не безпокойся, Вѣрочка, Господь милосердъ и самъ сбережетъ тебѣ твоихъ птенчиковъ... А я... я... — бабушка не договорила и крѣпко обняла больную.

Дѣти съ плачемъ кинулись въ объятія мамы. Каждаго изъ нихъ она нѣсколько разъ перекрестила и обнявъ поцѣловала ихъ залитыя слезами лица. Теперь они плакали всѣ. Даже Коля по дѣтски горько всхлипывалъ, вытирая глаза кулаченками. Даже бэби,

видя что всѣ плачутъ, начала плаксиво оттопыривать губенки.,.

Видя все это, папа поспѣшилъ прекратить слишкомъ тяжелую сцену прощанья. Онъ наскоро перецѣловалъ дѣтей, благословилъ ихъ и обѣщалъ телеграфировать имъ съ каждой станціи вплоть до границы.

Вошли поваръ Дмитрій и лакей Василій. По знаку папы они приблизились къ креслу, на которомъ сидѣла мама, осторожно приподняли его съ пола вмѣстѣ съ мамой и понесли и кресло и маму на подъѣздъ. Дѣти съ плачемъ и всхлипываніями бросились въ залу, изъ оконъ которой хорошо было видно, какъ посадятъ маму въ карету.

Папа, бывшій уже на подъѣздѣ, тоже поднялъ голову и увидѣлъ въ окнѣ прильнувшія къ стеклу дорогія головки.

Онъ закивалъ имъ головою и сказалъ что-то мамѣ. Вѣра Николаевна подняла свое блѣдное лицо и, увидя дѣтей, слабо улыбнулась, закивала головой и стала издали крестить свою милую маленькую команду.

Коля, уже успѣвшій успокоиться немного, изо всей силы теперь барабанилъ по стеклу одной рукою, а другой посылалъ мамѣ воздушные поцѣлуи.

Катя, Женя и Воля протягивали издали рученки мамѣ, не замѣчая крупныхъ слезинокъ, капавшихъ на подоконникъ изъ затуманенныхъ печалью глазъ.

А у другого окна стояла бабушка и тоже издали крестила уѣзжавшую больную дочку. Крестила и улы-

балась, стараясь ничѣмъ не выказать ни своихъ слезъ, ни своего горя. Бабушка хотѣла придать бодрости своимъ спокойнымъ видомъ дорогой больной и ея дѣткамъ для которыхъ только и жила теперь эта добрая самоотверженная женщина.

III.

— Уѣхала мама! — истерично выкрикнула Катя, когда карета съ лежавшей въ ней на удобно устроенной постели больной завернула за уголъ и скрылась изъ виду.

И она громко и неудержимо разрыдалась на весь домъ.

Бабушка быстро подхватила ее на руки и съ помощью Насти унесла къ себѣ.

Здѣсь въ уютной маленькой бабушкиной спальнѣ Катя еще долго билась и рыдала на рукахъ бабушки, жалобнымъ голосомъ призывая маму.

Екатерина Семеновна не останавливала слезъ дѣвочки. Она давала выплакаться Катѣ, и только поглаживала ея черную головку и вздрагивающія отъ слезъ плечи. Наконецъ всхлипыванія дѣвочки начали становиться все рѣже и тише... Взвинченные нервы Кати опустились и дѣвочка неожиданно и крѣпко уснула на рукахъ бабушки.

Неслышно отворилась дверь въ бабушкину спальню. Вошелъ Володя.

— Тише, милый!—шопотомъ предупредила его Екатерина Семеновна.—Катя заснула.

Мальчикъ осторожно на цыпочкахъ добрался до

дивана, присѣлъ на краюшкѣ его по другую сторону бабушки и прислонясь къ ея плечу головою, спросилъ тихо:

— А что, бабушка, вѣдь мама совсѣмъ здоровая пріѣдетъ къ намъ изъ за границы?

— Конечно, конечно! Господь милосерденъ и совсѣмъ исцѣлитъ нашу голубушку, — гладя прильнувшую къ ней головку, отвѣчала Екатерина Семеновна.

— Охъ, скучно безъ мамочки! — еще тише проронилъ Володя и тяжело вздохнулъ.

— Мы письма отъ нее получать будемъ, — лаская мальчика, говорила бабушка.

— Мама слишкомъ слаба, чтобы писать письма,— съ сомнѣніемъ покачалъ головкой Володя.

— Окрѣпнетъ, дастъ Богъ, мама въ первый же мѣсяцъ на югѣ... Солнышко ужъ тамъ цѣлые дни грѣетъ и цвѣты распустились и деревья. Тамъ лѣто давно,—говорила бабушка, не переставая ласкать мальчика.

— Да неужели?—широко раскрылъ недоумѣвающіе глазки.

— Ну да конечно,—подтвердила Екатерина Семеновна—чудесно тамъ теперь и она тутъже шепотомъ стала передавать Володѣ о томъ, какъ хорошо на югѣ Швейцаріи, какія тамъ высокія горы, какія пышныя деревья и яркіе цвѣты. Бабушка умѣла отлично разсказывать. Ея описаніе природы всегда были такъ красочны и интересны. Потомъ она стала говорить про нравы той страны, куда уѣхала мама, про

маленькихъ загорѣлыхъ швейцарскихъ ребятишекъ, которыя съ самаго ранняго дѣтства помогаютъ отцу и матери въ работѣ. Про стада козъ, которыя пасутся на горныхъ вершинахъ, позвякивая серебристыми колокольчиками и про многое другое...

Въ это время какъ разъ проснулась и Катя.

— Я видѣла маму во снѣ,—проговорила она со счастливою улыбкой,—какъ будто подошла ко мнѣ мама и говоритъ: Ты самая старшая Катя и должна помочь бабушкѣ развлекать и занимать младшихъ братьевъ и сестеръ безъ меня... Постарайся побороть свое горе... Вѣдь и бабушкѣ не легко... Вѣдь бабушка моя мама и ей не радостно отпускать свою больную дочку такъ далеко... Сказала это и такъ крѣпко, крѣпко поцѣловала меня моя мамочка. А потомъ я и проснулась,—и Катя, закончивъ свой разсказъ, обвила ручонками шею бабушки и прижалась къ ея груди.

Володя послѣдовалъ ея примѣру.

— И я хочу помогать тебѣ, бабушка, и я хочу,—прошепталъ ей на ухо мальчикъ.

Екатерина Семеновна обняла обоихъ дѣтей. На глазахъ ея навернулись слезы.

Такъ они сидѣли всѣ трое и каждый, думалъ про себя, что теперь втроемъ, сообща имъ легче будетъ переносить разлуку съ мамой.

Вскорѣ вбѣжали въ комнату Женя и Коля. Женя изображала лошадь, Коля кучера.

— Намъ скучно безъ васъ въ дѣтской можно намъ здѣсь поиграть?—крикнулъ съ порога Женя,

но увидя тѣсную группу, пріютившуюся на диванѣ, галопомъ помчалась туда. За нею побѣжалъ и Коля. Вмигъ оба и лошадь и кучеръ вскарабкались на диванъ, поближе къ бабушкѣ и притихли, какъ мышки на ея колѣняхъ. Про игру они такъ и забыли совсѣмъ. Такъ хорошо было сидѣть на широкомъ диванѣ подлѣ милой и ласковой бабушки и думать о мамѣ!

Володя очнулся первый. Малютка разомъ вспомнилъ про данное имъ только что бабушкѣ обѣщаніе помогать ей развлекать и забавлять младшихъ дѣтей. И тотчасъ-же рѣшилъ приступить къ этому нелегкому дѣлу.

— Вотъ что, милые вы мои,—самымъ серьезнымъ и даже торжественнымъ тономъ обратился онъ къ Женѣ и Колѣ.

— Вы знаете-ли куда уѣхала мама?

— Знаемъ, знаемъ,—отозвались оба въ одинъ голосъ.

— А вы знаете-ли, что эта за чудесная страна, гдѣ будетъ жить наша дорогая мамочка? снова освѣдомился Воля и, не дожидаясь отвѣта, сталъ съ увлеченіемъ разсказывать о южномъ небѣ, о жаркомъ солнцѣ, о высокихъ горахъ, съ покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ вершинами, о зеленыхъ цвѣтущихъ долинахъ, смуглыхъ швейцарскихъ дѣтяхъ и стадахъ, о рѣзвыхъ козочкахъ, позвякивающихъ своими серебряными колокольчиками. Словомъ, онъ передалъ все то, что услышалъ нѣсколько минутъ тому назадъ отъ бабушки.

Екатерина Семеновна поняла свѣтлый порывъ

милаго мальчика и съ ласковой поощрительной улыбкой смотрѣла на Володю, поглаживая его коротко остриженную головку.

Женя и Коля, раскрывъ ротики, слушали съ большимъ вниманіемъ брата, боясь упустить малѣйшее слово, произнесенное имъ.

Незамѣтно подоспѣло время обѣда. За обѣдомъ наступила очередь Кати проявить свои заботы о младшихъ дѣтяхъ. Она намазывала хлѣбъ масломъ для Коли и Жени, наливала имъ молока и всячески услуживала малюткамъ.

Послѣ обѣда до чая играли въ большой залѣ и опять таки Катя съ Володей всѣми силами старались развлекать младшихъ дѣтей. Въ восемь часовъ, прежде чѣмъ дѣти отправились въ дѣтскую, Катя незамѣтно, раньше другихъ проскользнула туда, оправила постельки сестеръ и братьевъ, разгладила малѣйшую складочку на простынѣ, взбила подушки..,

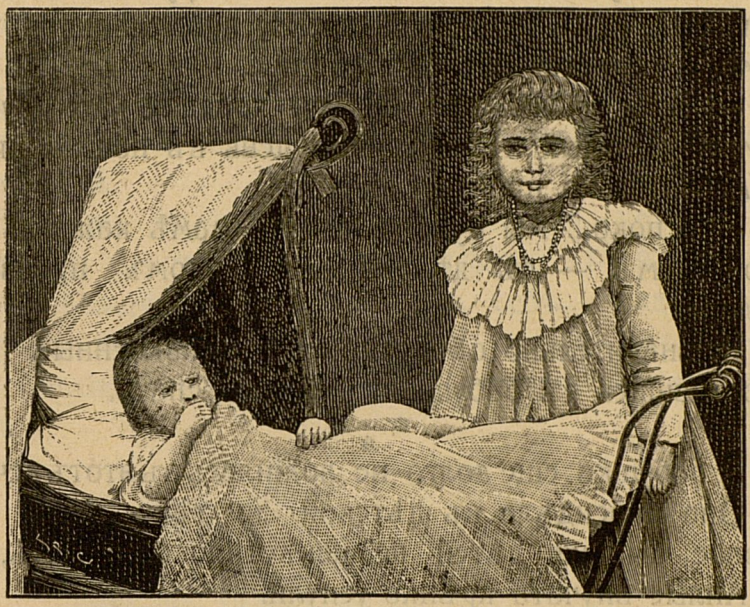
Когда Женя, Коля и бэби были уже раздѣты, Катя подошла къ ихъ постелькамъ и, поочереди заботливо подоткнувъ одѣяльцы вокругъ ножекъ малютокъ, перекрестила брата и сестеръ.

— Это я за маму, можно вѣдь бабушка?— произнесла она несмѣло, цѣлуя поочереди крошекъ.

Бабушка молча кивнула головою. Она не могла произнести ни слова. Заботливость дѣвочки разстрогала ее. Со слезами на глазахъ она обняла Катю и крѣпко поцѣловала внучку. Потомъ вмѣстѣ съ нею и Володей обошла постели улегшихся дѣтей. Надъ изголовьемъ

каждой дѣтской кроватки висѣлъ длинный листъ съ обозначенными на немъ цифрами.

— Пока вы играли въ залѣ, я сдѣлала роспись дней отсутствія мамы,—пояснила бабушка и, взявъ со стола карандашъ, передала его дѣтямъ. Тѣ съ радостнымъ



волненіемъ зачеркнули первый день разлуки съ матерью, прожитый ими и уже отошедшій назадъ.

— Вотъ и прошелъ одинь день!—бодро и весело произнесъ Володя.

— О какъ еще много такихъ дней остается въ переди!—вздохнула Катя.

— Ничего, ничего дѣтки, и оглянуться не успѣете, какъ время пройдетъ!—утѣшала ихъ бабушка. — Не унывайте же и помните, что вы мои помощники и

должны помогать мнѣ во всемъ. Вѣдь помощники, не правда ли дѣти?

— Правда, правда, бабушка! — подхватили въ одинъ голосъ братъ и сестра.

— Ну и спасибо вамъ за это, дорогіе мои,—улыбнулась бабушка.—А въ заботахъ и трудахъ сами не замѣтите, какъ пролетитъ время, промелькнетъ годъ и мама вернется изъ за границы.

— Ахъ, какъ это будетъ хорошо! Это будетъ самый свѣтлый и счастливый день въ нашей жизни! — мечтательно произнесла Катя.

— А пока... мы будемъ писать мамѣ каждый день обо всемъ, — съ дѣловитымъ видомъ произнесъ Володя.

И, значительно ободренные и успокоенные, дѣти простившись съ бабушкой улеглись спать.

* * *

А бабушка еще долго не ложилась въ этотъ вечеръ. Она просидѣла въ дѣтской до тѣхъ поръ, пока ровное дыханіе дѣтей не извѣстило ее о томъ, что ея милые внучата крѣпко уснули.

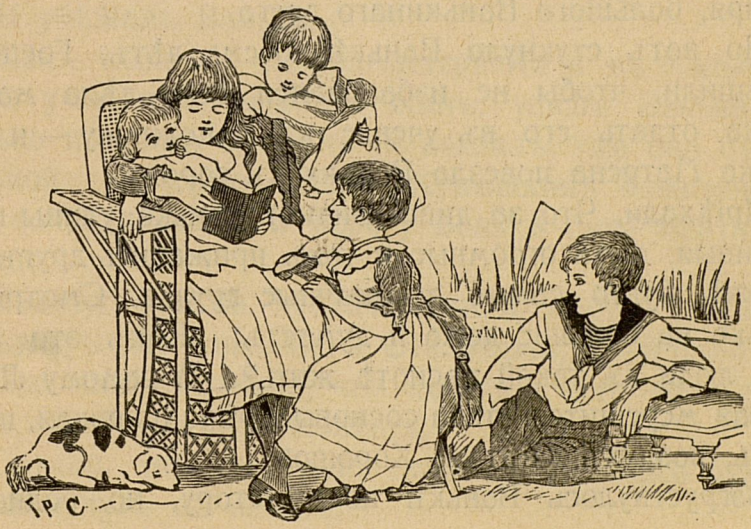
Тогда, бабушка тихо и неслышно ступая, прошла въ свою комнату, заперла дверь на ключъ и, затепливъ лампаду передъ образомъ Богородицы, встала на колѣни и начала горячо молиться.

И тутъ только, наединѣ съ собою, бабушка не стала сдерживать своихъ слезъ. Страхъ за жизнь дочери, пережитыя волненія разлуки, все это вызвало долгосдерживаемыя рыданія изъ груди бабушки. Слезы текли по ея лицу и падали на полъ... Сердце бабушки то

билось, то замирало... Бабушка молилась, прося Бога спасти ея Вѣрочку, вернуть ее здоровою и сильною въ родную семью, если не ради ея матери, то ради дѣтей ея несмышленныхъ еще малютокъ. Молитва укрѣпила бабушку. Значительно успокоенная и увѣренная въ благости и милосердіи Божіемъ она поднялась съ колѣнъ, утерла слезы и снова прошла въ дѣтскую.

Тамъ господствовала тишина, спокойствіе и сонъ. И въ сосѣдней комнатѣ также сладко спала бэби съ ея мамкой.

Бабушка по долгу простояла надъ каждой постелькой, крестя и неслышно цѣлуя дѣтей. Потомъ также безшумно удалилась къ себѣ, раздѣлась, и вручивъ больную, внучатъ, всю семью ихъ и себя милосердію Божью, уснула съ именемъ дочери на губахъ...



Ванька.

Когда сапожный мастеръ, Яковъ Тимофеичъ Краюшкинъ, бывалъ не въ духѣ,—плохо приходилось его «ученикамъ-мальчишкамъ», отданнымъ въ ученье къ суровому хозяину. Былъ Яковъ Тимофеичъ на руку лютъ и бивалъ учениковъ такъ, что у тѣхъ, какъ говорится, искры изъ глазъ сыпались.

Было ихъ трое. Митька Шустрый, Егорка Косой и Ванька. Ванька былъ самый маленькій, самый слабый и колотушекъ ему на долю, по этому случаю, приходилось гораздо больше, чѣмъ остальнымъ.

Мѣсяца три тому назадъ привезла изъ Луги Ваньку тетенька Матрена. Служила тетенька у господъ въ Лугѣ въ кухаркахъ. До восьми лѣтъ жилъ сирота-Ванька у тетенки на кухнѣ, питался съ барскаго стола объѣдками, помогалъ тетенькѣ мыть тарелки и водилъ на прогулку господскую собаку—дога Цезаря, большого Ванькинаго друга.

Но вотъ стукнуло Ванькѣ восемь лѣтъ. Господа порѣшили, чтобы не избаловался безъ дѣла мальчишка, отдать его въ ученье къ сапожнику — и тетенька Матрена повезла Ваньку въ городъ.

Пріѣхали. Что за диво! Видитъ Ванька: улицы широченныя, дома огромные и такъ прижались другъ къ дружкѣ, будто самые закадычные друзья. Смотритъ Ванька на большіе дома и думаетъ: «Какъ это могутъ люди въ такой тѣснотѣ жить?» А самому Луга родная мерещится: лѣса сосновые, рѣка широкая, просторъ, воздухъ, свѣтъ... Хорошо!

Взгрустнулось Ванькѣ по простору, по родному

городу, а тутъ еще хозяинъ строгій, злющій, сычъ-сычомъ, какъ есть. Не взлюбилъ онъ Ваньку. Что ни день, то новыя колотушки. Отдыху отъ нихъ нѣтъ. А товарищи, Митька съ Егоркой, только зубы скалятъ.

— Ладно, привыкнешь, не сахарный!

И смѣются.

Не привыкъ Ванька!..

Пришелъ какъ-то разъ хозяинъ подъ хмѣлькомъ и больно прибилъ Ваньку. До синяковъ прибилъ. И еще «проучить» грозился за то, что будто-бы ему тотъ кожаный товаръ шиломъ пробуравилъ.

Свѣта не взвидѣлъ Ванька. За чужую вину онъ пострадалъ. Егорка кожу испортилъ, а на Ваньку вину свою взвалилъ. Горько, обидно стало Ванькѣ и рѣшилъ онъ, что люди кругомъ злые и что надо отъ злыхъ людей бѣжать къ тетенькѣ Матренѣ, къ добрымъ господамъ, домой, обратно въ Лугу...

И убѣжалъ Ванька.

Какъ хозяинъ съ подмастерьями и съ мальчишками-учениками улеглись спать, ушелъ Ванька тихонько изъ дому и прямо на вокзалъ, гдѣ они съ тетенькой съ чугунки сошли. Краюшкинъ близехонько отъ вокзала жилъ и дорогу Ванькѣ было найти нетрудно.

Видитъ Ванька, поѣздъ стоитъ, ждетъ пассажировъ, пары уже выпускаетъ. Стало быть, скоро тронется.

Вспомнилъ Ванька, что денегъ у него на дорогу нѣтъ, чтобъ до Луги доѣхать.

Однако, унывать было некогда. Не долго думая, прошмыгнулъ въ вагонъ.

Вотъ такъ штука... Бархатъ, зеркало, ковры... Футы, ну-ты! Совсѣмъ царскій поѣздъ! А народу нѣтъ...

Скользнулъ Ванька подъ диванъ, улегся на полу, дохнуть не смѣетъ. Только слышитъ вошли въ вагонъ двое... Усѣлись... По всему видно важные господа. Самихъ то не видно, а сапоги хорошіе, дорогіе на ногахъ; калоши тоже, какъ солнце блестятъ. Хорошія галоши!

Не успѣлъ полюбоваться калошами Ванька, какъ засвистѣлъ поѣздъ и тронулся. Поѣхали!

Ни живъ, ни мертвъ лежитъ подъ диваномъ Ванька,.. А поѣздъ знай себѣ ѣдетъ, да ѣдетъ... Колеса стучатъ, точно говорятъ что-то, такъ то складно, будто стишками...

Ѣдетъ поѣздъ.

Калоши то исчезаютъ, то снова приходятъ. Видно, выходятъ изъ вагона господа...

Вотъ стемнѣло. Зажгли рожки электрическіе. Свѣтло въ вагонѣ, точно отъ солнца.

Ванькѣ ѣсть захотѣлось. Онъ и такъ, и сякъ, и животъ ремнемъ затянулъ, чтобъ голодъ не докучалъ больно, нѣтъ, не помогаетъ... Смерть, ѣсть хочется!

А господа, какъ нарочно, все о съѣдобномъ говорятъ... Одинъ другому разсказываетъ, какъ у него поваръ отлично пирожки слоитъ. Вспомнилъ и Ванька про тѣ пирожки, какими его тетенька-Матрена кормила, и взвылъ волкомъ. Высунулся изъ-подъ дивана

— Дяденьки, родимые мои! Смерть, ѣсть хочется!— кричитъ.

Дяденьки такъ и замерли отъ неожиданности. Что

за притча: въ заграничный экстренный поѣздъ, который прямо въ Парижъ ѣдетъ, попалъ трепаный, рваный мальчишка!

Вытащили Ваньку изъ-подъ дивана, разспросили обо всемъ. Все разсказалъ Ванька—и про побои, и про обиды.

Добрые, видно оказались господа! Повели Ваньку въ сосѣдній вагонъ, гдѣ столики стояли, накрытые для обѣда. Накормили Ваньку. До-сыта наѣлся онъ, а потомъ уснулъ на мягкомъ диванѣ, какъ важный баринъ. А пока онъ спалъ, одинъ господинъ сказалъ другому:

— Славный мальчишка, смышленый, возьму къ себѣ, въ магазинъ, пріучу къ дѣлу, въ люди выведу. А пока что — повезу въ Парижъ, буду тамъ новые товары закупать, а онъ ко мнѣ и къ дѣлу пріучится.

Господинъ былъ богатый купецъ. У него въ Петербургѣ былъ на главной улицѣ большой магазинъ и онъ ѣздилъ каждый годъ въ Парижъ за новымъ товаромъ. У него то и поселился Ванька. Пробыли въ Парижѣ мѣсяцъ, а потомъ въ Петербургъ вернулись. Заѣзжали въ Лугу купецъ съ Ванькой успокоить тетеньку Матрену, которая всѣ глаза выплакала, узнавъ о пропажѣ Ваньки... А тамъ сталъ пріучаться къ торговлѣ Ванька... Полюбилъ его пуще сына хозяинъ и черезъ двадцать лѣтъ, умирая, все свое дѣло ему оставилъ. Разбогатѣлъ Ванька и превратился изъ грязнаго мальчишки-сапожника въ тороватаго купца.

Теперь у него свой магазинъ—большой-пребольшой.

Странная судьба у нѣкоторыхъ людей бываетъ, вотъ подите-жъ!..

Электричка.

Сценка изъ петербургской жизни.

I.

Съ шумомъ и грохотомъ несется, роняя синія искры, большой, биткомъ набитый вагонъ электрическаго трамвая, выкрашенный снизу въ яркій красный цвѣтъ.

Митюшка, внукъ дѣдушки Парфена, хозяина извоза, качаетъ головой и сердито сплевываетъ:

— Тьфу!.. поганый!..

Видѣлъ Митюшка, какъ на улицахъ прокладывали рельсы, видѣлъ какъ ставили столбы, какъ по этимъ столбамъ протягивали толстыя, мѣдныя проволоки, увидалъ, наконецъ, стоящій на рельсахъ новенькій вагонъ «электрички», но до послѣдней минуты какъ то не вѣрилось Митюшкѣ, что пойдетъ ненавистый «красный уродъ«, какъ мысленно окрестилъ трамвай Митя.

И вотъ на-тебѣ, какъ на зло—пошелъ!

Пошелъ-таки «красный»!

И какъ еще пошелъ то! Летитъ, точно вѣтеръ, и только изрѣдка раздается его рѣзкій звонокъ, когда какой-нибудь извозчикъ или прохожій приблизится къ рельсамъ.

«Берегись молъ, иначе раздавлю!

Очень обиднымъ показалось это Митюшкѣ.

Еще бы!

Все было до сихъ поръ хорошо да гладко. Привозилъ Митя дѣдушкѣ Парфену каждый день три рубля,

а то и четыре съ полтиной, выручки отъ извоза, а тутъ на кося!.. Публика такъ и лѣзетъ на трамвай, такъ и лѣзетъ, а онъ Митюшка, долженъ только смотрѣть издали на своихъ прежнихъ сѣдоковъ.

И Саврасъ застоялся. Извѣстно дѣло: безъ работы коню нѣшто сладко?

Горе да и только!

А всему виной „красный уродъ".

II.

Митюшка, внукъ дѣдушки Парфена, извозчикъ; самый настоящій извозчикъ въ синемъ кафтанѣ, на козлахъ, съ кнутомъ въ рукѣ... А ростомъ аршина полтора, только и всего.

Когда сѣдоки спрашиваютъ Митюшку, сколько ему лѣтъ, изъ-подъ извозчичьей шапки, надвинутой почти на носъ, выглядываетъ на нихъ совсѣмъ еще дѣтская рожица съ бойкими, лукавыми глазами и звонкій голосокъ неизмѣнно отвѣчаетъ:

— Шешнадцать.

Митюшка вретъ. И сѣдоки знаютъ, что вретъ Митюшка. Смѣются.

— Вотъ такъ извозчикъ!

На что Митюшка обидчиво моргаетъ красивыми глазенками и бурчитъ:

— Право слово, шешнадцать! О Покровъ стукнуло. Какъ разъ въ Покровъ...

Сѣдоки смѣются.

По лицу Митьки видно сразу, что ему не больше 12-ти, но такимъ молоденькимъ извозчикомъ ѣздить

запрещается, и поневолѣ, по желанію дѣдушки Парфена, Митька набавляетъ года.

Онъ такой славненькій этотъ Митька, жизнерадостный, голубоглазый, и сѣдоки съ особеннымъ удовольствіемъ ѣздятъ съ нимъ. Всѣхъ невольно располагаетъ къ себѣ Митька, всѣ сразу проникаются симпатіей къ нему.

Нѣтъ враговъ у Митьки, одни лишь друзья.

Все друзья.

Только вотъ—электричка!..

Ненавидитъ электричку Митька.

Красный уродъ!..

III.

— Извозчикъ, къ Адмиралтейству!

— Тридцать копѣекъ.

— Побойся Бога! Это отъ конюшенной-то?!.

— Четвертакъ!

— Пятіалтынный! А не-то на трамвай сяду!

— Опять трамвай! Ахъ, штобъ тебя! Пожалуйте!

Дама, толстая, какъ тумба, въ голубой шляпѣ, садится.

— Пожалуйте, лихо прокачу!

И Митька какъ то особенно, ухарски взмахиваетъ кнутомъ. Этотъ жестъ Митька подмѣтилъ у взрослыхъ извозчиковъ и онъ приходится ему какъ нельзя больше по вкусу.

Толстая дама смѣется.

— Вотъ еще какой! Сколько тебѣ лѣтъ?

— Шешнадцать!

— Да что ты! Я думала - десять.

— Право слово, шешнадцать!.. Стукнуло о Покровъ... Какъ разъ.

— Ну, поѣзжай.

— Сейчасъ... Но!.. но!..

— Митька пріосанился. Еще разъ поднялъ кнутъ, гикнулъ, и вдругъ, видитъ передъ самымъ носомъ, откуда ни возьмись,—красный уродъ!

Вотъ такъ штука!

— Подожди! Пропусти трамвай!—пищитъ дама, и голубая шляпа на ея головѣ качается, какъ флагъ.

— Ладно ужъ, знаю!—бурчитъ Митька,—не въ первой!—и разомъ охватываетъ его мальчишески задорное настроеніе:

«Потягаться развѣ съ «краснымъ», кто кого?

Мысль вихремъ кружится въ головѣ Митьки.

— Отвести душу... Перегнать краснаго... Савраска выдержитъ... Крѣпкій конекъ...

Разъ! два! три! И, какъ стрѣла помчался наравнѣ съ трамваемъ Митя и хлещетъ Савраску и гикаетъ, и кричитъ:

— Но!.. но!.. но!..

Еще громче кричитъ дама въ голубой шляпѣ:

Тише! Вывалишь! Ай, ай, ай!

Митька не слышитъ. Митька какъ безумный.

Трамвай: пыфъ! пыфъ! пыфъ!

А онъ съ трамваемъ наравнѣ.

Наравнѣ съ краснымъ. Что, взялъ, а?

Савраска мчится такъ, что прохожіе съ крикомъ кидаются въ разныя стороны. Городовые кричатъ. Дворники кричатъ. Дама кричитъ. Нѣтъ, она ужъ не кричитъ, а стонетъ только:

— А... о.. о... о...

И опять:

— А... о... о... о!

Трамвай катится наравнѣ съ Савраской.

Кондукторъ смѣется. Пассажиры смѣются.

Всѣ смѣются въ трамваѣ.

Митька какъ бѣшеный: не видитъ и не слышитъ ничего. Онъ понукаетъ Савраску, хлещетъ ее, кричитъ, причмокиваетъ:

— Но!.. но!.. но!.. но!.. но!..

Савраска бѣжитъ что есть силъ.

Вотъ и адмиралтейство.

— Тпрууу!

— Стопъ!

Стопъ Савраска и стопъ трамвай.

Такъ-таки въ разъ оба, какъ по командѣ...

Дама уже не стонетъ! Шляпка не колышется, какъ флагъ... Дама не движется. Она въ обморокѣ.

Къ Митькѣ подбѣгаютъ городовые, окружаютъ его.

Ахъ, ты, такой, сякой! Ахъ, ты, этакой! Въ участокъ его!

Схватили Митьку, стащили съ козелъ.

Стали барыню въ чувство приводить, Савраску и дрожки дворнику подержать дали, а Митьку повели. Какъ преступника повели. Но онъ не испуганъ нисколько. Смѣется. Лицо веселое, радостное. Глазенки сіяютъ. Идетъ какъ герой въ участокъ. Хорошо на душѣ. Провелъ онъ краснаго урода! Не далъ красному обогнать себя!

— Что взялъ, красный, а что?!

Гос. Публичная Б-ка

37.28.7.4